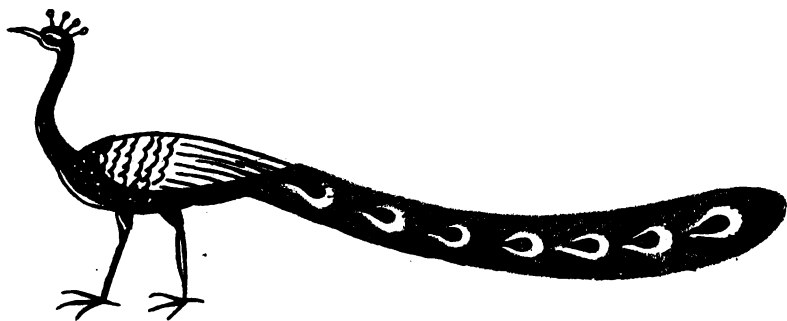

मवेखववेखववव

Издательство „Детская литература“

मखखखंरवतव,

или Сказание
о Великой Битве Потомков
Бхараты

Пересказала для детей
Наталья Гусева

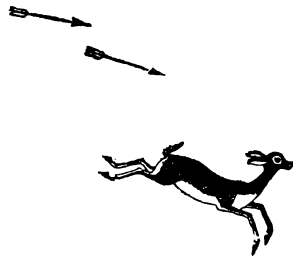
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1964

„Махабхарата, или Сказание о великой битве потомков Бхараты“, — это великий древнеиндийский героический эпос. Созданная около трех тысячелетий назад, „Махабхарата“ является не только замечательным памятником литературы, но и своего рода энциклопедией жизни, обычаев и нравов, эстетических и этических воззрений народов Древней Индии. Многие легенды „Махабхараты“ („Шакунтала“, „Наль и Дамаянти“ и другие) вошли в сокровищницу мировой литературы. Данное издание, предназначенное для детского чтения, сохраняет богатство и многообразие сюжетных линий, передает дух подлинника и его поэтический колорит.

Эту книгу с большим интересом и пользой для себя прочтут не только школьники 5—6-х классов, изучающие историю древнего мира, но и все, кто интересуется культурой других стран и народов.

Великий древнеиндийский эпос

Когда житель Индии слышит слово «Махабхарата», перед его взором сразу встают картины далекого прошлого родной страны. Они проходят в его памяти одна за другой, и каждая из них близка и дорога его сердцу.

Он вспоминает, как в дни праздников в их маленький городок приходили странствующие артисты, чтобы представить предания «Махабхараты». На площади возводился невысокий помост, и сюда, на призывный рокот барабанов, стекались все окрестные жители.

Опускался вечер. Густая тьма скрывала дома и деревья. По углам помоста зажигались глиняные светильники, и в их дрожащем свете перед зрителями появлялись герои древних сказаний. Сидя на земле среди других детей, он с жадностью смотрел, как эти герои боролись за правду и справедливость. Они переносили тяжкие страдания, терпели муки изгнания, встречались в битвах с могучими и страшными противниками, но не отступали и не сдавались и в конце концов побеждали зло.

Когда он стал ходить в школу, он узнал, что отрывки из «Махабхараты» изданы для детей в виде отдельных маленьких книжек. С удовольствием и радостью он прочитал их все, одну за другой. Учителя ставили ему в пример героев этой поэмы и говорили, что надо быть стойким и честным, как они.

Так узнают «Махабхарату» городские дети. Если тот, кто окончил школу, имеет средства, чтобы продолжать учение, и начинает заниматься языками, он прежде всего изучает санскрит — язык Древней Индии. Знать санскрит в Индии — это значит иметь в руках ключ к бесконечно богатой литературе, которая создавалась на этом языке в течение двух тысячелетий.

На санскрите же была создана и «Махабхарата». Те, кто знает санскрит, может прочесть ее, но редко кто делает это, потому что на чтение этой поэмы надо истратить несколько месяцев — «Махабхарата» содержит почти 200 тысяч строк стихов и состоит из 18 книг.

Деревенские жители, которые не знают санскрита и которые в большинстве своем не имеют даже возможности окончить школу, узнают «Махабхарату» из других источников. По вечерам старые люди рассказывают ее детям. По всей стране поют песни о героях этой поэмы. По деревням ходят артисты — кукольники, певцы и танцоры — и представляют сцены из «Махабхараты».

На стенах домов и храмов можно видеть картины на темы этой поэмы.

Каждый индеец узнает «Махабхарату» с детства, для того чтобы никогда не забыть. Да и как можно ее забыть в стране, где ее знают и любят все, от маленьких детей до глубоких стариков, от полуграмотных крестьян до известных ученых! Как можно ее забыть, если в кино идут фильмы на сюжеты отдельных ее сказаний, если городские и деревенские артисты по нескольку раз в год исполняют ее перед зрителями, если во всех книгах упоминаются ее герои?

Индейцы бережно хранят наследие своих предков. Сквозь тысячелетия от поколения к поколению они передают сокровища своей культуры.

Никто не знает, когда именно была сложена «Махабхарата». Многие индейцы верят, что автором этой поэмы является великий мудрец Вьяса, но очень трудно предположить, что такое колоссальное произведение создано одним человеком. Да к тому же и разные части «Махабхараты» очень несхожи между собой. Вероятно, она создавалась постепенно, в течение нескольких веков в первом тысячелетии до нашей эры. И с каждым новым поколением, с каждым новым событием в истории страны к ней добавлялись все новые и новые части и эпизоды. Окончательно записана она была в первых веках нашей эры. Вот как возникла эта великая поэма — народный эпос Индии, так как в его создании принимал участие весь индийский народ.

О чем же говорится в «Махабхарате»? О борьбе за правду. О победе добра над злом. О том, как неустанно люди стремятся к справедливости. В поэме воспеваются также красота индийской природы, повествуется о богах, в безграничное могущество которых верили древние индейцы, говорится о сложных человеческих отношениях. «Махабхарата» — это всеобъемлющая повесть о жизни Древней Индии.

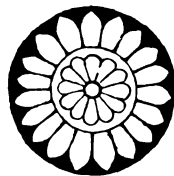
Главными ее героями являются воины. В те далекие времена воины составляли особую группу населения, особое сословие. У них были свои представления о долге и чести, они готовы были отдать жизнь, чтобы не нарушить данного слова, и не прощали бесчестия. Поэтому в «Махабхарате» беспощадно осуждается Дурьодхана — человек, который нарушает долг, который живет по законам зла и коварства.

В наши дни индейцы так же гордятся величием и красотой «Махабхараты», как прежде гордились многие поколения их предков. Поэтому мы, советские люди, искренние друзья индийского народа, должны знать эту поэму.

В нашей стране ученые ведут большую работу над полным переводом «Махабхараты». Но эта работа только начата — из восемнадцати ее книг на русском языке опубликовано не больше пяти.

Я пересказала эту поэму для вас, дорогие ребята, чтобы вы узнали не только ее сюжет, но и мифологию древних индийцев и их высокие представления о чести и долге. Я старалась также отбирать из огромного количества разных эпизодов только те, которые наиболее широко известны в Индии и которые легли в основу многих произведений, создававшихся индийскими поэтами, художниками и скульпторами на протяжении нескольких тысячелетий. Стихи в этой книге не являются переводом строф памятника. Это просто стихотворное изложение мыслей, навеянных всем духом поэмы.

Н. Гусева

Н а ч а л о

Начинается сказание о древних героях, об их доблестях и добродетелях, о подвигах и победах.
Начинается сказание о битве, которая разгорелась, как пламя, пожирающее жертвы, и охватила все народы, жившие от края и до края океана.

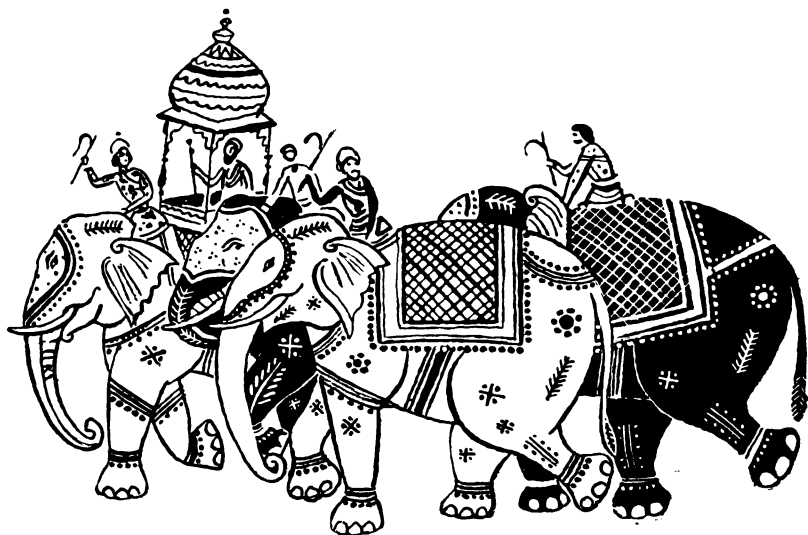
Кто побеждает в смертельном сраженье?
Истинным подвигом что назовется?
В споре неравном кто правым бывает?
В песнях кого прославляют на свете?

Тот, кто, себя для других не жалея,
Бьется за чистую, светлую правду,
Тот побеждает в смертельном сраженье.

Истинным подвигом люди считают
Бой без сомнений и колебаний
С темными силами зла и коварства.

Правым останется в споре неравном
Тот, кто, не ведая черной корысти,
К благу людей всей душою стремится.

Тех прославляют в легендах и песнях,
Кто благороден, бесстрашен и честен,
Где бы ни жил он и кем бы он ни был.

Рассказ о Бхарате

Некогда правил землей юный царь Душьянта. Он был наделен красотой и силой, щедростью и добротой и всеми достоинствами героя. Не было равных ему в стрельбе из лука, в умение владеть мечом и в искусстве править боевыми слонами. Все называли его опорой закона и хранителем подданных.

И вот однажды этот великий царь отправился на охоту. Его сопровождали воины на колесницах, конях и слонах. Они били в барабаны и трубили в раковины. От шума и топота сотрясалась земля, и все лесные звери метались в смертельном страхе, не зная, где искать спасения. Душьянта сразил своими стрелами сотни тигров и львов, тысячи антилоп и множество дичи. В погоне за убегавшим зверем он

оставил далеко позади всех охотников и углубился в самую чащу леса.

Лес был страшным и диким, колючие растения оплетали стволы деревьев, воздушные корни баньянов непроходимой сетью висели до земли. Но внезапно Душьянта очутился в цветущей роще, где благоухал жасмин, лианы были усыпаны цветами и ни на одном растении не было шипов. Все птицы здесь были сладкогласны, а над ароматными полянами жужжали пчелы. На берегу прозрачной реки прыгали антилопы, а возле них мирно предавались отдыху львы, тигры и леопарды.

Когда Душьянта попал в этот лес, усталость, голод и жажда покинули его и он ощутил в сердце великую радость. Бросая вокруг взоры, исполненные восхищения, он подошел к реке. У самой воды стояла хижина отшельника.

Царь сошел с коня и, направившись к этому мирному жилищу, воскликнул:

— Кто здесь обитает?

На его зов из хижины вышла девушка, прекрасная и нежная. Почтительно склонившись перед Душьянтой, она смиренно приветствовала его, затем подала ему воду для омовения ног и чашу с питьем.

— Кто ты, блистающая скромностью? — спросил Душьянта. — И кто твой отец, скажи, одаренная юностью и красотой?

Девушка поведала ему, что ее матерью была небесная нимфа, которая слетела на землю, чтобы дать ей жизнь, и, оставив ее, новорожденную, на берегу реки, снова поднялась в обитель богов.

— Меня нашел отшельник, — рассказала девушка, — назвал меня Шакунталой и вырастил в этой хижине как свою дочь. И я почитаю его как отца и во всем покорна его воле. Сейчас он придет из леса, и ты убедишься, о достойный, в правде моих слов.

Пока она так говорила, Душьянта не мог отвести глаз от ее дивного лица, и его сердце наполнилось любовью к ней.

— Будь моей женой, прекрасная, — сказал он, — и знай, что тебе принадлежит все, чем я владею: и царство, и дворцы, и сокровища.

Глаза Шакунталы, длинные, как лепестки лотоса, вспыхнули любовью и радостью, но она потупилась в смущенье и тихо проговорила:

— Ты должен спросить об этом у моего отца, великий царь. И если он разрешит мне стать твоей супругой, то и я согласна. Но только помни:

Если от брака с тобою
Сын у меня родится,
Он станет править царством —
Другого царя не будет.

Если ты согласен, то я выйду за тебя... Вот идет мой отец. Проси его, чтобы он отдал меня тебе в жены, соблюдая закон.

Сочетавшись браком с Шакунталой, царь остался в лесу, наслаждаясь счастьем и покоем.

Время текло незаметно, как река мимо своих берегов. Но однажды прискакали гонцы из столицы Душьянты и сказали, что дела царства зовут его, а все подданные скорбят о нем. Но он забыл их, и в стране воцаряется беззаконие.

Душьянта нежно простился с Шакунталой и покинул лесную обитель со словами:

— Жди, луноликая. Скоро ты услышишь громоподобный рев слонов и грохот колесниц — это придут за тобой мои советники. А с ними придут воины, пешие и конные, и воины, едущие на слонах. Тебя с почетом привезут в мою столицу, и все мои подданные окажут тебе знаки высшего уважения и преданности.

Шакунтала стала проводить свои дни в мирной тишине, одиноко грустя о своем царственном супруге. Она уходила далеко-далеко вдоль берега реки и прислушивалась, не донесется ли до нее грохот колесниц или ржание боевых коней. Но дни пролетали за днями, и ничто не нарушало покоя тихой обители.

Настал день, отмеченный счастливым сочетанием звезд, и у Шакунталы родился сын, прекрасный, как молодой месяц. Старый отшельник совершил все обряды, которые должен совершить отец при рождении сына в соответствии с древним обычаем, и мальчик стал расти в лесной хижине. Он рос так быстро, что к шести годам достиг силы великого богатыря. Ему ничего не стоило поймать льва или тигра и привязать их к дереву, как козлят. Он был наделен безмерной храбростью и несравненной красотой и радовал мать своими подвигами.

Видя, что царь Душьянта слишком долго не присылает советников за своей супругой, отшельник дал совет Шакунтале вместе с сыном отправиться в столицу царства.

И вот настал час, когда сияющая радостью Шакунтала и подобный солнцу сын ее предстали перед взорами Душьянты.

Душьянта восседал на золотом троне, окруженный толпами людей, как месяц, окруженный звездами.

Шакунтала, почтительно склонившись перед ним, сказала:

— О величайший из царей земли, я твоя супруга, с которой ты сочетался браком в лесной обители. Я пришла, чтобы занять в твоём дворце свое законное место, а это твой шестилетний сын, отпрыск царского рода.

— Как это может быть?! — возмущались в толпе. — Кто эта женщина? Почему никто о ней раньше не слышал? И чей это сын, которого она называет сыном нашего владыки?

Но Душьянта тотчас узнал Шакунталу, и в сердце его вновь вспыхнул угасший было пламень великой любви.

Слыша возгласы в толпе, он понял, что народ не примет Шакунталу и не поверит, что она царица. Он мысленно воззвал к богам, умоляя их помочь его любимой, а сам воскликнул в притворном гневе:

— Уйди отсюда, коварная женщина! Как я могу верить тебе? Я не помню, чтобы я сочетался браком с отшельницей. И как этому мальчику может быть шесть лет от роду, когда он телом подобен стволу могучего дерева, а в глазах у него блещет отвага зрелого воина?

Шакунтала оробела от неожиданного оскорбления и обиды, а затем проговорила с горечью:

— Если ты, знающий правду, говоришь «не знаю», то не только обманываешь меня и своих подданных, но обкрадываешь самого себя, лишаясь такого сына. И не думай, что никто не увидит зла, совершаемого тобою. Сказано ведь:

Наши дурные поступки
Не могут быть скрыты бесследно —
Солнце, Земля и Небо,
Месяц, Огонь и Ветер
И сердце в груди человека
Правду видят и знают.

С этими словами Шакунтала, скорбно закрыв лицо покрывалом, ушла вместе со своим сыном. И тогда все услышали чей-то незримый голос:

— О лев среди царей! Не совершай греха. Прими с любовью эту женщину, твою супругу, и этого мальчика, наследника твоего престола.

И сразу все заговорили:

— Да, да. Не следует отвергать свою жену! Ведь сказано:

Жена — украшение дома,
Жена — опора хозяйства,
Жена — самый верный спутник
На трудной дороге жизни.

— Царь, ты напрасно отверг эту скромную, эту достойную женщину. Ведь она твоя супруга.

И Душьянта вскричал в великой радости, простирая руки вслед ушедшим:

— Верните их, дорогих моему сердцу. Верните их, единственных и несравненных. Моя жизнь оборвется, если я не обниму своего сына.

Гонцы царя устремились из дворца по всем улицам, и вскоре Шакунтала, счастливая и нежная, взошла на престол рядом с Душьянтой, а прекрасный сын ее был всенародно объявлен сыном царя и наследником престола. Царь дал ему имя Бхárата, и от этого достойного произошел род Бхараты, род мудрейших правителей и величайших героев.

Цари из этого рода были опорой справедливости и хранителями чести. Каждый из них правил землей тысячу лет. Они следовали законам добрых и достигли высочайшей славы. Народ сложил о них самые прекрасные свои песни.

Рассказ о Бхишме

В этом великом роду был царь, по имени Шантáну. Наделенный добродетелями, он правил землей, не нарушая законов, и народ его был счастлив.

Однажды этот царь встретил на берегу священной реки Гáнги девушку с тонкой талией и огромными глазами, красотой подобную сердцевине цветущего лотоса.

— Кто ты, похожая на лань в первый день весны? Кто ты, чьи волосы струятся по земле, как вода, и чья поступь, как поступь лебедя? Будь моей женой, несравненная, молю тебя.

Красавица, просияв улыбкой, ответила царю:

— Я буду твоей женой, о лучший среди воинов земли. Но при одном условии: поклянись, что никогда ни о чем меня не станешь спрашивать и позволишь мне делать все, что я пожелаю.

— Я на все согласен, блистательная. Взойди на мою колесницу, и эти кони, что стремительнее ветра, помчат нас в мой город.

И вот жизнь этого царя превратилась в поток радости и веселья, словно сама Лákшми, богиня красоты, стала царицей в его дворце. Счастье расцвело еще пышнее, когда у них

родился сын — украшение земли и неба. Но царица неожиданно подняла на руки этого младенца, наделенного всеми достоинствами, и бросила его в волны Ганги.

Пораженный скорбью царь не знал, что и подумать об этом, но, помня свое обещание, ни о чем не спросил. Когда же по прошествии времени эта женщина, одаренная несравненной красотой, утопила семерых сыновей и у нее должен был родиться восьмой, царь вскричал:

— Что ты делаешь, сыноубийца? Почему губишь безвинных детей моих? Почему не хочешь подарить мне хоть одного сына, продолжателя моего рода?

— Ты забыл свое обещание, — ответила ему царица, — прощай.

И, сказав так, она исчезла.

А царь много лет предавался тяжкой скорби и ни в чем не мог найти утешения. Он постоянно приходил на берег Ганги и бродил там в тоске, вспоминая своих детей.

Однажды он заметил, что вода в священной реке обмелела и чем дальше он шел, тем больше обнажалось дно этой великой реки. Вскоре он увидел прекрасного юношу, который, стоя на берегу, посылал в волны тысячи стрел, и мощные эти стрелы сдерживали могучий поток. Пораженный невиданным чудом, царь пожелал узнать, откуда у юноши такая божественная сила.

Но он не успел ни о чем спросить его. Воды Ганги наступились, и из волн появилась та, что убивала своих сыновей, та, о которой царь тосковал столько лет. Сияя красотой, она приблизилась к царю и проговорила:

— Пришло время тебе все узнать, о тигр среди мужей. Знай, я богиня этой реки и мое имя Ганга. Блажен, кто оканчивает свою жизнь здесь, в волнах, — он обретает бессмертие и живет в обители богов. Семь моих сыновей стали равны богам. А вот этот юноша, восхитивший тебя, — это восьмой наш сын. Возьми его во дворец. Он будет вершителем справедливости и укротителем врагов.

Проговорив так, она скрылась в волнах, а царь с сердцем, исполненным великой радости, направился со своим сыном в столицу.

Этот юноша стал лучшим среди героев и изучил все науки, известные в трех мирах. Отец дал ему имя Бхишма и объявил его наследником престола.

Но душа царя все же не обрела покоя. Теперь его стал терзать страх за жизнь единственного сына. Недаром мудрецы говорят, что человек, имеющий только одного сына, почти равен бездетному.

После долгих раздумий царь решил, что дальше нельзя наслаждаться созерцанием своего сына. Надо взять жену для обретения нового потомства. И вот, когда царь бродил однажды в лесу, погруженный в мысли о женитьбе, он вдруг ощутил тончайший аромат, равный аромату многих тысяч голубых лотосов, и перед ним возникла девушка, одежды которой источали нежнейший запах.

— Отведи меня к твоему отцу, обладающая совершенством! — воскликнул царь, опьяненный этим ароматом. — Я хочу просить у него твоей руки.

Отец девушки был простым рыбаком. Услышав о желании царя, он очень обрадовался, но потребовал, чтобы сын царя от этого брака наследовал престол.

Как же мог царь согласиться на это, уже назначив наследником Бхишму? Как мог он, преданный правде, совершить такое беззаконие? Ведь только Бхишма, а после него его старший сын и старший сын этого сына должны занять трон.

И вот царь вернулся во дворец и стал проводить дни свои в великой грусти, вспоминая прелестную девушку, которую встретил в лесу.

Услышав его стенанья и узнав о причине его тоски, Бхишма решил отказаться от трона. Он дал также клятву никогда не жениться, чтобы не иметь детей, которые могли бы когда-нибудь претендовать на престол. Приняв этот тяж-

кий обет, благородный Бхишма сам сосватал дочь рыбака для своего отца и привез ее на колеснице во дворец.

Ведь сказано мудрецами:

Тот, кто отцу не перечит,
Его почитает и любит,
Кто служил отцу опорой, —
Тот верным считается сыном.
Тот, кто отца жалеет,
Себя для него забывает,
В горе его поддержит, —
Тот добрым считается сыном.

Вскоре у царя родился новый наследник. Когда настала его пора, он стал править царством, а Бхишма, сведущий в науках и опытный в законе, помогал ему советом и делом. Царство их процветало. Когда пришел час, отмеченный благоприятным стоянием планет, Бхишма нашел для своего младшего брата жену, подобную светлой жемчужине, и они счастливо зажили в своем прекрасном дворце.

И вот у молодого царя родился сын, одаренный всеми знаками царского рода. Ему дали имя Кúру. Бхишма обучил и его великой науке управления царством, и в назначенный день молодой наследник вззошел на престол своих предков.

Рассказ о сыновней любви

Однажды этот молодой царь спросил у Бхишмы: — Скажи, мой почтенный дядя и наставник, как случилось, что ты одинок и бездетен? Отчего не сочетался ты браком по законам, которые соблюдают воины?

— Оттого что судьба моего отца была мне дороже собственной судьбы, — ответил Бхишма. — Не я первый в нашем роду избираю несчастье во имя счастья отца.

— Кто же еще из наших предков поступал так? — спросил царь Куру.

— Я расскажу тебе. Впусти мои слова в твою память и сохрани их для своих потомков.

Был в нашем роду правитель, по имени Яяти. Он имел пятерых сыновей, пятерых прекрасных мальчиков, подобных сыновьям богов. Он растил их с любовью, и всю нежность своего сердца отдавал он этим детям, которые весело играли вокруг него. И вот выросли из них славные воины, преуспевающие в подвигах, сияющие силой и отвагой. А их отец, по неведению, совершил однажды тяжкий проступок и был за это проклят богами. Ему, еще далекому от конца своей жизни, была ниспослана преждевременная старость. И было ему сказано, что только тогда сможет он вернуть себе силу, когда один из его сыновей согласится взять его старость и отдать взамен свою юность.

Горько рыдая, созвал Яяти своих сыновей и обратился к ним со словами, исполненными печали:

— Дети мои, всю любовь моей души отдавал я вам. Каждая ваша улыбка радовала меня, как сияние утреннего солнца, и каждая слеза жгла мою душу, как яд многих сотен змей. Для счастья и радости вырастил я вас. Но вот неожиданно постигла меня самого тяжкая беда. Не успев насладиться молодостью и силой, стал я старым и немощным. Не успев выполнить долг перед своими подданными, лишился я могущества и не смогу уже быть опорой царства и защитником людей. Горе, горе мне! Кто из вас, любимые дети, спасет меня, кто согласится взять мою старость в обмен на юность и мою немощь в обмен на здоровье? Не навсегда прошу я об этом, а всего на тысячу лет. По истечении этого срока вернется к вам красота и сила, а я, успев свершить все земные дела, безропотно стану дряхлым и буду

готовиться к смерти. . Кто из вас, рожденных моим сердцем, согласен спасти меня?

И тогда ответил старший сын:

Кто стар, тот красоты лишен и силы,
Кто стар, того обидеть каждый может,
Кто стар, морщинами обезображен, —
Никто не хочет юности лишаться.

И второй сын проговорил:

Погубит старость ловкость и отвагу
И унесет блаженство и веселье,
Ослабнет ум и одряхлеет тело, —
Кто же захочет с юностью расстаться?

И два других сына сказали:

— О да, отец. Слова наших братьев — это наши слова. Морщины и седые волосы кому же нужны раньше времени? Мы все хотим насладиться своей молодостью. Позволь нам уйти. Нас ждут охотники, мы собрались на ловлю диких слонов.

Но тут заговорил младший сын:

— О нет, отец. Я не покину тебя в такой беде. Мое сердце разрывается при виде твоего горя. Ты, отдавший нам всю любовь свою, ты был могучим защитником государства, мудрым правителем и знатоком закона, ты был отважным сокрушителем врагов. И вдруг ты перед нами — седой и согбенный, с бессильным, дрожащим телом. Мои глаза не могут спокойно видеть несчастье, которое тебя постигло. Я отдам тебе свою молодость! Наслаждайся ею тысячу лет, побеждай в битвах и охраняй честь рода. Я беру себе твою старость.

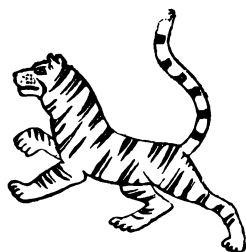
И не успел он договорить до конца, как стал дряхлым и слабым и был в кругу своих братьев, как высохшее дерево среди цветущих пальм.

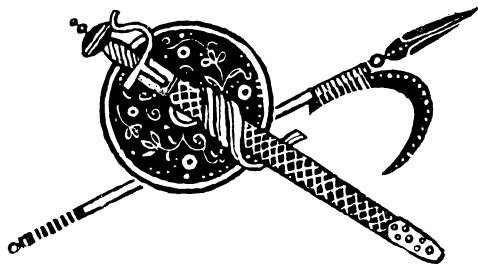
Увидев, что из всех его сыновей только один пожалел его, Яти по прошествии тысячи лет вернул ему молодость и отдал ему царство в придачу. И молодой царь еще тысячу лет счастливо правил страной.

Но и на других своих сыновей Яти не обратил гнева. Он отдал им землю на границах царства, и они были счастливы, что отец в доброте своей простил их.

Прощение выше, чем гнев и надменность,
Милосердие выше осуждения и мести,
Доброе слово выше дурного,
Дружба и щедрость выше, чем грубость...

Так закончил мудрый Бхишма свой рассказ, и молодой царь Куру почтительно склонил голову перед памятью своих великих предков.

Рассказ о начале раздоров

Э тот славный потомок Бхараты много лет счастливо правил землей. Бхишма зорко наблюдал за всеми делами царства и всегда вовремя приходил на помощь своему племяннику. Народ восхвалял мудрость и стойкость своего правителя.

Но нет в этом мире ничего неизменного. И однажды семя зла упало на чистую почву процветания великого рода Бхараты, и выросло дерево зла, налитое ядовитым соком.

У достойного царя Куру родился сын. Какой великой радостью могло бы стать это появление наследника, каким несравненным счастьем для отца! Ведь сказано:

Моли богов о рождении сына, —
В образе сына себя ты видишь,
В жизни сына ты существуешь;
Тот не умрет, кто имеет сына.

Но злая судьба стерегла царского наследника у самых истоков его жизни. Несчастье притаилось у его колыбели: он родился слепым.

Не было предела великому горю, которое охватило сердце царя. Утешились родители и все жители царства только тогда, когда на свет появился второй сын, отмеченный счастливыми знаками.

Старшему сыну отец дал имя Дхритара́штра, что значит «защита царства», и растил его как будущего правителя страны. Младшего сына называли Пáнду.

Стойкий в обетах Бхи́шма обучал и старшего и младшего царевичей всему, что должны были знать юноши царского рода.

Слепому Дхритара́штре было трудно постигать науки. Зато его брат Панду проявлял много ума в овладении знаниями и много искусства в умении командовать войском.

Когда царь Куру состарился, он захотел передать власть в руки наследника.

По законам царей старший сын должен был унаследовать престол. Но разве может слепой управлять царством? Оно станет подобным стаду слонов без вожака, земле без дождя, лодке без весел. Рассудив так, царь решил нарушить древний закон и назначить наследником младшего сына — Панду.

И вот Панду стал царем и много лет управлял страной согласно законам — мудро и справедливо. Его жена, добродетельная Кúнти, родила ему пятерых сыновей. Все называли их Пáндавы, что значит «потомки Панду».

Природа одарила их всеми достоинствами воинов и героев: силой и красотой, ловкостью и отвагой, умом и благородством.

Старший из Пандавов, по имени Юдхíштхира, что означает «стойкий в битве», отличался мужеством и мудростью. Он был опорой братьев в любом испытании, и все они принимали его слова, как свои.

Имя второго брата было Бхимасéна, что означает «войско ужаса». В его теле таилась мощь молодого слона, и своими подвигами он вселял страх в сердца врагов. Он мог одной рукой вырвать из земли толстое дерево и насквозь пробить гору своей боевой палицей.

Третий сын, которого называли Арджуна, что означало «светлый», был искусен в речах и необыкновенно ловок во

владении оружием. А в стрельбе из лука ему не было равного среди воинов. Его тело своей гибкостью напоминало лиану, а сияние прекрасного лица было невыносимо для взоров людей, как сияние солнца.

Два младших брата, Накула и Сахадéва, были близнецами. Не только лицом, но и мыслями и делами они были похожи один на другого, как две звезды, и оба так искусно умели владеть мечом, что на всей земле не было воина, который мог бы сравниться с ними.

Все пять братьев Пандавов преданно любили друг друга и были всегда неразлучны, как светила в одном созвездии, как пальцы на одной руке.

А у слепого Дхритараштры и его жены Гандхáри родилось сто сыновей. По имени деда их называли Кауравами. Кауравы росли и обучались вместе с Пандавами под надзором своего прапрадеда — доблестного и мудрейшего Бхишмы.

Пандавы преуспевали в учении и впитывали в себя знания, как сухая земля впитывает в себя влагу первых дождей. Кауравы же не были одарены такими очевидными достоинствами, и наука давалась им гораздо труднее.

Так было, когда царством правил несравненный Панду; так продолжалось после его смерти, когда на престол в славном и богатом городе Хастинапúре взошел слепой царь Дхритараштра — отец Кауравов.

Старший из Кауравов, по имени Дурьóдхана, что значит «злой воин», отличался жестоким сердцем, коварным умом и низкой душой. Он невзлюбил Пандавов. Ему не нравилось, что все жители царства восхищаются ими и прославляют их в песнях и речах. Он завидовал блеску их славы и не хотел, чтобы кто-нибудь из них стал наследником престола, ибо пращур их Куру завещал полцарства Пандавам и полцарства Кауравам. Дни и ночи думал он, как бы ему избавиться от своих двоюродных братьев. Зависть и страх поочередно одерживали победу в его сердце.

Но он боялся открыто поднять руку на Пандавов, и особенно сильно страшился Бхимасены, этого молодого льва.

«Вот если бы мне обманом и хитростью одолеть его, тогда бы я без труда победил остальных и стал бы царем в нашей стране», — думал он, измышляя разные ловушки для Пандавов.

Однажды ему с помощью братьев удалось связать спящего Бхимасену лианами и столкнуть его в стремительный поток. Но этот сильнейший среди царевичей одним движением плеч разорвал крепкие путы и невредимый вышел на берег. В другой раз Дурьодхана забросал его ядовитыми змеями, но Бхимасена задавил всех змей, раньше чем они успели вонзить зубы в его тело. В третий раз он подмешал в пищу Бхимасены страшный яд, от которого гибнет все живое, но юный герой был так крепок и могуч, что яд не принес ему вреда.

Когда на пути встречается такой человек, как Дурьодхана, следует помнить:

Если ты должен выбрать
Между змеей и злодеем,
Бойся избрать злодея —
Лучше змею избери ты.
Змея только раз ужалит
И прочь отползет бессильно,
Злодей же с душою черной
Жалить будет всечасно.

С каждой неудачей все больше распалялось злое сердце Дурьодханы.

Но он решил больше не покушаться на Пандавов, до тех пор пока он и его братья не возмужают. Он понял, что Кауравы смогут одолеть своих двоюродных братьев только тогда, когда в совершенстве изучат воинское искусство. И каждый день он стал напоминать отцу о том, что всем царевичам пришла пора овладеть наукой воинов.

— Да, да, — соглашался царь, — пришло время искать наставника, опытного в обязанностях учителя и знатока оружия.

— Но надо найти лучшего, — добавлял мудрый Бхишма, — достойного быть наставником царевичей из рода Бхараты.

— Как же узнать, кто в стране лучший из учителей, скажи, почтенный? — спросил царь.

— Когда придет час, определенный судьбой, он сам появится, — отвечал Бхишма.

И вот однажды царевичи играли в деревянный мяч и уронили его в колодец. Юноши прилагали все свое старание, чтобы достать мяч, но никак не могли. Горящими от нетерпения глазами они смотрели на мяч, плавающий в воде, и кусали губы в досаде.

— Какие же вы воины? — со смехом проговорил кто-то возле них. — Неужели вы не можете ничего придумать?

Юноши оглянулись и увидели, что на них с улыбкой смотрит могучий человек с плечами слона и грудью льва.

— Царевичи из рода Бхараты должны в совершенстве владеть оружием, — продолжал незнакомый воин. — Смотрите, что надо сделать.

И он бросил в тот глубокий колодец один дротик и пронзил им мяч. Брошенным вслед другим дротиком он пронзил первый, а третьим пронзил второй. Так он нанизал несколько дротиков, и они превратились в длинную цепь, которой он и извлек мяч.

Изумленные царевичи спросили его:

— О, кто же ты, обладающий столь совершенными знаниями?

— Пойдите к вашему прадеду Бхишме и расскажите, как я достал вам мяч. Он вам скажет, кто я.

Когда Бхишма услышал о таком чудесном извлечении мяча, он воскликнул:

— Это Дрбна! Это безупречный воин, обладающий совершенным знанием всех видов оружия. Я давно наслышан о его воинской славе и ожидал его прихода. Именно он должен стать наставником царевичей.

С этого дня Дрона, владеющий сокровенными тайнами военного искусства, стал обучать царевичей. Он научил их стрелять без промаха из лука, биться на мечах и палицах, метать копьё и дротик, сражаться на конях, боевых слонах, на колесницах и пешими.

И снова Пандавы проявляли во всем больше искусства и умения, чем Кауравы. Видя это и не будучи в силах сдерживать свою злость, Дурьодхана стал просить своего слепого отца придумать, как им избавиться от пятерых братьев. Но слепой Дхритараштра не хотел причинять Пандавам зла. Он старался успокоить своего сына и увести его с пути жестоких и несправедливых мыслей.

— Всегда помни, сын мой, — говорил он ему, — слова мудрецов:

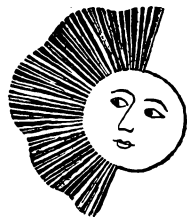
Кто семя зла уронит в почву жизни,
Тот снимет урожай дурных поступков.
Они, как эхо, в людях отзовутся,
И новое в ответ родится зло.

«Нет, нет, — думал Дурьодхана, слушая эти речи, — отец мне не поможет. Он хочет, чтобы мы жили как равные, и не думает о том, что, когда он умрет, сыновья Панду станут править нами, Кауравами. О, где бы мне найти сильного друга, который поддержал бы меня? Где бы отыскать героя, равного Пандавам по силе и отваге?»

— Хорошо, мой почтенный отец, — ответил он, притворно смиряясь, — твои мудрые слова проникли мне в душу. Я понял, что мы должны любить своих братьев.

И он ушел, затаив низкие мысли и скрывая от всех жестокость своего сердца.

Рассказ о дружбе Дурьодханы и Карны

Однажды у Солнца родился сын. Это был дивный младенец, непохожий на детей человеческого рода. Он родился в панцире, приросшем к его телу, а в ушах у него сверкали серьги, в которых было скрыто солнечное сияние. Блеск этих серег и сверкание панциря озаряли его лицо, как яркие лучи.

— Ты будешь жить среди людей, наделенный великой силой, и будешь горячим, как я, — сказала Солнце, оставив этого необыкновенного мальчика на берегу реки.

Волны подхватили этого сына небес и понесли его мимо берегов, мимо рисовых полей и зарослей лиан.

Когда этот ребенок проплывал мимо города в стране ядâвов, один из царских колесничих поил у реки своих коней. Увидев, что волны влекут что-то сверкающее, как огонь, он бросился в воду и вынес на берег младенца. Пораженный и обрадованный, он отнес это чудо своей жене и сказал ей:

— Мы с тобой бездетны и каждый день молим богов о рождении сына. Поверь, этот необыкновенный ребенок послан нам богами. Прими его как сына и отдай ему всю свою любовь. А я позабочусь о том, чтобы вырастить из него воина и героя и научить его управлять боевыми колесницами.

Мальчику дали имя Карна́, и он стал расти в этом доме как сын колесничего. Он ничего не знал о своем истинном происхождении, но больше всего на свете любил солнце и всегда играл с солнечными лучами, ловя их на траве и на цветах, на земляном полу дома и в волнах реки. Он любил искусство вождения колесниц. Пронсясь по дорогам так быстро, что деревья по сторонам сливались в одну зеленую ленту, он думал: «Я подобен солнцу, которое мчится по небу в сверкающей колеснице».

Когда солнце клонилось к закату, Карна провожал его низким поклоном, касаясь лбом земли, и не поднимался до тех пор, пока последние лучи не гасли на вершинах дальних гор.

Так рос Карна и с каждым днем становился опытнее в обязанностях колесничего. Силою своих рук он создал себе славу воина, которая достигла других городов и других стран. О ней узнали и в Хастинапуре.

Когда Дурьодхана услышал про Карну, он стал днем и ночью мечтать о дружбе с ним. Но время шло, а ему не представлялось случая встретиться с этим могучим воином.

Но однажды колесо жизни повернулось к Дурьодхане своей благоприятной стороной. Когда Кауравы и Пандавы в совершенстве овладели всеми знаниями, их учитель Дрона сказал:

— Настал час, когда юноши великого рода Бхараты должны показать свою ловкость и отвагу. Ведь сказано:

Не должно скрывать от мира
Плоды своего ученья.
Кто знания свои умножил,
Тот должен служить примером
И блеском своих познаний
Другим осветить дорогу.

А поэтому следует объявить день воинских состязаний и пригласить сыновей других царских родов на это зрелище.

— Я рад слышать твои слова, могучий Дрона, — сказал Дхритараштра. — Как хотелось бы мне иметь зрение, чтобы наслаждаться видом воинской доблести наших сыновей! Но, если меня судьба лишила этой радости, пусть другие вкусят ее. Надо устроить состязание как можно скорее.

И когда настал назначенный день, на большом поле близ городской стены собрались толпы народа. Царский двор и знатные воины, приглашенные из других городов и стран, взошли на помост, украшенный жемчугом, и сели на мраморные скамьи. От солнечного зноя их укрывал навес из ткани, на которой были вышиты яркие цветы и птицы. Заиграли трубы, забили барабаны, и царевичи из рода Бхараты в боевых доспехах и с оружием в руках вышли на середину поля. Впереди шел Дрона в белых одеждах и с гордостью вел их за собою, подобный зрелому вожаку, выступающему впереди стада молодых слонов.

Один за другим Кауравы и Пандавы стали показывать свое умение владеть оружием, управлять боевыми колесницами и сражаться верхом на конях и слонах. Своими палицами они чертили в воздухе сверкающие круги, тучами стрел затмили солнце, а ударами мечей о щиты заставляли вздрагивать землю.

И лучше всех, сильнее всех и прекраснее всех были пять братьев Пандавов и особенно светлоликий Арджуна, подобный облаку, озаренному сиянием радуги.

— Это лучший из воинов! — восклицали в толпе. — Это самый искусный из царевичей! Это лев среди людей!

Но когда Арджуна двадцать один раз подряд попал, стреляя из лука, в отверстие коровьего рога, который был подвешен высоко в небе и сильно качался от ветра, такой восторг охватил собравшихся, что от их ликующих криков заколебались горы.

Дурьодхана лишился дыхания, когда видел, как гордится народ победами Пандавов. Он и вполосину не постиг их искусства и не мог вынести блеска их воинской славы. Он

жалел, что Карна не приехал на состязание и не мог померяться силой с Пандавами.

«Эти мои двоюродные братья вообразят теперь, что нет в мире им равных, что все им должны подчиняться, — думал он, скрипя зубами и хмурия брови. — Где же Карна? Почему он не пришел? Какой я глупец, что не послал гонцов разыскать его!»

И вдруг, как бы услышав его мысли, на поле появился Карна. Он узнал о состязании царевичей и пришел принять в нем участие. Блеск серег озарял его лицо, как солнце, а в гладком панцире, приросшем к его телу, отражались деревья, люди и небо, как в сияющем зеркале.

— Не довольно ли тебе, Арджуна, хвалиться здесь своей ловкостью? — вскричал он, направляясь к Пандавам. — Не думай, что ты один умеешь владеть луком и палицей. Смотрите все — я равен ему в боевом искусстве!

И он повторил все подвиги Арджуны и заслужил похвалу всех, кто смотрел на него. Дурьодхана радостно обнял его, прижимая к груди:

— О герой с могучими руками, о владыка мужей, будь моим другом! Мы с тобой победим всех врагов, и наши ноги прижмут их головы к земле.

Говоря так, он с вызовом смотрел на Пандавов и презрительно смеялся им в лицо.

Гнев охватил сердце Арджуны.

— О Карна, — воскликнул он, — ты, убитый мною, скоро попадешь в тот мир, который предназначен для гостей, являющихся изванными и вступающих в разговор без приглашения.

Карна ответил ему:

— Слова — это опора слабых. Я буду разговаривать стрелами и сейчас снесу тебе голову.

Оба юных героя были готовы начать бой, когда вмешался советник царя:

— Остановитесь, воины. Мы все знаем Арджуну, сына

царя Панду, но не знаем, кто ты, пришедший сразиться с ним. Если ты низкого рода, Арджуна не может вступать с тобой в поединок. Таков закон царей.

Карна смутился и уже готов был отступить, но Дурьодхана закричал:

— Если так, тогда я, старший среди Кауравов, дарю Карне часть нашего царства. Теперь он равен Арджуне. Пусть начнется бой!

Но когда Карна снова двинулся на Арджуну, подобный туче, гонимой ветром, на поле вышел старый колесничий, приемный отец Карны.

— О сын мой, — проговорил он, — как я рад за тебя — ты теперь царевич. Будь счастлив, мой дорогой сын.

И он обнял его со слезами на глазах.

— Как же ты смеешь браться за оружие, сын возницы?! — воскликнул тогда Арджуна. — Пойди возьми лучше кнут. Ты недостойн смерти от руки Пандава.

— Да, да! — закричали вокруг. — Сын возницы не может сражаться с царевичем.

— Нет! — кричали другие. — Он истинный герой, и не следует спрашивать о его происхождении, как не следует искать истоки великих рек.

Среди собравшихся поднялся шум, и никто уже не понимал, что говорят другие. Когда Дурьодхана увидел, что могучерукий Бхимасена направляется к Карне, подняв меч, он за руку увел своего друга к себе. А Пандавы, вознегодовав, покинули поле состязаний.

Карна же был благодарен Дурьодхане за поддержку и дал клятву сражаться на его стороне всю жизнь против любых врагов и являться ему на помощь по первому зову.

Рассказ о смоляном дворце

Сора с Карной не затмила воинских подвигов Пандавов. Народ только и говорил о них, восхваляя достоинства сыновей Панду.

И тогда Дурьодхана снова пришел к слепому Дхритараштре и стал изливать ему горькие жалобы:

— О отец мой, чего ты ждешь? Отчего ты не думаешь, как нам уничтожить этих Пандавов? Ведь их отец, а твой младший брат стал царем только потому, что ты слеп от рождения. Если бы не поразило тебя такое несчастье, разве он смог бы занять престол? И может случиться, что Юдхиштхира станет царем в Хастинапуре и все Пандавы возвеличатся, а мы будем зависеть от них, как нищие. Мы будем выпрашивать милостыню, стоя на коленях у сверкающего подножия их трона... О нет, нет! Лучше смерть, чем такой позор!

— Я думаю, что твои страхи напрасны, сын мой, — ответил ему отец. — Юдхиштхира исполнен справедливости. Он никогда не сойдет с пути закона и никогда не обидит ни меня, своего слепого дядю, ни моих детей. К тому же все горожане и воины безмерно преданы ему и его братьям, и даже если бы мы захотели от них избавиться, мы были бы бессильны сделать это.

— Да, конечно, отец, твои слова правильны: нельзя вызывать их на открытый бой. Надо действовать хитростью. Надо добиться того, чтобы Пандавы покинули страну хотя бы ненадолго, а потом просто не пускать их обратно. По-

моги мне уговорить их отправиться на праздник в далекий город Варанавату. Никто не причинит им зла, — твое сердце может быть спокойно. Они там останутся навсегда и будут счастливы не меньше, чем здесь. А зато мы, Кауравы, твои родные дети, станем правителями Хастинапура. И после нас будут править наши сыновья и сыновья наших сыновей — твои родные внуки и правнуки.

Старый Дхритараштра не знал, на что решиться. Он любил своего покойного брата и пятерых его сыновей, но родные сыновья были ближе и дороже его сердцу. Хитрые слова Дурьодханы вползали в его душу и сворачивались холодными кольцами, как змеи, поджидающие добычу. После долгого раздумья он решил, что нет ничего плохого в том, чтобы послать Пандавов на праздник, и согласился на уговоры Дурьодханы.

И вот все его приближенные, да и он сам, стали каждый день твердить Пандавам о том, какой прекрасный, какой богатый, какой великолепный праздник готовится в Варанавате. Все советовали им обязательно посетить этот город и обрадовать своим появлением народ Варанаваты. Чистые сердцем Пандавы не заподозрили хитрости и, почтительно простившись со своим слепым дядей и всеми Кауравами, взошли на колесницы и тронулись в дальний путь. С ними отправилась их мать — царица Кунти.

А между тем злобный Дурьодхана потихоньку от отца и старого Бхишмы стал готовить ловушку, чтобы погубить своих двоюродных братьев. Он созвал слуг и повелел им выстроить в Варанавате дворец для Пандавов. Дворец не из мрамора, не из камня и даже не из глины, а из того, что легко воспламеняется и жарко горит, — из бамбука и пальмовых циновок, из коры и ветвей лакового дерева. И повелел пропитать это все смолой и маслом и склеить воском. И повелел поджечь этот дворец темной ночью, когда Пандавы и их досточтимая мать будут покоиться в глубоком сне.

Слуги Дурьодханы, сказав: «Мы покорны тебе, господин», спешно отправились в Варанавату.

Когда пять братьев, простившись со своими родными, двинулись в путь, многие знатные горожане, советники и военачальники пошли вслед за ними, чтобы с почетом проводить их. Среди них был и Видура, мудрый советник покойного царя Панду. Он догадался о заговоре против Пандавов и решил предостеречь старшего из них, Юдхиштхиру, сказав ему так:

Кто умен, тот умного поймет
И найдет дорогу для спасенья.
Он того оружия избегнет,
Что не из железа, но смертельно.
Также вспомнит он, что дикобраз
От огня скрывается под землю
И что все живые существа
Путь определить по звездам могут.

Услышав эти слова, Юдхиштхира догадался, какая опасность подстерегает их впереди, и, ответив Видуре: «Я понял», простился со всеми, кто провожал их.

Прибыв на праздник, Пандавы приветливо поздоровались с жителями Варанаваты и провели с ними день как ни в чем не бывало. Беспечные и веселые с виду, они отправились в построенный для них дворец, но в ту же ночь Юдхиштхира тайно позвал землекопа и начал рыть подземный ход. Каждую ночь кто-нибудь из братьев не спал и сторожил остальных. Землекоп работал все ночи напролет, и вскоре подземный ход был выведен далеко за стены города.

Когда наступила темная половина месяца, Дурьодхана прислал приказ своим слугам поджечь дворец. И злые слуги злого господина исполнили страшный приказ. Пламя мгновенно охватило все здание, и оно запылало, как факел.

Пять братьев, готовые встретить опасность, быстро спустились вместе с матерью в потайной ход и вышли из

горящего дворца. Определив свой путь по звездам, они направились в далекий лес и долго, долго шли, не переводя дыхания и не останавливаясь. Когда могучий Бхимасена увидел, что его братья и мать изнемогают от усталости, он посадил их всех на плечи и устремился вперед, прорываясь сквозь заросли, как дикий слон, и попирая ногами тысячелетние деревья. К утру они были так далеко, что враги не смогли бы догнать их даже на самых быстрых скакунах.

А злые слуги Дурьодханы сгорели в огне, потому что выпили на празднике слишком много вина и не смогли выскочить из пылающего дворца.

Когда жители Варанаваты в тревоге сбежались на пожар, они увидели, как в вихре пламени и искр рухнули стены, и поняли, что им не удастся спасти дорогих гостей. Громкие рыдания и горькие стенания огласили ночной город. Никто не мог найти покоя, никто не мог уснуть в эту ужасную ночь.

Люди в слезах стояли до утра вокруг страшной груды тлеющих углей, а утром послали гонца известить слепого Дхритараштру о страшной беде, которая постигла его юных племянников.

Тяжким бывает горе,
Когда погибают живые —
Безвинно их смерть уносит,
Даже лишенных достоинств.
Но если гибнут герои,
Богатые силой и славой,
Исполненные отваги,
Хранители чести и правды, —
Тогда не иссякнут слезы
И горе будет безмерным.

Бедный Дхритараштра, ничего не знавший о злодейском заговоре своего сына, погрузился в глубокую скорбь. Он повелел совершить обряд почетного погребения и воздвигнуть царские могильники над прахом погибших.

Рассказ об убийстве злого ракшаса

Много дней и ночей стремились Пандавы через лес, желая найти город, где они могли бы жить спокойно вдали от жестокого Дурьодханы. В лесной чаще они встречали страшных людоедов-ракшасов, свирепых и кровожадных, как голодные тигры. Вступая с ними в битву, герои убивали этих ракшасов безо всякой пощады и очистили от них весь лес.

Бродя среди колючих лиан и густых зарослей бамбука, юные царевичи и их досточтимая мать растеряли все свои золотые украшения и порвали богатые наряды. Они сплели себе новые одежды из тонкой коры молодых деревьев и стали похожи на брахманов¹-отшельников, которые много лет прожили в лесном уединении, вдали от шумной жизни.

¹ Б р а х м а н — жрец, священнослужитель.

Однажды на вечерней заре они достигли края леса и увидели вдаль большой город, который был окружен высокими каменными стенами. Вооруженные стражи, стоявшие в воротах, даже не заподозрили, что эти смиренные люди, проходившие мимо них в платье из лыка, были на самом деле грозными воинами из блистательного рода Бхараты, одаренными несравненным могуществом и силой.

Войдя в город, Юдхиштира попросил для всех приюта в доме одного благочестивого брахмана, который жил здесь со своей женой и двумя детьми. Все дни, с утра до темноты, брахман ходил по городу, прославляя богов и собирая подаяние. Пандавы, поселившись у него, тоже начали ходить из дома в дом, прося милостыню. Все горожане принимали их за брахманов и почтительно подавали им вареный рис, кокосовые орехи, свежую простоквашу и сладкие плоды манго. Так они мирно и спокойно прожили некоторое время.

Но однажды в вечерний час в доме их хозяина раздались громкие вопли и рыдания. Горько сетовал на свою судьбу престарелый брахман, стенала, заливаясь слезами, его жена, плакали дети.

Мать Пандавов, царица Кунти, поспешила узнать о причине такого горя.

— Неподалеку от нашего города, — поведал брахман, — в лесной чаще живет великан-ракшас. Нет предела его жадности, нет границ его свирепости и силе. Много лет он собирает с нашего города дань. Повозку, полную риса, двух быков и одного человека должны мы постоянно посылать ему на сожжение. Раздобревший на человеческом мясе, он нетерпеливо требует все новых и новых жертв. И вот сегодня ночью наступает очередь посылать в лес кого-нибудь из нашей семьи. О, где нам, смиренным, искать защиту, кого просить о помощи?!

И брахман снова залился слезами. Жена старалась утешить его, говоря, что она уже достаточно пожила на свете

и охотно пойдет в лес к людоеду. Дочь, громко рыдая, успокаивала родителей, уверяя, что без них она жить все равно не сможет, а поэтому именно ей надо идти на съедение к ракшасу. Маленький сын брахмана, обнимая каждого из них, говорил:

— Не плачьте, не плачьте. Я пойду к этому злому ракшасу и убью его вот этой палкой.

С этими словами он поднял с земли прут и с угрозой замахнулся.

— Успокой свое сердце, почтенный, — обратилась тогда Кунти к брахману. — Ложитесь все спать и не думайте о ракшасе. Наступил час, когда мы, ваши гости, постараемся отблагодарить вас за вашу ласку. Кто-нибудь из моих сыновей пойдет в лес, и ваша семья будет спасена от гибели. Я прошу вас не отказываться от нашей помощи и принять ее как дар. Вспомните слова мудрецов:

Дар, приносимый с любовью,
Прими ты с открытой душою.
Принятием дара такого
Гостям ты окажешь почтение.

— О нет, мать, что ты говоришь! — воскликнул брахман. — Это мы должны жертвовать жизнью за вас, своих гостей, а не ждать, что вы спасете нас ценою своей жизни.

— Никто из нас не погибнет. Мои сыновья убьют этого людоеда.

— Да разве могут скромные и благочестивые брахманы убить этого ракшаса с огромным телом и длинными зубами? Только величайшие среди воинов земли могли бы совершить такой подвиг.

— Не тревожьтесь об этом. Идите на покой и отдыхайте с миром, — сказала им достойная Кунти и с поклоном ушла.

Когда могучий Бхимасена услышал от матери о том, что предстоит бой со страшным людоедом, великая радость за-

жглась в его сердце. Он сразу же запряг быков в повозку с рисом и, усевшись наверху, направился к лесу, распевая песни.

Голодный ракшас, исполненный злобы, сотрясая землю и оглушительно рыча, метался по лесу в ожидании добычи. Услышав громкую песню Бхимасены, он чуть не задохнулся от ярости и устремился к нему, топоча ногами, как бешеный слон. Распахнув пасть от земли до неба, он приготовился было проглотить долгожданный ужин, но оцепенел, увидав небывалое зрелище: Бхимасена спокойно сидел на повозке, с аппетитом ел рис, привезенный для ракшаса.

— Да как... да кто... да что ты делаешь, дерзкий? — заревел людоед, мечая из глаз молнии.

— Ты мне мешаешь своим писком. Замолчи, — проговорил Бхимасена, даже не взглянув на него.

Тогда ракшас вырвал из земли дерево и изо всех сил ударил героя по спине. Но тот и не дрогнул. Остолбеневший от возмущения людоед долго не мог прийти в себя. А Бхимасена съел всю повозку риса, вытер губы и, расправив плечи, двинулся на ракшаса, подобный грозовой туче.

Ракшас бросил в него ствол огромного дерева, но могучий Пандава поймал этот ствол левой рукой и сокрушил им ребра своего врага. Обезумев от боли, великан бросился на Бхимасену, и они стали кататься по лесу, подминая под себя деревья и сдвигая горы. Земля стонала от этой битвы, и далеко вокруг разносился грохот, сотрясавший небо. Наконец могучий герой швырнул ракшаса на землю и, наступив ногой ему на спину, переломил его пополам. Издав оглушительный рев, чудовище рассталось с жизнью.

А Бхимасена, взвалив его на плечи, принес к городским воротам и бросил там, чтобы все люди увидели, что больше некого бояться.

Узнав об этом подвиге, жители города стали прославлять этого тигра среди мужей, этого слона из слонов, одаренного истинной и несравненной силой.

Рассказ о состязании женихов

Однажды до Пандавов дошел слух о том, что в далекой стране Панчале объявлено великое состязание женихов. Царь Панчалы созвал на это состязание всех прославленных воинов, всех героев, одаренных мужеством и силой. Он обещал, что отдаст в жены победителю свою единственную дочь Драупадí, красавицу с походкой лебедя, с бровями, как натянутый лук, с зубами белыми, как морские раковины, с косами, как струи водопада.

— Не следует ли и нам пойти на состязание? — сказал мудрый Юдхистхира своей матери. — Ведь если один из нас одержит победу, могущественный царь Панчалы породнится с нами и станет нашим союзником.

— Я думаю, что твои слова справедливы, — ответила Кунти. — Имея могущественных врагов, должно заботиться о приобретении могущественных друзей.

И вот все пять братьев решили попытать счастья и вместе с матерью направились в Панчалу.

Чем ближе они подходили к столице этой страны, тем гуще становились толпы людей, которые стремились туда же. На повозках, запряженных белыми быками, ехали жители окрестных городов. Шли крестьяне, погружая босые ноги в горячую пыль. Спешили танцовщицы, оглашая воздух мелодичным звоном браслетов. Торопились музыканты и фокусники, бежали продавцы фруктов и разносчики холодной воды.

То и дело раздавались крики: «Отойдите в сторону, берегитесь!» Все расступались, давая дорогу женихам. Одни из них проносились на золотых колесницах, озаряя все вокруг ослепительным сверканием. Другие ехали на слонах, в паланкинах, украшенных драгоценными камнями.

— Какое великолепие! — восклицали в толпе. — Какое богатство! Какие храбрецы и силачи эти сыновья царей! О, это, наверное, лучшие из воинов земли!

Все восхищенно провожали глазами колесницы и слонов, но никто ни разу не остановил взгляда на пятерых братьях, которые шли по пыльной дороге в скромных одеждах брахманов.

Никому и в голову не могло прийти, что и они будут состязаться с этими блистательными женихами.

Если угли золой засыпать,
Кто в них жар увидеть сумеет?
Кто сумеет увидеть жемчуг,
Если раковина закрыта?
Если тучи затянут небо,
Кто ответит, взошел ли месяц?
Кто узнает, какого цвета
Лотос скрыт в глубине бутона?

Так, мимо рисовых полей, мимо прудов, в которых лежали буйволы, спасаясь от жары, мимо хижин и храмов, все дальше и дальше шли Пандавы. Наконец вдали засвер-

кали золотые крыши прекрасного города. Братья и их почтенная мать прошли мимо стражей, охранявших ворота, и вступили на улицы города, великолепного, как небесные чертоги. Блеск его дворцов наполнял простор, как сияние утреннего солнца. Все улицы были политы свежей водой и усыпаны цветами.

На широкой площади под богатым навесом из парчи собрались женихи. Это были первые из героев, сокрушители врагов и друзья побед. Одни из них восседали на скамьях, покрытых яркими тканями, другие ходили взад и вперед, звеня доспехами и ревниво оглядывая своих соперников. Их высокие шлемы были украшены жемчугом и рубинами, а глаза сверкали, как красные уголья. На могучих руках блески золотые браслеты, а колчаны были набиты острыми стрелами.

Среди этих воинов был и Карна, сын Солнца, были и сто братьев Кауравов во главе с жестоким Дурьодханой. Веря, что Пандавы сгорели в огне, он один наслаждался всей полнотой власти и всеми сокровищами своего царства. Одного только сокровища не хватало в его дворце — молодой царичи. Теперь он был уверен в том, что именно ему безупречная Драупади поднесет гирлянду победителя, что на его колесницу взойдет она после состязания. Желая привлечь к себе взоры этой дивной красавицы, он надел доспехи, усыпанные алмазами, и с гордостью оглядывал себя. Поглощенный своими мечтами, он даже не взглянул на Пандавов, которые пришли на площадь и незаметно смешались с толпой горожан.

Цари, приехавшие на состязание, одаривали народ деньгами и одеждой, украшениями и сладостями. И многие из них дарили людям даже коров — самых прекрасных на свете животных, с шелковистой шерстью и горделивой походкой.

Над площадью стоял неумолчный гул. Громкими криками привлекали внимание к своему товару продавцы ме-

довых лепешек. Другие предлагали кислое молоко, разбавленное холодной водой, третьи — сок сахарного тростника.

Под звуки барабанов кружились танцовщицы, и их шелковые одежды отливали всеми цветами радуги. Певцы прославляли неземную красоту луноликой Драупади.

Силачи поднимали огромные тяжести, гимнасты ходили по канату над головами зрителей. Фокусники забрасывали веревку за облака и поднимались по ней, скрываясь в небе. Заклинатели змей играли на дудках, заставляя кобр, налитых ядом, выползать из корзинок и послушно танцевать под музыку.

Как море, сверкающее под солнцем, волновалась и шумела толпа, ожидая начала состязания.

Царь Панчалы велел изготовить золотую цель, которая могла сама подниматься высоко-высоко в небо. И повелел также сделать лук, такой большой и тугой, что натянуть его тетиву мог лишь истинный герой, одаренный нечеловеческой силой. И объявил, что только тот получит его дочь в жены, кто поразит стрелой из этого лука золотую цель, вознесенную выше облаков.

Пятнадцать дней длился праздник в столице. А на шестнадцатый день на высокий помост посреди площади вошла та, ради кого собрались сюда со всех концов земли лучшие из мужей. Нежная, стыдливая, в уборе из цветов, поднялась Драупади на помост. Блеск украшений окружил ее сиянием, а глаза были подобны большим черным звездам. Все женихи поняли, что их взоры и сердца навеки прикованы к Драупади цепями ее достоинств.

И вот они, один за другим, стали подходить к луку. Одни шли стремительно, как разъяренные быки, другие же выступали величаво, подобно слонам на торжественной процессии, третьи подходили осторожно, как тигры к добыче. И каждый, собрав всю свою силу, старался натянуть тетиву, чтобы поразить цель, сверкавшую высоко в небе, как золотое облако.

Все это были войны, прославленные своими подвигами, и все они хотели, по закону царей и воинов, своей силой добыть в жены лотосооую Драупади. Но тугой лук, распрямившись, одних отбрасывал на край площади, у других вырывался из рук, а третьи не могли даже сдвинуть его с места. Посрамленные, убитые стыдом и горем, обесиленные, возвращались они под навес, опустив глаза в землю.

Дурьодхана подошел к луку, горделиво поворачиваясь во все стороны, чтобы все видели богатство его доспехов. У него хватило силы поднять лук, но натянуть он смог только наполовину. Карна, стремительный и пылкий, одним прыжком очутился возле лука, сверкнув над толпой, как солнечный луч. Он почти до конца натянул лук, но все же на один волосок ему тоже не хватило силы.

Неужели никто не согнет этот лук? Неужели нет истинных героев среди всех, кто явился на состязание?

Сверкала в небе золотая цель, доступная для взоров, но недоступная для стрел. Стояла на помосте Драупади, подобная драгоценному камню, но никто из воинов еще не был украшен гирляндой победы. Уныние охватило души всех собравшихся.

И тогда из толпы горожан вышел Арджуна, самый прекрасный из Пандавов, самый опытный во владении оружием. Его тело вместо сияющих царских доспехов было покрыто шкурой антилопы, как подобает брахману-отшельнику. Почтительно сложив руки, он поклонился отцу Драупади, и всем брахманам, и всем воинам на площади и направился к помосту.

— Кто этот дерзкий? Куда он идет? — раздались крики в толпе женихов.

— Как смеет этот нищий брахман состязаться с нами, героями среди героев? — громче всех кричал Дурьодхана. — Он должен протягивать руку за подаванием, а не за оружием.

А брахманы, стоявшие там, говорили:

— О, он опозорит всех брахманов земли. Наше дело молитва и принесение жертвы богам. Зачем же этот юноша, не знающий воинской науки, берется не за свое дело? Надо удержать его. Нельзя допускать его к этому луку.

Так спорили все, а Арджуна, не слушая их слов, решительно подошел к луку, склонился над ним, как ветка молодого цветущего дерева, без труда натянул тетиву и поразил цель пятью стрелами, не знающими промаха.

Земля вздрогнула от радостных криков, которые огласили площадь. Даже облака, исполненные радости, пролили на землю дождь из цветов. Ликованию народа не было границ. Драупади украсила Арджуну гирляндой победы, и он направился к братьям и матери, уводя с собой эту несравненную красавицу, выигранную в честном воинском состязании.

Оскорбленные воины вскочили в гневе, потрясая оружием:

— Нас пригласили сюда, чтобы выказать пренебрежение! По закону царей и воинов, брахман не мог состязаться с нами. Убьем этого старого царя, отдавшего ему свою дочь. Он нарушил древний закон. Он нанес нам смертельную обиду. Убьем его, убьем! А эту красавицу бросим в огонь, раз она не хочет выбрать никого из нас.

Громко крича и потрясая оружием, женихи двинулись к трону старого царя. Испуганные придворные стали пятиться назад, прячась друг за друга. И некому было выйти на бой, чтобы остановить этих царевичей, яростных и неудержимых. Но вдруг, как разъяренные львы, бросились на них доблестные Арджуна и Бхимасена. Арджуна поднял свой лук, а Бхимасена вырвал из земли огромное дерево и, одной рукой обломав ветви, другой стал крутить его над головой, как булаву.

Видя такую доблесть и силу, женихи остановились, озадаченные.

— Нет, это не брахманы, это не отшельники! — вскричал один из них.

— Да, надетые на них шкуры антилоп скрывают от наших взоров могучие тела воинов! — воскликнул другой.

— Но кто же они, эти доблестные герои? — спросил третий.

— Если они воины, то нет для нас обиды в том, что один из них победил нас, — проговорил четвертый.

И сыновья царей отступили и, уже восхищенные, восхваляли подвиг Арджуны. А пять братьев вместе со своей матерью направились во дворец, чтобы приветствовать царя Панчалы, отца прекрасной Драупади.

Из всех, кто был на этом состязании, только один сразу узнал в пятерых брахманах братьев Пандавов. Кто же это был, чью проникательность не смогли обмануть ни их скромные одежды, ни чаши для сбора милостыни, которые они держали в руках?

Это был Кришна, молодой правитель Двараки, прославленный воин и хранитель добра и закона.

Рассказ о Кришне

Однажды в далеком и прекрасном городе Матхуре у царицы родился сын Канса, в котором воплотился злобный демон, носивший то же имя. Родители, не зная этого, растили его как царского сына и связывали с ним все лучшие надежды своего сердца. Но на их любовь Канса отвечал грубостью и жестокостью. Еще будучи мальчиком, злоумный бил и мучил детей, игравших с ним, бросал камни в лица придворным и терзал все живое вокруг. Особенно горько было его сестре, Деваки, которая не имела сил защитить себя от обид.

Когда Канса вырос и обрел большую силу, он бросил

в глубокое подземелье своего отца и захватил престол. Народ стонал под властью этого жестокого правителя. С утра до вечера совершались казни, на площадях городов не успевала высыхать кровь.

Деваки тем временем выросла и стала невестой одного из знатных молодых воинов. По древнему обычаю, старший брат должен выдавать замуж свою сестру, поэтому Канса сам возглавил свадебный пир. Но вдруг до его слуха донесся чей-то голос:

— О безумец, что ты делаешь? Знай, что восьмой ребенок от этого брака принесет тебе смерть.

Страх, охвативший на мгновение душу Кансы, сменился яростью. Он выхватил кинжал и бросился на свою сестру, подобный черной змее, которая бросается на перепуганную птицу. Но муж Деваки упал к его ногам и стал молить о пощаде.

— Я клянусь, всемогущий царь, — сказал он, — что буду отдавать тебе всех наших новорожденных детей. Только пощади эту чистую, эту нежную женщину, которая никому не причиняет зла. Без нее и я не стану жить.

Канса не хотел лишаться храброго и сильного воина и согласился подарить жизнь сестре.

И вот, обливаясь слезами, молодые родители стали отдавать ему сыновей, которые рождались у них. Без всякой пощады Канса своей рукой убивал младенцев, и его душа наполнялась злой радостью при виде их крови и мучений. В живых была оставлена только девочка, по имени Субхадра, которая служила единственным утешением матери в ее ужасном горе.

Наконец муж Деваки придумал, как обмануть жестокого царя. При помощи хитрости ему удалось передать восьмого сына жене пастуха, и этот ребенок знатного рода стал расти в деревне, вдали от столицы.

В образе этого мальчика, под именем Кришны, воплотился сам бог Вишну. Кришне назначено было богами уни-

чтожить злобного демона Кансу. Поэтому всемогущие боги наделили его многими волшебными свойствами. Они пода-рили ему неимоверную силу, глубокую мудрость, несравнен-ную красоту и способность менять по желанию свой вид.

Канса скоро узнал, что Деваки утаила от него одного из своих детей. Не зная, где он и как его найти, Канса, ис-полненный бешенства, повелел убить всех маленьких маль-чиков своей страны. Слуги Кансы, не смея ослушаться его приказа, стали отнимать мальчиков у рыдающих матерей и предавать их смерти.

Крики и стоны подданных Кансы огласили всю землю. Но он все еще боялся, что носитель его гибели где-нибудь скроется от посланных им слуг. И тогда он созвал демонов и приказал им разыскать Кришну и, употребив все свое зло и хитроумие, убить его.

Кришне еще не было и года, когда к нему прокралась одна из демониц, желая накормить его своим ядовитым мо-локом. Приемная мать Кришны, пастушка Ясôда, ушла в это время доить коров, и младенец лежал один в колыбели, сплетенной из бамбука, и играл погремушкой из маленькой высушенной тыквы.

Демоница склонилась над ним и, радостно оскалив длин-ные кривые зубы, взяла его на руки. Но Кришна, одарен-ный недетским умом, догадался о ее хитрости и укусил ее с такой силой, что она тут же рассталась с жизнью.

Другой демон подстерег Кришну в лесу, когда мальчи-ку было уже два года. Демон прыгнул на него, хищно рас-топырив руки с когтистыми пальцами, но Кришна поймал его за ногу и, раскрутив в воздухе, разбил его голову о де-рево.

В третий раз демон принял вид огромной птицы и, чер-ной тучей спустившись на Кришну, схватил его в клюв. Но тело мальчика сразу стало таким горячим, что птица не вы-держала и выпустила его. Тогда Кришна разорвал ее пополам.

А когда следующий демон явился в виде удава и проглотил Кришну, мальчик стал расти в животе этой змеи с такой быстротой, что разодрал ее с головы до хвоста.

Такими подвигами этот необыкновенный сын Деваки прославился уже в раннем детстве.

Его дни проходили в играх с детьми пастухов. Он вместе с ними пас стада, вместе с ними бродил по лесу и ходил к реке дразнить крокодилов. Он научился так играть на флейте, что, заслышав ее звуки, со всех окрестных деревень сбегались пастушки, подобные пчелам, летящим к цветущему дереву. От вечерней зари до утренней они танцевали под луной вокруг Кришны, а он, не зная усталости, извлекал из своей флейты все новые и новые волшебные мелодии.

Когда Кришна достиг юности, никто не мог с ним сравниться в силе и геройстве. Однажды разразился такой проливной дождь, что реки вышли из берегов и гибель грозила всему живому. Тогда Кришна поднял огромную гору и держал ее над землей, как гигантский зонтик, пока не прекратился губительный ливень.

Услышав о том, что доблесть молодого героя растет с каждым днем, Канса решил хитростью заманить его в столицу, чтобы наконец убить его. Он послал ему приглашение прибыть на воинские состязания, и Кришна принял это приглашение и направился в Матхуру. Канса повелел сильнейшим воинам своей страны напасть на Кришну и зарубить его мечами, а если они не одержат победы, то выпустить на Кришну бешеного слона, который растопчет его.

Но жалкий Канса не знал истинной силы этого тигра среди мужей. Кришна убил не только воинов и бешеного слона, но лишил жизни и самого Кансу.

Он вернул престол старому отцу Кансы, томившемуся много лет во мраке подземелья, а сам воцарился в соседнем городе, Двараке.

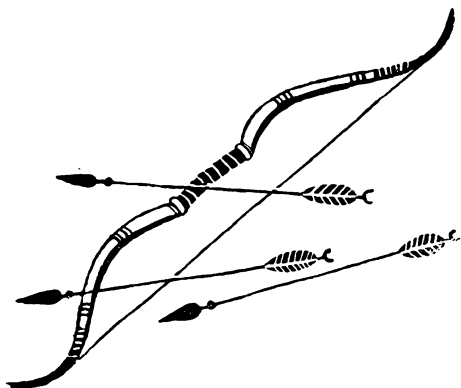
Победив многих врагов, носителей зла, Кришна просла-

вился на весь мир как первый среди хранителей правды и справедливости.

Когда он услышал о состязании женихов, он тоже прибыл в столицу Панчалы. И только он, одаренный высочайшим умом, узнал в скромных брахманах братьев Пандавов. Подойдя к ним, он поклонился их матери и почтил приветствием каждого из них как лучшего среди героев. Он предложил им дружбу, этот сильнейший из воинов земли, и сказал:

— Да сопутствует вам удача во всех подвигах ваших. Да разгорится ваша слава, подобно огню!

Так Пандавы заключили союз с тем, кто не знал поражений, — с блистательным Кришной, исполненным преданности и отваги.

Рассказ о возвращении Пандавов

Когда настал час совершения свадебной церемонии для луноликой Драупади и Арджуны, придворный жрец царя Панчалы стал готовить торжественный обряд. Он возжег священный огонь и поставил возле него сосуд с маслом для возлияний и сосуд с красным порошком, чтобы окрасить ноги невесте, и сосуд с зернами риса, чтобы посыпать головы новобрачных. Все колонны дворца были обвиты

гирляндами жасмина, сладостный аромат благовонных курений и сандала наполнял воздух.

В это время досточтимая Кунти сказала Арджуне:

— Сын мой, надень лучшие одежды и приготовься обвести свою невесту вокруг священного огня. Да сопутствует вам счастье.

— Прости меня, мать, но я посмею возразить тебе, — ответил Арджуна, склоняясь к ее ногам, — есть древний закон, который повелевает старшему брату вступать в брак раньше младших. Не следует нам, сыновьям царя, нарушать законы и служить дурным примером для подданных. Пусть Юдхиштхира возьмет руку Драупади — она по праву принадлежит ему.

— Слова твои исполнены мужества, мой благородный сын, — радостно проговорила Кунти. — Вы все пятеро как одно тело и одна душа, поэтому нет несправедливости в том, что ты завоевал невесту для своего брата. Пусть же свершится бракосочетание по закону предков.

И вот Юдхиштхира, одаренный мудростью, стал мужем лотосоокой Драупади. Нежная и безупречная, эта большеглазая красавица взяла на себя обет безропотно делить со своим мужем все невзгоды, которые встретятся в жизни. А он и за ним все его братья поклялись всегда охранять и беречь эту лучшую из женщин и жертвовать собою ради нее.

Когда закончилась свадебная церемония, царь Панчалы богато одарил героев Пандавов. Прекрасные дары прислал им также Кришна, сокрушитель врагов.

Все жители страны, восхищаясь, говорили друг другу:

— Вы видели, в числе даров были одежды из тончайшей ткани!

— Да. И колесницы, покрытые чистым золотом.

— И слоны, подобные горам.

— И рабы без числа.

— И кони в золотых уборах.

— Как хорошо, что у нашего царя появились такие непобедимые союзники.

— Да. Теперь эти прославленные герои будут защищать нашу страну. Нам не страшны никакие враги!

Так восклицали люди, радуясь браку Драупади и приветствуя могучих Пандавов.

Когда весть об этом бракосочетании достигла слуха слепого Дхритараштры, он созвал советников и спросил их, что следует делать.

— Ты, о владыка, должен искупить вину своего сына перед Пандавами, — сказал великомудрый прадед царевичей Бхишма. — Мы оплакивали их гибель в огне, а теперь узнаем, что боги сохранили им жизнь. Призови их в столицу и прими с любовью, ведь это дети твоего покойного брата и правителя государства.

— Следует вернуть им половину царства, ведь это их доля, — промолвил советник Видура.

— Да, не следует с ними ссориться: их союзниками теперь выступают царь Панчалы со своей огромной армией и Кришна, всегда преуспевающий в сражениях, — сказал наставник Дрона.

Царь Дхритараштра решил послушаться разумных слов и послал Видуру за Пандавами. И вот этот мудрый советник, который умным советом помог пятерым братьям избежать смерти в огне, с великой радостью в сердце взошел на колесницу и направился в столицу Панчалы.

Пандавы вернулись на свою родину и вместе с Драупади и своей почтенной матерью предстали перед лицом Дхритараштры.

Все жители царства, кроме Дурьодханы и друзей его, таких же злоумных, как он, пели, смеялись, обнимались и плакали от счастья. Казалось, что празднику ликования не будет конца.

Слепой Дхритараштра сказал, обращаясь к Юдхиштхире:

— Внемли моим словам, о добродетельный сын Кунти. Царство наших предков принадлежит нам всем. Заботы наши должны быть направлены на благо наших подданных. Ради процветания царства должен быть мир между нами. Но мою душу печалят воспоминания о раздорах между вами и моими сыновьями. Слушая речи Дурьодханы и его братьев, я не вижу путей к вашему примирению. Поэтому не следует Пандавам жить в одном городе с Кауравами. Да принадлежит вам половина царства, и да будет столицей вашей древний город наших предков Индрапрастха.

Благородный Юдхиштхира склонился к ногам своего дяди и поблагодарил его за справедливое решение. Затем все герои Пандавы, взойдя на колесницы, направили бег своих коней в Индрапрастху.

И вот на месте старого города, который лежал в руинах, они воздвигли новый, великолепием своим затмивший все столицы мира. Он был окружен толстыми стенами и рвом, глубоким, как море. Его белые дворцы были подобны утренним облакам, а сияющие крыши храмов спорили с блеском радуг. Улицы этого города были всегда политы душистой водой, фонтаны, пруды и бассейны распространяли нежную прохладу. Базары были украшены всевозможными товарами, и со всех сторон земли спешили сюда купцы на слонах и на верблюдах. Жители города, одетые в будни так, как в других городах одевались лишь в праздник, мирно трудились, умножая благополучие. Радуюсь благоденствию и счастьем, они складывали песни о великой мудрости Пандавов.

Юдхиштхира взошел на трон и стал правителем могучим и несравненным. Он был приветлив в обращении, терпелив, как земля, и щедростью подобен небу. Царство его процветало.

Через год у Драупади родился сын, а на следующий год — еще один, и так пятерых прекрасных сыновей родила эта лучшая из женщин, которая стремилась к счастью всей семьи и была преданна своему супругу.

Рассказ о женитьбе Арджуны

Однажды Арджуна направился в город Двараку, чтобы встретиться с достославным Кришной. Из всех Пандавов Арджуна стал самым близким его другом. Оба они были воинами, не знавшими поражений, и знатоками оружия. Оба сияли красотой и благородством и были истинным украшением земли.

Встретившись, они обняли друг друга, как любящие братья, и Кришна отдал своим слугам повеление украсить

весь город в честь прибытия этого несравненного героя. Тысячи и тысячи жителей Двараки толпились на улицах, чтобы иметь счастье почтить приветствием этого прославленного героя.

Арджуна и Кришна стали проводить дни свои в охоте и всяческих наслаждениях. На конях, обгонявших ветер, они скакали по лесам за страшными вепрями, на слонах они преследовали тигров и пешими выходили на соколиную охоту. Их стрелы не знали промаха, а удары кинжалов были как удары молний.

Вечерами, сопровождаемые музыкантами и танцовщицами, они уходили на берег реки и наслаждались купанием. Жизнь в Двараке превратилась в сверкающую цепь праздников и пиршеств.

На одном из празднеств Арджуна увидел прелестную Субхадру, сестру Кришны. Лотосоокая Субхадра, одаренная дивной красотой, приковала к себе взоры этого прекраснейшего из воинов. В толпе подруг она блистала совершенством, подобно голубому лотосу посреди тростника. И вот Арджуна стал забывать об охоте и других уладах и бродил один, тоскуя и думая только о Субхадре.

— Как ты изменился, тур среди царей, — сказал ему Кришна. — Что является причиной твоих вздохов и волнений? Откройся мне, и я дам тебе совет, как устранить твою печаль.

— О хранитель людей, разве ты не видишь всех совершенств твоей сестры? Ведь достаточно встретить один ее взор, чтобы навеки сковать себя красотой ее глаз. Как я могу теперь жить, не имея уверенности в том, что она станет моей супругой? — отвечал ему Арджуна, вздыхая.

— Если такова причина, то горя нет больше у тебя. Моя сестра тоже бросает на тебя взгляды любви. А что до меня, то я буду счастлив соединиться с тобой узами родства.

— Твоя речь для меня как второе рождение! — воскликнул Арджуна. — Я буду просить ее руки.

— Но только знай, — сказал Кришна, — что ее хотят выдать замуж на состязании женихов. Поэтому, если ты не желаешь больше ждать, тебе следует поступить, как поступают воины, — похитить девушку и увезти с собой на колеснице.

— Да. Мое сердце охватывает невыносимая печаль, когда я вижу, что в Двараку стекаются женихи. Ты прав, пора мне вспомнить, что ожидание — это не занятие для воинов, — решительно проговорил Арджуна.

И вот, узнав, что Субхадра пошла со своими подругами и многочисленной стражей в рощу на горе, чтобы полюбоваться цветущими лианами, этот лев из рода Бхараты ринулся вслед за ними на своей золотой колеснице.

— О подружки, не гроза ли приближается? — с волнением обратилась Субхадра к девушкам, окружавшим ее, подобно рою золотистых пчел. — Вы слышите, милые, грохот, который сотрясает небо и землю?

И не успела она, нежная и робкая, проговорить эти слова, как стража ее в ужасе разбежалась, бросив оружие, а к ней подлетела колесница Арджуны. Герой в сверкающих доспехах, подобный огню, сдержал жарких коней и мгновенно подхватил на руки Субхадру. Когда опомнились все, кто был с нею, быстрой колесницы не видно было и следа и только из-за дальних гор долетал замиравший грохот, подобный отзвуку уходящей грозы.

Прибыв в свою столицу, Арджуна ввел во дворец эту стыдливую красавицу, и она почтительно приветствовала мать своего мужа, всех его братьев и царицу Драупади. Обрадованная Драупади сердечно обняла ее как дорогую сестру и сказала:

— Пусть никогда не будет врагов у твоего мужа.

Субхадра ответила ей:

— Пусть и царя Юдхиштхира не коснется злая воля недоброжелателей.

Подружившись со всеми, Субхадра стала счастливо жить

во дворце Пандавов. Вскоре прибыл туда и Кришна и привез множество богатых свадебных подарков для своей сестры.

Во время свадебного празднества все жители города были одарены неисчислимыми богатствами и в радости прославляли щедрость Пандавов.

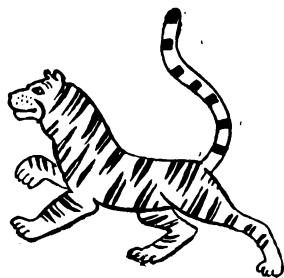
В день, назначенный благоприятной судьбой, у Субхадры родился сын Абхиманью. И от великого счастья Арджуна роздал всем жителям своей страны золотые украшения и ткани, коней и коров.

Кто следует всегда путем закона,
Награду в этой жизни получает
И радуется сердцем, пожиная
Плоды хороших помыслов и дел.

Кто отклонился от пути прямого .
Под властью заблуждений и ошибок,
Но все же вновь душой вернулся к правде,
Тот тоже будет в жизни награжден.

Но кто, забыв закон и справедливость,
Идет путем попраiania добра,
Упорно отвергая голос чести,
Того проклятья и забвенье ждут.

Дурьодхана все время посылал лазутчиков в Индра-прастху. Он наблюдал за каждым шагом Пандавов, узнавал про их встречи с правителями других стран, следил за их речами, старался проникнуть взором даже в их мысли. Он не расставался с мечтой лишить их царства и вновь ощутить себя полновластным владыкой земли. От злой досады он до крови кусал себе губы, слыша, что жизнь в столице Пандавов прекрасна, как лесное озеро, покрытое цветущими лотосами. Но он тут же старался успокоить себя: «Пусть будет так. Я знаю, что это ненадолго. Я найду пути к тому, чтобы лишить их счастья. Время подскажет, как мне надо поступить, чтобы достичь свершения своих надежд».

Рассказ о принесении Великой Жертвы

После многих лет счастливого правления Юдхйштхира достиг великой силы и подчинил себе многих царей, которые правили без знания закона и проводили годы свои в распрях и войнах. Слава о нем, подателе счастья и укротителе зла, гремела по всей земле.

И однажды Кришна сказал ему:

— О достойный, не настало ли время именовать тебя царем царей? Не пора ли тебе собрать к своему двору правителей всех стран, в их кругу принести торжественную жертву богам, которая означает, что ты будешь владыкой мира? Взгляни, сколько беззакония творится в чужих царствах, сколько людей гибнет во время ненужных войн, сколько городов лежит во прахе. Добровольно подчинившись тебе, все эти цари подчинятся правде, в их землях воцарится мир, и им будет сопутствовать процветание.

— Эти слова исполнены мудрости, — сказал Арджуна, обращаясь к Юдхиштхире. — Если ты станешь царем царей, слава нашего рода умножится, а твои подданные по всей земле обретут мир и счастье.

— А если кто-нибудь из царей не захочет тебе подчиниться, не желая блага для своего народа, мы убьем этого непокорного, — добавил могучий Бхимасена.

— О да, такая участь, должно быть, постигнет Джарасандху, — согласился с ним Кришна. — Этот низкий духом и презренный царь, будучи одарен великой силой, захватил многие страны, а правителей убил или заточил в подземелье. Он похищает чужие богатства и увозит чужих жен. Если на земле не станет этого злодея, всем подданным его будет казаться, что наступил великий праздник.

— Тогда мы немедленно направимся в его столицу и лишим его жизни, — с жаром воскликнул Бхимасена, потрясая булавой.

— Его не так легко убить, — промолвил Кришна, — он обладает чудесным даром избегать смерть. Поэтому никто из великосильных царей не смог победить его.

— Расскажи нам о нем, — попросил Юдхиштира.

И Кришна поведал им историю Джарасандхи.

— Отец этого низкого был долгое время бездетен. Ради того чтобы боги даровали ему потомство, он ушел со своими двумя женами в лес, в обитель святого отшельника, и стал просить этого старца принести богам жертву. Во время принесения жертвы с дерева упал плод манго, зрелый и сочный. Отшельник, исполненный глубокой мудрости и знающий причины всех вещей, подал царю этот плод и повелел ему угостить обеих жен. И сказал при этом, что сына, который появится на свет, нельзя будет убить никаким оружием. Царь разделил плод манго на две равные части и отдал их этим двум царицам. По прошествии времени обе царицы родили детей, но вместо радости царя обуяла великая печаль. Каждый из этих детей состоял лишь из одной половинки и был лишен дыхания, слуха, зрения и способности двигаться. Пораженные горем царицы призвали рабыню и повелели ей завернуть эти половинки в куски ткани и выбросить на улицу. Рабыня сделала, как ей сказали, и вер-

нулась во дворец. Но глубокой ночью по улицам этого города пробиралась голодная ракшаска, которая жаждала человеческого мяса. Она нашла одну половинку ребенка и, подумав: «Не буду его есть, пока не найду другую», стала жадно смотреть вокруг. Неподалеку она заметила то, что искала, и, бросив на землю обе половинки вместе, приготовилась их съесть. Но вдруг у нее на глазах они соединились, и перед ней предстал ребенок, отмеченный знаками царского рода. «Какое великое чудо! — подумала ракшаска. — Но что же мне делать? Если я съем этого младенца, то его отец сожжет лес, где мы обитаем, и весь мой род погибнет в огне. Лучше я отведу его утром во дворец». Так она и сделала. Обрадованный царь богато одарил ракшаску и взял на руки своего сына, призывая на него благословение богов. И вот этот мальчик стал расти во дворце, питаясь молоком двух матерей и обретая от этого большую силу. Но в то же время, будучи как бы вторично рожден ракшаской, он обрел и злую душу. Когда он возмужал и стал править страной, он избрал путь беззакония и зла и поступал так, как я уже вам рассказал, почтенные, — закончил достославный Кришна свой рассказ.

— К чему медлить, следует сейчас же сразить его! — воскликнул Арджуна.

— О, уже не раз в битве его разрубали мечом, но части тела снова соединялись, как при его появлении на свет, и он оставался невредимым, — сказал Кришна. — Его нельзя убить при помощи оружия.

— Тогда я убью его голыми руками, — решил Бхима-сена и сразу же направился к своей колеснице.

Вместе с ним поскакали к Джарасандхе и неразлучные друзья — Кришна и Арджуна. Достигнув его царства, они вошли во дворец через боковые ворота и предстали перед глазами этого жестокого правителя. Джарасандха встретил этих львов царского рода как почетных гостей и предложил им угощение, но они отвергли его. Он обратился к ним со

словами приветствия, но оба Пандава ответили ему молчанием, не желая осквернять свои уста ложным приветом.

Видя, что Джарасандха выражает удивление, Кришна, искусный в речах, сказал ему:

— О царь, эти двое соблюдают обет молчания до полуночи. Поэтому повели указать им покои, отведенные для гостей.

Ровно в полночь Джарасандха пришел, чтобы спросить: «Кто вы?» Молчать дальше было нельзя, и они ответили:

— Мы враги твои, и поэтому вошли через боковые ворота и не приняли твоего угощения. Мы пришли убить тебя за твое беззаконие, за то, что ты разоряешь чужие страны, а пленных царей приносишь в жертву богам. Готовься к борьбе и укажи, с кем из нас ты хочешь сразиться.

Джарасандха, гордый и не знающий страха, избрал могучерукого Бхимасену. Борьба началась без промедления. Как два слона в весенней битве, сошлись эти два воина, одаренные нечеловеческой силой. С грохотом они падали на землю, как огромные скалы, и снова шли друг на друга, как разъяренные львы. Тринадцать ночей и тринадцать дней бились они, и ни один из них не мог одолеть другого. На четырнадцатый день Джарасандха стал являть знаки усталости. Кришна сказал тогда Бхимасене:

— Теперь пора!

И Бхимасена, собрав все силы, схватил Джарасандху за ноги, раскрутил его над головой, бросил на землю и переломил его пополам. Так погиб владыка неправды, шедший по пути зла.

Освобожденные из заточения цари, воины и простые люди в великой радости благословляли благородных героев, принесших им спасение, и обещали быть их друзьями в мирной жизни и союзниками в боях.

Все на земле были охвачены счастьем, и один только царь опечалился гибелью этого злодушного. Это был Шिशупала, друг Джарасандхи, имевший такой же нрав. Он

затаил в глубине своего сердца ненависть к Пандавам и Кришне и решил, что дождется часа причинить им зло или опозорить их.

Убив Джарасандху, эти герои, неистовые в сражениях, вернулись в город Индрапрастху.

Там все готовились к принесению Великой Жертвы, после которой Юдхиштхира станет царем царей и к подножию его трона склонятся венцы других владык. Со всех концов земли стекались сюда правители разных стран и народов, чтобы выразить свою преданность царю справедливости, который дарует счастье своим подданным. Во дворец этого защитника народов прибыли и все Кауравы вместе с почтенным старым Бхишмой, наставником Дроной и многими друзьями и соратниками. Прибыли и Карна, и злонравный Шишупала, и многие, многие другие.

Пандавы приветствовали всякого, кто приходил, как гостя и оказывали всем знаки наивысшего внимания. Каждому была подана вода для омовения, свежие одежды, надушенные сандалом, и медовая еда для услаждения вкуса.

Когда собрались все цари, Юдхиштхира обратился к Кришне со словами, прославляющими его величие, подвиги и силу. И все, кто был в этом собрании царей, соглашались с тем, что Кришна подобен богам и озаряет весь мир сиянием своих достоинств.

Один только царь Шишупала вскочил со своего места и прервал речь хранителя закона.

— Почему это, — закричал он, — ты, неумный, стал первым славить этого пастуха? Разве нет здесь царей, которые выросли во дворцах, во всем блеске славы и царских подвигов? Почему, о цари, здесь оказывают ему предпочтение? Мы с детских лет скакали на конях и изучали законы, а он пас коров и играл на флейте. Что же вы молчите, разве не видите, что нас собрали сюда, чтобы подвергнуть оскорблению?

И вот в этом собрании владык поднялся шум, подобный

шуму битвы. Все закричали, размахивая руками и потрясая оружием. Одни возмущались словами Шишупалы и восхваляли Кришну, другие обвиняли Юдхиштхиру в непочтении к своим гостям.

Видя это, Юдхиштхира обратился к Бхишме, прадеду своего рода:

— Видишь, досточтимый, это море царей во гневе. Скажи, что я должен сделать, чтобы ничто не нарушило принесения Великой Жертвы?

— Взгляни, Кришна спокоен и вся величайшая мощь его как бы охвачена сном, — ответил Бхишма. — Поэтому и враги его смеют рычать, подобно собакам вблизи спящего тигра. И этот бездушный Шишупала до тех пор будет львом, пока Кришна не двинет хотя бы одним пальцем. Поэтому будь тоже спокоен и не опасайся раздоров.

Царь Шишупала был груб и заносчив. Он дерзко сказал почтенному Бхишме:

— Эй ты, старик, ты же глуп! Ты позоришь свой род. Те, среди которых ты главный, похожи на слепых, бредущих за слепцом. Как ты смеешь восхвалять Кришну, жалкого пастуха? Что особенного он совершил? Ты много болтаешь, а дела твои далеки от твоих слов. Ты похож на гуся, о котором я слышал еще в детстве. Он учил морских птиц делать добро и таскать для него рыбу из моря. А сам, когда они ныряли в волны, поедая их яйца, лежавшие на берегу. И знаешь, что птицы с ним сделали? Убили. Запомни это, низжайший среди живущих на земле, и никогда не болтай зря.

Услышав эту речь, Бхимасена, лучший среди сильных, разгневался так, что глаза его стали красными, как угли, а между бровями залегли морщины, глубокие, как реки. Он в гневе замахнулся на дерзкого. Но старый Бхишма схватил его за руки, стараясь удержать, и проговорил:

— Нет, Бхимасена, не ты убьешь этого волка среди людей. Другой сделает это. Ведь когда Шишупала появился

на свет, у него было четыре руки и три глаза. Его мать горевала и плакала, видя такое уродство. Но однажды она услышала чей-то волшебный голос, который говорил ей: «Не плачь. Ведь твоего сына никто не сможет убить. Во всем мире есть только один человек, способный его поразить». — «О, как же мне узнать того, кто опечалит мое сердце?» — спросила мать Шишупалы. «А вот как, — ответил голос. — Скоро в твой дворец соберутся гости со всей земли. Ты должна посадить сына на колени каждому из них. И когда ты увидишь, что две его лишние руки упадут на землю, а третий глаз исчезнет с его лица, запомни того, кто будет держать его в это время на коленях, — он станет его убийцей». И неведомый голос умолк. А мать Шишупалы все так и сделала. И узнала, что ее сын падет от руки всесильного Кришны, над которым он сейчас смеялся, называя его жалким пастухом.

Услышав этот рассказ, Шишупала вскочил, подобный яростной кобре, и закричал, глядя на Кришну горящими глазами:

— Вызываю на бой тебя и всех тех, кто здесь славит тебя, недостойного!

Миг — и всех ослепило сверкание остро отточенного диска в руке у Кришны. Еще миг — и обезглавленный Шишупала рухнул на землю, как огромный утес, сраженный молнией.

И все поняли, что свершилось дело справедливости. Почтив глубоким поклоном Юджиштхиру, хранителя знаний, Бхишму, мудрейшего среди мудрых, и Кришну, который очищает землю от зла и беззакония, цари успокоенно опустились на сиденья, украшенные золотом, и Великая Жертва была принесена в соответствии с древним законом.

Рассказ о новом заговоре

После совершения Великой Жертвы все цари покинули город Индрапрастху и разъехались по своим странам. Уехали и Кауравы. Дурьодхана же, стремясь насытить свою зависть, остался на некоторое время во дворце Пандавов. Он рассматривал дивные картины, написанные на стенах и изображавшие великие и неподражаемые подвиги древних героев. Он любовался придворными танцовщицами, которые знали сто тысяч красивых движений рук и тысячу красивых поворотов головы. Он подсчитывал, сколько драгоценных камней украшает окна и балконы, сколько золотых светильников расставлено в покоях, сколько коней и слонов привязано в стойлах. Он думал: «Если бы все эти богатства принадлежали мне, мне одному, то цари всей земли пришли бы склониться к моим ногам, а не к ногам Юдхистхиры. И эта гордая Драупади, которая сейчас приветствует меня только сложением ладоней и не произносит ни слова, услаждала бы мой слух нежным пением и была бы покорна мне, как рабыня».

Такие недобрые мысли сопровождали каждый его шаг.

Еще большая злоба обуяла его сердце, когда однажды он сделался посмешищем для Пандавов и всех, кто окружал их.

Это было так. Бродя по всем покоям дворца, он увидел, что в одном из них вместо пола был бассейн с прозрачной водой, источавшей прохладу. Он приподнял края одежды и вступил в эту воду, желая охладить разгоряченные стопы своих ног. Но вместо воды он встретил твердую и скользкую поверхность хрустального пола и еле удержался от падения, изогнувшись, как удав. Все, кто был там, рассмеялись, видя, как извивается и машет руками этот спесивый царь, который всегда ходил важно, как верблюд.

Дурьодхана, исполненный гнева и стыда, быстрою походкой ушел в сад, желая скрыться от всех. Стремительно пробегая по дорожкам, он снова увидел перед собою хрустальное озеро, возле которого лежал в траве Бхимасена, раскинув по сторонам могучие руки, подобные ветвям огромного дерева. Там же предавались отдыху и другие Пандавы в тени тамариндов. Желая показать им, что его обмануть невозможно, Дурьодхана уверенно ступил на сверкающую поверхность и тотчас же с громким плеском упал в воду, потому что это было настоящее озеро.

От громоподобного хохота Бхимасены вздрогнули облака на небе, а смех Арджуны был подобен звону горного потока. Рассвирепевший Дурьодхана ринулся обратно во дворец и с размаху ударился головой о хрустальную дверь, которая была прозрачна, как воздух, и невидима для глаза. От этого удара дверь распахнулась, и царь Кауравов, пробежав по залу, снова увидел перед собой такую же дверь. Он вытянул вперед руки и попытался изо всех сил толкнуть ее, но тут же упал, растянувшись во весь рост, потому что дверь была широко открыта. Преследуемый смехом слуг и рабов, Дурьодхана, не помня себя от ярости и унижения, сразу же покинул Индрапрастху и направился в свою столицу.

От ненависти к Пандавам душа его высохла, как мелкий пруд под солнцем. Он метался по своему дворцу, подобный тигру в бамбуковой клетке, и жаждал только одного — отомстить своим двоюродным братьям, лишить их богатства, величия, славы, лишить всего, что они имеют.

В эти дни гостем Кауравов был их дядя, Шакуни, нравом подобный Дурьодхане. Много раз уже он подучивал своего племянника совершать разные злые поступки и стал первым его советником во вражде с Пандавами.

— О дядя, я не могу больше так жить, — стал жаловаться ему Дурьодхана, — я не могу этого вынести. Я брошусь в огонь или в воду, или выпью яд. Какой же истинный муж сможет спокойно взирать на процветание своих врагов?! Кто может без страдания видеть их успехи и вспоминать о своих неудачах?! Что предпринять, чтобы победить Пандавов?

— Не надо думать о победе, — ответил хитрый Шакуни, — ты уже много раз пытался их победить, но судьба была всегда благоприятна к ним. Ты даже хотел перехитрить их, помнишь? Пытался поссорить их друг с другом, подкупить, убить по одному этих могучих героев. Но разве увенчал успех эти твои намерения? Помнишь, как твой друг, пылкий Карна, говорил тебе: «Не медли! Действуй скорее, пока нет у Пандавов многих друзей и непобедимого войска. Сокруши их силой, пока они не окрепли. Помни, что доблесть является законом воинов». Но ты не внял словам Карны, и это было правильно, потому что силой Пандавов не одолеть.

— Но как, как я должен поступить теперь, чтобы завладеть всем царством? Ах, зачем отец послушался советов старого Бхишмы и Видуры? Если бы мы не отдали Пандавам половины царства, разве смогли бы они обрести такое могущество? — горестно сетовал Дурьодхана.

— Я знаю способ победить великославного Юдхиштхиру, не вступая с ним в битву, — проговорил Шакуни, надевшийся хитростью старой лисицы.

— Ты даруешь мне жизнь, о лучший среди живущих, — вскричал Дурьодхана. — Скажи, о, скажи скорее, что это за способ и что нам всем следует делать?

Шакуни сказал:

— Все вы забыли о том, что у царя Юдхиштхиры, мудрейшего и справедливейшего, есть одна слабость. Воспользовавшись ею, мы сможем заставить его покориться тебе.

— О, не медли, говори скорее. Нетерпение разрывает мне сердце. В чем состоит эта слабость? — торопил его Дурьодхана.

— В том, что он любит играть в кости. Эта игра из всех игр разрешена законом каждому воину, и нет худа в том, чтобы играть. Но царь справедливости играет честно, и в этом его слабость. Всеми миру известно, что я всех обыгрываю в кости. Не спрашивай меня, как я это делаю, но нет мне равного ни среди людей, ни среди богов. Я могу обыгрывать и Юдхиштхиру, уверься в этом без всякого сомнения.

— Это великое счастье и радость, и надо сделать именно так! — вскричал Дурьодхана в безмерном восторге. — Но кто же призовет сюда Юдхиштхиру? Постоянно оскорбляемый мною, он не примет моего приглашения.

— Следует упротить твоего отца сделать это. Юдхиштхира всегда отвечает почтением и согласием на каждую просьбу своего слепого дяди, — посоветовал Шакуни.

И вот оба эти злоумные направились в покои старого царя Дхритараштры.

— Вот перед тобой, о царь царей, твой старший сын, — начал Шакуни. — Лицо его покрыто бледностью, как вершина Гималаев — снегами, взгляд его погас, как огонь, заливаемый водой, а грудь его разрывают вздохи и рыдания.

— О, что же является причиной такого страшного горя? — в беспокойстве спросил старый Дхритараштра. — Может быть, кто-нибудь обидел моего наследника или прогневил его?

— Нет, владыка земли, не в этом таятся корни зла, кото-

рые губят жизнь твоего сына. Одно желание овладело его душою, и, если оно не исполнится, он не переживет этого, — продолжал Шакуни.

— Да, да, отец, — подхватил Дурьодхана, — если ты не захочешь помочь, я лишу себя жизни.

— Я все готов сделать, чтобы утешить тебя, сын мой, но скажи скорее, что может поддержать твою жизнь?

— Я хочу сыграть в кости с великославным царем Юдхиштхирой. Вели гонцам скакать за ним, не медля.

— Если это принесет тебе радость, я даю свое согласие. Пусть сегодня же начнут строить зал для игры. Это здание должно быть украшено резьбой, чтобы радовать сердце своим видом. И пусть будут отправлены гонцы к царям других стран, дабы выразить им почтение и пригласить посмотреть на эту игру.

Не успел старый Дхритараштра закончить свою речь, как уже послышались удары молотков каменотесов, а из ворот города вышла длинная вереница слонов. Погонщики, сидевшие на их головах, направили слонов к лесу, чтобы привезти розового и черного дерева, душистого сандала и гибкого бамбука. Во все стороны поскакали гонцы, вздымая пыль на дорогах. По всему царству пошла молва о том, что скоро прибудет благородный Юдхиштхира, чтобы принять участие в игре в кости.

Дурьодхана был счастлив, что обратился к советнику, который умеет сплетать речи и мысли свои так хитро, как рыба сплетает сети из волокна пальмы.

Кто, извиваясь, ползет по жизни,
Стремясь обманом насытить жадность,
Тот хочет хитрость свою умножить
На злые мысли себе подобных.

Зимою змеи друг друга греют,
Шакал с шакалом заводит дружбу,
За ланью волки несутся стаей,
И ворон с вороном мясо делит.

Рассказ об игре в кости

Когда зал для игры был уже почти возведен, Дурьодхана пришел к царю, чтобы подготовить его к тому, что играть должен будет Шакуни.

— О мой милый сын, — приветливо встретил его Дхритараштра, — радуется ли твоя душа? Ведь скоро ты сможешь показать свое искусство в игре в кости.

— Меня радует, что выстроен такой красивый зал для этой игры, — уклончиво ответил ему Дурьодхана. — Но разве этого достаточно, чтобы унять неутихающую боль моего сердца?

— Почему же ты снова жалуешься? Ты уже почти достиг свершения своих желаний. Скоро прибудет сюда Юджистхира, и вы порадуете мою душу своей братской встречей в этом зале.

— Ах, отец мой, разве могу я встретить его по-братски? Братья должны быть равны друг другу, и между ними не

должно быть зависти. А перед моим взором все время стоит необыкновенная роскошь, которую я видел в Индрапрастхе.

— Да зачем же тебе чужие богатства? Ведь ты имеешь все, что имею я, — пытался его уговорить слепой отец.

— Нет, я не могу забыть, какие дары получил Юдхиштхира от царей, собравшихся на Великую Жертву. Я не могу забыть тысячи отборных слонов, каждый из которых был покрыт сеткой из чистого золота! Я не могу забыть тысячи тысяч коней в сбруе, украшенной бирюзой! И стада быков с позолоченными рогами! И сосуды с благовонными маслами, и бесценные украшения! И оружие, о котором могут только мечтать лучшие из воинов!

— Но где же пути к таким богатствам? — спросил старый слепой царь. — Может быть, нам тоже следует устроить для тебя торжественное жертвоприношение и призвать на него многих царей из других стран? Тогда и твои богатства умножатся.

— Нет, отец, — воскликнул Дурьодхана, — этого никогда не будет, потому что все великомощные цари уже выразили свою покорность Юдхиштхире. Как же они теперь придут склониться к нашему трону? Ты должен помочь мне. Ведь твоя жизнь привязана к моей, как одна лодка к другой. Моя гибель и ослабление Кауравов будут гибелью и для тебя и для всего нашего рода.

— Но что же надо делать, скажи мне, — печально говорил Дхритараштра.

— Ты должен разрешить Шакуни сыграть в кости с Юдхиштхирой. Он прославился своей ловкостью в этой игре, и он победит моего брата и выиграет у него все его достояние.

— О, если этим я помогу тебе, то я согласен. Скажи Шакуни, что я прошу его оказать нам честь и играть от нашего имени.

* * *

Когда Юдхиштхира, этот лучший из знатоков закона, получил приглашение прибыть к Кауравам, он задумался.

Сердце подсказывало ему, что не следует принимать это приглашение, но, по обычаю воинов и царей, нельзя было отказаться от вызова на игру. После долгих колебаний он взошел на колесницу и вместе с братьями и Драупади направился во дворец Джритараштры.

Войдя в собрание царей, он с почтением приветствовал всех и сел на ковер в центре зала, где уже была приготовлена доска для игры. Шакуни сел против него и обратился к нему со словами предостережения, желая разжечь в нем страсть игрока:

— О царь, ты являешься носителем мудрости и отваги, ты должен решить, что нам делать. Ведь не всякий игрок может спокойно вынести удары проигрышей и радость побед. Они сотрясают душу, как гроза сотрясает дерево. Может быть, ты не будешь играть?

— Я не рассчитываю на победы и не опасюсь поражений. Осуждение постигает только тех, кто играет бесчестно. Поэтому пусть начнется игра в соответствии с правилами.

— Но готов ли ты играть до конца? Ты ведь знаешь, что стремление к победе может заставить нас продолжать игру до тех пор, пока один из нас не лишится всего, что имеет.

— Да. Я приехал в это блестящее собрание царей не для того, чтобы отступать, не доведя игру до конца. Пусть она начнется.

И игра началась.

— Что ты ставишь, о царь земли? — спросил Шакуни.

— Вот этот золотой убор, усыпанный отборным жемчугом, — ответил Юдхиштхира.

Загремели кости, брошенные ловкой рукой Шакуни, и в первый раз раздалось его восклицание:

— Я выиграл!

— Я ставлю сосуды с драгоценностями, которые хранятся в моей сокровищнице, — сказал Юдхиштхира.

И вскоре во второй раз раздался голос Шакуни:

— Я выиграл!

— Я ставлю мою колесницу, украшенную алмазами, и восемь коней с серебряными копытами.

И в третий раз все услышали тот же голос:

— Я выиграл!

— Я ставлю тысячу тысяч рабов, молодых и сильных и способных к любой работе.

И снова:

— Я выиграл!

— Я ставлю тысячу слонов, которые обучены сокрушать стены вражеских городов и не боятся шума битвы. Они выносливы и непобедимы.

— Я выиграл!

— Я ставлю всех воинов моей армии и все колесницы, на которых они сражаются.

— Я выиграл!

— Я ставлю свой дворец и все сокровища, которые хранятся в нем.

— Я выиграл!

И вот все, кто был в собрании, заволновались и зашумели и стали вскрикивать, видя, что Юджиштхира, этот светоч правды, идет к своей гибели из-за хитрости Шакуни. А мудрый советник Видура обратился к слепому царю:

— О владыка царей, почему же ты не повелишь прекратить эту игру, которая губит величайшего из царей земли? Разве ты не постигаешь умом того, что это рано или поздно приведет к гибели всех Кауравов? Если бы ты мог видеть, как покраснели сейчас от гнева глаза Арджуны, непобедимого в сражениях, и как сжимает кулаки Бхимасена, который страшен всем живущим на земле! А младшие Пандавы, близнецы Накула и Сахадева, уже схватились за мечи. Пожалея собственных сыновей, повели прекратить игру.

Услышавший эти слова, Дурьодхана, который весь дрожал от радости и нетерпения, быстро заговорил:

— Отец, отец, не слушай этого советника. Ведь он был другом царя Панду, а после его смерти всегда вступает за

Пандавов. Давно бы следовало выслать его из нашей страны, а ты прислушиваешься к его речам. Как может грозить гибель тем, кто выигрывает такие огромные богатства? Сегодняшний день отмечен счастливым сочетанием звезд, он принесет нам успех и процветание, а не гибель. Не слушай Видуру, отец.

Но Видура продолжал:

— Вспомни, о царь: когда родился этот твой старший сын, он стал сразу кричать, как шакал. И все говорили, что он приведет весь свой род к упадку и истреблению. Это шакал в образе Дурьодханы живет в твоём дворце. Не слушай его, останови игру.

— Нет, нет, отец, — вскричал Дурьодхана, — пусть игра продолжается!

И игра продолжалась.

— Что же ты еще поставишь, о царь? Не пора ли тебе признать свое поражение и уйти с позором? — спросил Шакуни.

— Я ставлю свое царство со всеми его жителями и всеми богатствами.

Все, кто созерцал игру, перестали дышать, и глазами, исполненными ужаса, смотрели на Юдхиштхиру. В полной тишине ударились кости о доску.

— Я выиграл! — раздался торжествующий голос Шакуни.

Дурьодхана вскочил со своего места и затопал ногами от счастья. Он обводил всех сверкающими глазами и хвастливо поворачивался во все стороны.

«Брат проиграл все, что мы имели, — подумал Бхимасена, — но я верну это в первом же бою».

«Ничего, все это не так страшно, — подумал Арджуна. — Пока мы вместе, мы снова обретем свое счастье».

— Что же теперь сможет поставить этот нищий? — вскричал Дурьодхана, показывая пальцем на Юдхиштхиру, у которого кровь отхлынула от лица. — В чем теперь его бо-

гатство? Все слышали — он сказал, что не отступит до конца игры. Что же он поставит?

И тут раздались слова Юджиштхиры, от которых дрогнуло сердце у всех собравшихся в этом зале:

— Мое богатство — это мои братья. Я ставлю младшего из них, этого красавца Накулу, который обладает гневом льва и силой молодого буйвола.

— Я выиграл! — вскричал Шакуни. — Отныне этот Накула — наш раб. Что ты еще имеешь?

— Я имею еще одного младшего брата — Сахадеву. Он так же безупречно владеет мечом, как Накула, и обучен всем законам царей. Я ставлю его.

Проиграв и второго брата, Юджиштхира погрузился в глубокое раздумье. По обычаю воинов, он не мог отказаться от игры, пока имел хоть какое-нибудь достояние. Страшная судьба, на которую он обрекал своих близких, стояла перед ним, как черная туча, и он не видел пути к спасению.

— Ну, что же ты? — насмешливо спросил Шакуни. — Я уже начинаю сомневаться, отдашь ли ты все проигранное. Ведь азарт опьяняет игроков, и часто они не отвечают за свои слова. Все ли ты уже проиграл, что имеешь?

— Нет, не все, — с горьким достоинством ответил Юджиштхира, всегда преданный правде. — Я ставлю теперь несравненного знатока оружия — Арджуну. Его, который подобно опытному лодочнику, всегда благополучно переправлял нас всех через бурные океаны битв. Нет ему равного по ловкости и отваге. Его я ставлю.

И тут же Шакуни выиграл Арджуну.

— Я ставлю последнее, что имею, — Бхимасену, этого сокрушителя врагов. Нет среди живых никого сильнее этого слона из рода Бхараты. Его я должен теперь поставить. Бросай кости.

— Я выиграл, — раздался голос Шакуни в мертвой тишине. — Что ты ставишь теперь?

— Я ничего больше не имею. Мне ничего больше не при-

надлежит. Только я сам принадлежу себе. Я ставлю себя. Если ты и на этот раз выиграешь, я готов делать все, что должен делать тот, кого проиграли.

Шакуни бросил кости, и кольцо несчастья замкнулось вокруг благородного царя Юдхиштхиры.

— О, какой великий грех ты совершил, — насмешливо сказал Шакуни, — ты проиграл самого себя. И зачем же ты избрал путь такого низкого падения, если у тебя еще имеется собственность?

— У меня ничего нет. Я никогда не осквернял ложью свои уста, верь мне — у меня ничего больше нет.

— Как это — ничего нет? Разве ты забыл про Драупади, про эту гордую дочь царя Панчалы, твою жену? Разве жена не является собственностью мужа? Может быть, она принесет тебе счастье и, поставив ее, ты сможешь отыграть себя и своих братьев и все свое состояние?

Стон ужаса пролетел по залу. Все ждали, что же ответит Юдхиштхира, всегда соблюдающий закон.

— Хорошо, — сказал Юдхиштхира, — я ставлю Драупади. Моей ставкой является эта женщина, глаза которой подобны лепесткам осеннего лотоса. Она одарена всеми совершенствами и всеми добродетелями женщин. Она подарила мне пятерых сыновей. Нет никого прекраснее ее на земле. Я ставлю ее, пусть совершится игра.

— Я выиграл! — в последний раз вскричал Шакуни и отбросил в сторону уже ненужные кости.

— Какое горе! Какой ужас! Какой позор! — стали восклицать цари, собравшиеся там.

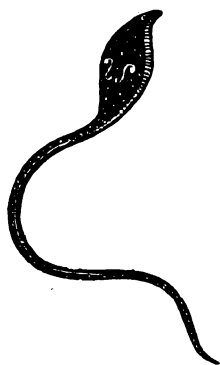
Советник Видура закрыл лицо руками и зарыдал, как будто охваченный безумием. Старый прадед Бхишма низко опустил голову, точно позор этой игры пал и на его седины. Наставник Дрона готов был выколоть себе глаза, те глаза, которые видели, как его любимые ученики, его гордость, его непобедимые Пандавы, были проиграны, как рабы, и сами превратились в рабов.

И только Дурьодхана и его друг Карна победно хохотали, обходя Пандавов кругами, точно хищные птицы.

Так закончилась эта страшная игра в кости, которая принесла разорение Пандавам, этим лучшим среди лучших потомков Бхараты. Но ни благородный Юдхиштхира, ни его братья не выдохнули даже слова сожаления о своих утратах.

Лишь тот, кто душою мелкой
К дарам богатства привязан,
Будет безмерным горем
Охвачен, его лишившись.

А тот, кто умом высоким
Постигнет вещей причины,
Спокойно встретит удары
Изменчивой вечно судьбы.

Рассказ об унижении Драупади

Дурьодхане не терпелось унижить Драупади, которая так долго им пренебрегала.
— Пусть приведут сюда эту гордую жену Юдхиштхиры! — вскричал он. — Пусть она подметет здесь пол.

Мудрый Видура не выдержал.

— О низкий! — воскликнул он. — Разве ты не понимаешь, что грубыми своими словами ты опутываешь сам себя, как веревками? Разве ты не видишь, что навлекаешь на свою голову гнев разъяренных тигров? Ты получил плоды этой игры подобно бамбуку, который плодоносит только перед своею смертью. Ни один истинный воин не станет оскорблять побежденного противника. Ты, как удав, заглотал богатство Пандавов, но оно разорвет тебе грудь, когда его будут извлекать обратно. Твое бесчестие является дорогой в ад, и на эту же дорогу ты увлекаешь всех Кауравов. Остановись хоть сейчас, не умножай своих злых дел.

Но умные речи не задерживаются в памяти тех, кто не желает их слушать.

— Ступай немедленно, — приказал Дурьодхана своему вознице, — и приведи сюда царицу Драупади!

И вот этот возница предстал перед Драупади:

— Ты должна сейчас же идти со мной, будешь прислуживать нашему владыке. Ты больше не царица: твой муж проиграл тебя в кости.

— Что за странные слова я слышу? — воскликнула эта гордая женщина. — Разве царь не мог сделать другую ставку?

— Сначала он проиграл все, чем владел, затем всех своих братьев и самого себя, а затем уже и тебя. Так что не спорь, а ступай со мною.

— Нет, возница, я не пойду. Иди один. Иди и спроси этого игрока, кого он проиграл раньше, меня или себя.

Когда возница спросил об этом Юдхиштхиру, этот царь, душа которого погрузилась в скорбь, ничего ему не ответил.

Зато Дурьодхана, спешивший насытить свою низость, закричал:

— Пусть дочь царя Панчалы явится сюда и сама спросит об этом. А мы все послушаем, как и о чем будет она говорить со своим мужем,

Неразумный по своей молодости Карна при этих словах залился смехом.

— Да, да, иди скорей, приведи ее! — вскричал он.

Возница вновь направился к Драупади и сказал, что ее ждут в собрании царей.

— Меня ждут не цари — меня ждет моя судьба, — с горестной покорностью согласилась эта женщина, украшавшая собою землю. — Но прошу тебя, пойди туда еще раз без меня и скажи, что я хочу знать, будут ли Кауравы относиться ко мне с уважением.

— Ах, вот что она хочет знать, — расхохотался Дурьодхана и обратился к одному из своих братьев: — Я прошу тебя, Душшасана, притащи сюда эту нашу рабыню хоть за волосы.

Увидев перед собою Душшасану, который без всякого почтения приказал ей идти следом за ним, Драупади, охваченная горем, громко рыдая, побежала в покои цариц. Бесчестный Душшасана догнал ее и схватил за волосы. Он намотал на руку дивные волосы, благоухавшие драгоценными ароматами, и, как рабыню, потащил за собой эту первую среди женщин земли.

Появившись перед собранием многих царей в разорванной одежде, Драупади гневно проговорила:

— Вы, Кауравы, вероятно, уверены в полной своей безнаказанности, если так унижаете меня. Не рвите моих волос и не терзайте моих одежд — ведь Пандавы никогда не простят этого, и ничто не спасет вас от гибели. Они покарают вас, даже если вы заключите союз с самими богами!

Грубый хохот злосердечного Дурьодханы был ей ответом. Стал смеяться над ней и Карна, который во всем поддерживал своего друга. А Душшасана начал срывать одежды с этой царицы, блистающей величием даже в таком унижении. И тогда Драупади, терзаемая безмерным стыдом, мысленно призвала на помощь далекого Кришну, одаренного чудодейственными свойствами,

«Несчастливые Пандавы, которые скованы законами чести воинов, не могут ни словом, ни движением помочь мне. Но ты, губитель многих демонов, ты, который очищаешь землю от зла, отчего ты не поддержишь меня в такой горестный час?»

И сразу же силой волшебства блистательного Кришны на ней стали появляться новые одежды, богато украшенные и благоухающие. И чем быстрее срывал их Душшасана, тем быстрее возникали вновь и вновь эти покровы, ласково обвивавшие тело опозоренной Драупади.

В это время поднялся во весь свой могучий рост Бхима-сена, этот лев с широкими плечами. Голосом глубоким, как рокот грома, он произнес страшную клятву:

— Слушайте мои слова, все воины земли. Таких слов никто не произносил до этого и не произнесет в грядущие века. Да не достигнет душа моя посмертного блаженства, да не попадет она никогда в обитель душ моих предков, если я в открытом бою не разорву грудь этого злодея и не напьюсь его горячей крови!

Все содрогнулись, услышав эту клятву. А Драупади⁴ обратилась к старому Бхишме, к Видуре и к царям, видевшим все, что произошло, и спросила:

— Вы, царственные мудрецы, вы, украшенные многими добродетелями, скажите мне, мог ли мой супруг проиграть меня после того, как проиграл себя? Ведь будучи проигранным, он стал рабом и поэтому не мог проиграть царицу, не должен был дальше соблюдать обеты воинов. Я не могу считать себя проигранной. Я свободна и всегда буду свободной.

— Нет, ты рабыня, рабыня! — закричал Дурьодхана.

И все его друзья подхватили:

— Рабыня ты, рабыня!

— И всегда теперь будешь рабыней, если это будет угодно моему великому другу, — добавил Карна.

Тогда поднялся Арджуна, светлый и прекрасный, и воскликнул:

— А я клянусь, что от моих стрел не скроется этот Карна, который не умеет выбирать друзей и так легко предается злу. Он думает, что, родившись в панцире, он может никого не бояться. Но и он, и все друзья Дурьодханы, подвергавшие осмеянию эту безупречную женщину, падут, пронзенные моими стрелами. Гималаи могут сдвинуться с места, солнце может лишиться своего жара, а месяц — пролады, но не сможет ослабнуть сила моей клятвы.

Вслед за ним Сахадева поклялся убить хитроумного Шакуни, а Накула принес клятву отомстить всем братьям Кауравам.

В это время во дворе завыл шакал, затем закричали ослы, а вослед пронеслись крики зловещих ночных птиц.

Видура и Бхишма обратились к царю Дхритараштре, говоря:

— Это дурные знаки, предвещающие несчастье. Всех вас постигнет кара богов. Нет такого закона, чтобы считать эту царицу рабыней. Большой грех совершает твой старший сын, насмехаясь над нею.

Испуганный Дхритараштра внял словам советников и обратился к Драупади:

— О царица, этот мой сын проявил непочтение к тебе. Никогда больше этого не будет, поверь мне. Чтобы искупить его вину перед тобою, я готов исполнить любую твою просьбу.

— Я прошу, великий царь, вернуть свободу моему супругу. Нет и не может быть у меня других просьб к тебе, о податель счастья.

— Твой сунруг свободен. Проси еще что-нибудь, это будет счастьем для меня.

— Тогда я прошу подарить свободу всем Пандавам. Кроме этого, мне ничего не нужно.

— Я согласен, — милостиво сказал Дхритараштра. — Все братья твоего супруга тоже обрели свободу. Я возвращаю вам вашу страну и все богатства.

— Брат, слышишь ли ты безумные речи нашего старого отца? — воскликнул Душшасана, обращаясь к Дурьодхане. — Он бросил на ветер все, что мы обрели путем этой игры воинов. Что же нам делать?

— Да, Пандавы сразу же соберут огромное войско и нападут на нас. Мы все слышали их клятвы. Они не простят нам оскорбления Драупади.

— Сейчас я вызову Юдхиштхиру на новую игру, — вмешался Шакуни. — Я спасу вас.

И снова вызванный на игру Юдхиштхира не смог отказаться из уважения к обычаям. Один только раз сыграли противники, и царь справедливости снова проиграл, обманутый бесчестным Шакуни.

— Я играл от имени Дурьодханы. Пусть же он скажет, какой выигрыш ему угоден на этот раз, — молвил Шакуни.

И Дурьодхана ответил:

— Проигравший царь должен будет вместе со своими братьями подвергнуться изгнанию на двенадцать лет. Пусть они все проживут эти двенадцать лет в глухом лесу, вдали от нашего царства. И еще один год, тринадцатый, пусть они проживут где-нибудь неузнанными. Если же хоть кого-нибудь из них узнают, они снова удалятся в лес на двенадцать лет. Таково мое решение, о тигры среди людей, и я его не изменю. Ведь игра велась добровольно и у всех на глазах. И царь Юдхиштхира снова проиграл.

Все опечалились сердцем, услышав эту речь. Все увидели, что Дурьодхана и Шакуни, лишённые добродетелей и достоинств, снова оплели великодушных Пандавов сетями своих хитрых уловок. Все поняли, что теперь ничто не может спасти этих героев от изгнания, и скорбно опустили головы в знак прощания на многие годы с этими носителями славы.

Рассказ об уходе в изгнание

В те дни, когда гроза несчастья разразилась над Пандавами, их преданный друг Кришна был занят войной. Огромное войско врагов разорило его страну и окружило столицу, пока он проводил свои дни в Индрапрастхе после свадьбы Арджуны. Возвратившись к себе, он двинул в битву всю свою армию и до тех пор не мог покинуть поля боя, пока не истребил всех вражеских военачальников и не рассеял всех лучников и колесничих.

Узнав о беде, постигшей его друзей, он, не медля, устремился снова в Индрапрастху. Но все, чему назначено было свершиться, уже свершилось, и изменить ход вещей было невозможно. Пандавы готовились к уходу в изгнание, и Арджуна обратился с просьбой к своему другу:

— О Кришна, брат мой, об одном попрошу я тебя — возьми с собой Субхадру, мою бесценную супругу. Она сестра твоя, береги ее, как свою и мою жизнь. Поддержи ее в горе и развежь ее печаль. Храни ее, нежную, как тычинка лотоса, до конца моего изгнания.

И Кришна свято обещал Арджуне исполнить его просьбу.

Советник Видура тоже прибыл в Индрапрастху, чтобы проводить Пандавов в изгнание. Со слезами на глазах он обратился к Юдхиштхире и сказал:

— Пусть не тревожит тебя судьба твоей почтенной матери. Та, что дала жизнь таким доблестным героям, будет окружена друзьями. Она поселится в женских покоях моего дома, и все будут оказывать ей знаки наивысшего внимания и заботы. Вы же, непобедимые в бою и побежденные хитростью, должны невредимыми вернуться к нам, когда истечет срок, назначенный бесчестным. Мы все, цари и советники, брахманы и воины и все подданные, будем ждать вас.

— О, не уходите, нет! — зарыдала царица Кунти. — За что боги так немилостивы к вам, всегда преданным правде и добру?! Если бы я знала, что нас ждет такое горе, я бы скрыла вас, когда вы были еще маленькими, и взрастила бы вас вдали от двора царя Дхритараштры. Он слеп не только глазами — он слеп душою, если не видит, какое беззаконие творят его сыновья. Лучше бы и я ослепла, чтобы не видеть, как эти блистательные герои уходят сейчас из своей столицы в одежде нищих. О, не отнимайте у меня моих детей! О, не отнимайте хотя бы всех сразу! Пусть хоть самый младший останется мне в утешение. Пусть уйдут старшие, сковаанные долгом воинской чести, но ты, Сахадева, сжался надо мной. О, останься хоть ты, не покидай меня!

Так умоляла царица Кунти, разрывая на себе одежды и вытирая слезы распущенными волосами. Но все сыновья поочередно склонились к ее ногам, принеся ей прощальное приветствие, и медленно пошли друг за другом прочь от

дворца по улицам, на которых стояли толпы рыдающих людей. Вместе с ними ушла и Драупади, преданнейшая из жен. Эта женщина, всегда служившая украшением своих нарядов, шла сейчас в платье отшельницы, распустив по плечам волосы.

Так, сопровождаемые скорбными вздохами и горькими стенаниями всех горожан, Пандавы вместе с Драупади прошли городские ворота и направились по пыльной дороге к далекому лесу.

Когда Видура возвратился в столицу Кауравов, слепой царь призвал его, чтобы расспросить обо всем.

— Я все хочу услышать от тебя,— обратился он к своему советнику. — Расскажи мне о каждом из них, не утаив ничего. Как они покидали свой город?

— Сейчас ты узнаешь, что я видел,— ответил Видура.— Юдхистхира шел, закрыв лицо краем своей одежды. Это означает, о владыка, что он и сейчас относится к твоим сыновьям с добротой и любовью. Он боялся, что в его взоре может невольно вспыхнуть гнев и что этот огненный взор может упасть на кого-нибудь из твоих близких. Поэтому он шел, скрыв свои глаза. Бхимасена следовал за ним, глядя на свои могучие руки. И это означает, что он думал о том часе, когда будет поражать этими руками своих врагов. Арджуна шел, вздымая ногами пыль и следя взглядом за тем, как она разлетается в стороны. Это означает, о владыка, что он видел перед собой поле грядущей битвы и вместо тысяч пылинок ему представлялись тысячи стрел, которые он будет посылать в своих врагов. Последними шли Накула и Сахадева. Они густо посыпали свои тела пеплом в знак величайшей скорби. И это означает, о повелитель, что тяжело будут скорбеть жены тех воинов, которых эти герои зарубят мечами, когда настанет неотвратимый час сражения.

Услыхав эту речь, Дхритараштра поник головой. А Бхишма, старейший из всех потомков Бхараты, сказал ему:

— Ужасное дело совершил твой старший сын. Через тринадцать лет будет истреблен твой род, о царь. Поэтому пусть никто из вас больше не посягает на справедливость. Пусть все живут в согласии с правдой, чтобы не умножать свои грехи перед лицом всемогущего бога смерти. Ты мой праправнук, в твоём дворце я живу и пользуюсь должным почетом. Тебе я стану помогать, когда наступит час битвы, но снова говорю — пусть твои сыновья не творят больше никаких беззаконий.

Затем приблизился наставник Дрона и тоже сказал:

— Много лет ты давал мне пищу и питье. Я не знал забот, живя в твоём дворце, и я не забуду этого. Я тоже буду биться на твоей стороне, хотя сердце мое знает, что правда на стороне Пандавов.

Душу старого царя охватила тревога, и он решил про себя, что будет следить за всеми поступками своего старшего сына, чтобы удержать его от свершения нового зла.

* * *

И вот по прошествии некоторого времени Дурьодхана созвал своих друзей и обратился к ним со словами беспокойства:

— Я неустанно думаю о том, что с нами будет, если Пандавы нарушат слово и вернутся из изгнания. Или если мой отец вдруг призовет их обратно, послушавшись голоса жалости. Они не пощадят нас, потому что никогда не видели пощады от нас. Что нам делать?

Шакуни ответил:

— О царь земли, чего ты боишься? Пандавы никогда не изменят чести. А если твой отец освободит их от данного слова и они вернутся, то нам же лучше. Мы будем ежедневно наблюдать за ними и мешать им искать союзников. Живи спокойно и жди, что принесет тебе время.

Душшасана сказал:

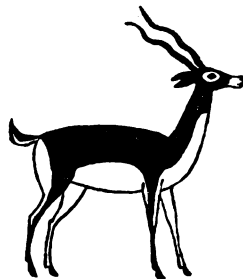
— Да, Шакуни изрек истину. О, как он мудр! Нам с тобою, брат мой, следует всегда прислушиваться к его словам.

— Нет! — с жаром вскричал Карна. — Не так надо жить и нечего ждать. Я обещал дружбу Дурьодхане, я буду оберегать его и служить ему до последнего дыхания. И я думаю, что вместо бесплодного ожидания мы должны взойти на колесницы и устремиться в лес, где пребывают Пандавы. Мы должны найти их и убить всех до одного, пока они вновь не обрели силы.

Но не успели они направить бег своих коней вдаль, как были остановлены посланцами царя Дхритараштры и возвращены обратно.

Так в первый раз слепой царь проявил волю и не дал своему недоброму сыну совершить злодеяние. Насколько больше плодов принесло бы его веление прекратить зловещую игру в кости! Как далеко мог бы он увести весь свой род от грядущего истребления! Но этот бесславный потомок Бхараты не прислушался к голосу разума и не внял своим советникам, одаренным мудростью. И теперь ему оставалось только отмечать в сердце своем годы, которые Пандавы проведут в изгнании, и ожидать часа расплаты.

Рассказ о начале жизни в лесу

Когда достославные Пандавы вступили в лес, Юдхиштхира обратился с мольбою к Солнцу, прося его о помощи. Видя вокруг непроходимые заросли, слыша шипение ядовитых змей и рычание зверей, зная, что в чаще скрываются ракшасы-людоеды, этот мудрый царь воззвал к отцу всех творений, прося его о защите.

Согласно обычаю, он вошел в струящуюся воду и, протянув к Солнцу цветы в открытых ладонях, обратил к нему свою мольбу:

— О Солнце, око вселенной, начало всех вещей, влады-ка людей и богов! О губитель мрака, повелитель лучей и податель жизни! Ты сильнее всех, самых сильных, ты светлее всех, самых светлых. Ты разгоняешь туманы, выпиваешь реки и моря, ты побеждаешь грозовые тучи и заставляешь их проливаться дождем. Ты питаешь все живое на земле, нет предела твоему милосердию. Помоги нам, которые преклоняются перед тобой, поддержи нас.

И Солнце, этот создатель дней, спустилось с неба и появилось перед Юдхиштхирой.

— Ты прославил меня словами, которые достойны похвалы, и вот я перед тобою, — обратилось оно к царю, стоявшему со сложенными ладонями. — Ты получишь, что желаешь. Вот возьми этот медный сосуд и отдай его своей

добродетельной супруге. По ее желанию он будет наполняться пищей, и этой пище не будет конца до тех пор, пока не насытятся все, кто голоден.

Проговорив эти слова, Солнце, сияющее тысячами лучей, снова засверкало в небе. А Юдхистхира, выйдя из потока, отнес волшебный сосуд Драупади, и он тотчас наполнился пищей. Насытившись, все Пандавы еще раз прославили Солнце и, бодрые духом, направились в глубину чащи.

Они углубились далеко в лес, проходя через заросли бамбука, прорываясь сквозь сети лиан, переправляясь через болота, полные змей, и переплывая реки, где жили тысячи тысяч крокодилов.

Достигнув солнечной поляны на берегу быстротекущей реки со светлой водой, они поселились там и стали мирно проводить свои дни.

О том, что в лесу живут величайшие из героев земли, скоро узнали все создания, населяющие дебри. Змея передавала этот слух другой змее, олень — оленю, птица — птице. И вот вскоре он дошел до ракшасов, которые давно хотели отомстить Пандавам за то, что Бхимасена убил самого сильного из них. Сверкая огненными глазами, наполняя рычанием землю, размахивая огромными руками, один из ракшасов появился ночью перед убежищем этих носителей славы. Когда все они вышли, удивляясь, ракшас принял форму горы, потом — форму потока, а потом стал поминутно менять свой вид для устрашения героев.

Бхимасена, обладающий силою тысячи слонов, затянул потуже свою набедренную повязку и, потирая ладонь о ладонь, пошел прямо на ракшаса.

— Не подходи, — зарычало это чудовище, — лучше не подходи близко. Я разгрызу тебя на части на глазах у твоих дерзких братьев.

Услышав это, Бхимасена, могучерукий, вырвал из земли дерево и без промедления начал бой, ударив им ракшаса по

голове. Тогда расвишпепевший ракшас силой волшебства зажег другое дерево и бросил его в героя, но Бхимасена ударом ноги оттолкнул горящий ствол прямо на ракшаса. Затем оба противника стали швырять друг в друга деревья и опустошили половину леса. Наконец Бхимасена схватил огромного ракшаса руками и стал сжимать его с такой страшной силой, что тот задохнулся и рухнул на землю.

Весть об этой победе облетела весь лес, подобно облаку, гонимому ветром. И все живые существа стали славить героя, а другие ракшасы ушли подальше от путей Пандавов, чтобы избежать такой же страшной участи.

Когда прошло тринадцать месяцев жизни в лесу, Бхимасена ощутил глубокую тоску. Дни, лишённые воинских подвигов, казались ему временем, потерянным без пользы. Он подошел к Юджистхире и обратил к нему речь, исполненную нетерпения:

— О лучший из рода Бхараты, скажи, что приобретаем мы все, живя в этом лесу и соблюдая обеты правды и добра? Ведь не правдой и не добром отняли у нас царство наши враги. Из-за того что ты связал себя словом чести, они отняли у нас царство, подобно тому как отнимают плоды у безрукого или угоняют коров у безногого. Это убежище в лесу годится для слабых людей, но не для нас. Только трусы любят уходить от опасностей, а для меня все это горше смерти. Наше бессильное существование навлечет позор на наши головы. Что пользы в соблюдении такой справедливости? Ведь главная справедливость, о податель даров, состоит в том, чтобы вести свое царство по пути процветания. А у нас нет теперь царства. Надо уйти отсюда и вернуть его силой.

Юджистхира, исполненный величия, ответил ему:

— Я не могу запретить тебе пронзать мою грудь словами, подобными стрелам. Но помни всегда, что с тех пор, как стоит земля, и до тех пор, пока она будет стоять, слово воина нерушимо. В собрании царей я сказал, что любой проигрыш

будет оплачен, и поэтому не может быть даже мысли о том, чтобы нарушить слово. Этого позора с нас не смоют даже столетия. Наша жизнь здесь тоже жжет мое сердце, как яд, но я буду ждать окончания срока, подобно тому как сеятель ждет урожая. Никто из нас не должен становиться на путь бесчестия.

— Битва не может быть путем бесчестия! — воскликнул Бхимасена. — Бесчестие в том, чтобы пропустить возможность убить своего врага. Если даже ты после его гибели попадешь в ад, ад покажется тебе раем. Взгляни на Арджуну, он тоже томится, как лев в западне. И его дивный лук, тетиву которого он умеет натягивать и правой и левой рукой, валяется в хижине, как засохшая лиана.

— Иногда следует и прощать своих врагов — так говорят мудрецы, — задумчиво ответил Юджиштхира.

— Прощать?! — вскрикнул Бхимасена. — Ты из воина превратился в брахмана. К чему приведет твоя доброта и всепрощение? К нашей гибели и к гибели царства. И потом, как мы будем жить неузнанными? Кто может не узнать тебя, славу всей земли, или меня, подобного горе? Арджуна тоже виден издалека, как цветущее дерево в пустыне у колодца. И даже младшие наши братья, подобные двум молодым львам, будут узнаны по их осанке. Чего же мы ждем? Нового изгнания на двенадцать лет? Давай лучше считать месяц за год. Тогда уже все тринадцать лет прошли, и нам надо готовиться к битве. Нет для воина большей правды, чем правда боя.

— О могучерукий, эта речь справедлива. Но помни и другие слова мудрых: кто хочет победить, полагаясь только на свою отвагу, часто встречается с поражением. Успешной бывает битва, хорошо подготовленная и имеющая разумный план. Подумай, как силен сейчас Дурьодхана. Нашим золотом он одарил всех своих воинов, наших боевых слонов и оружие забрал себе. Всех царей, правивших незаконно, которых я покарал, он щедро одарил и привлек на свою сто-

рону. Все они отдадут за него жизнь в бою. На их стороне будет сражаться также Карна, сильнейший в битве на колесницах, и наш наставник Дрона, который ест их хлеб и поэтому не предаст их, и многие другие непобедимые воины. Поэтому я говорю тебе: рано нам думать о битве. Кончится срок изгнания, и, не нарушив чести, мы соберем могучее войско и добьемся победы. Успокой свое сердце и помни, что:

Слѡн, разъяренный и дикий,
Чья сила грозе подобна,
Один не может прорваться
Сквозь стадо слонов домашних.

Упорно и долго камни
Шлифуют каменотесы —
И вот расцветает город,
Как лотос под синим небом.

Ничто не дается сразу,
Ничто не приходит быстро —
Плодом и труда и мысли
Является дел свершенье.

Рассказ о приобретении чудесного оружия

Живя в лесу, Пандавы проводили свое время в охотах и в беседах. Часто посещали они и отшельников, которые ушли в лес из городов и сел, для того чтобы вести мирную, тихую жизнь вдали от всех земных забот. Эти старцы проводили долгие годы в размышлениях, и многие из них достигли глубоких знаний. Они постигали мыслью самые сокровенные чувства людей, знали далекое прошлое и могли даже проникать взором в будущее. От этих отшельников Пандавы услышали много преданий о великих делах богов и бессмертных героев. Эти мудрецы рассказали Юдхиштхире и о том, что боги, живущие на неприступных вершинах Гималаев, хранят волшебное оружие, которое всегда приносит победу.

Узнав об этом, Юджистхира решил, что надо добыть это оружие. Но кому из братьев следует идти в такой дальний путь, чреватый многими опасностями? Если пойдет он сам, братья могут поддасться порыву нетерпения, вернуться в Индрапрастху и попасть в руки врагов. Если пойдет Бхима-сена, все они надолго лишатся главного своего защитника, несокрушимая сила которого, подобно стене, ограждала их от нападений ракшасов и других чудовищ. Младшие братья смелы и горячи, но недостаточно опыты. Оставался Арджуна, знаток оружия, отважный и ловкий. «Он должен идти», — решил Юджистхира и обратился к нему:

— Будь внимателен к моим словам, мой достославный брат. Ты должен оставить нас и направиться в сторону Гималаев, вершины которых скрыты в тучах и недоступны взорам смертных. Там, на вершине всех вершин, обитают боги. Один из них — великий Индра, бог-воитель и царь богов, тысячеглазый Индра, который видит все, но сам невидим, — владеет тайной оружия, не знающего поражений. Он милостив к тебе. Это он некогда подарил тебе твой лук, сделанный из радуги, и колчан, в котором не иссякают стрелы. Найди путь к этому бессмертному и попроси у него оружие. Оно спасет нас в грядущей битве. Но ты должен дать мне слово, что будешь всегда помнить о нас и бережешь себя. Не отступай перед угрозами, но и не начинай боя ради самого боя. Будь ловок в обращении с людьми и никому из них не позволяй надолго задержать себя. Стремись к цели и к возвращению.

Арджуна, в знак уважения обойдя их слева направо, простился с братьями, склонился к ногам Драупади и без промедления отправился в путь. Выполняя все, что сказал ему Юджистхира, он шел день и ночь, не зная усталости, и, преодолев тысячи тысяч преград, достиг Гималаев. Собрав всю свою ловкость и силу, этот герой несколькими прыжками достиг их высоты и вдруг увидел отшельника, сидящего под развесистым деревом.

— Кто ты, юноша, одетый в панцирь? — обратился к нему этот старец. — Отчего ты с мечом и луком? Здесь никто не пользуется оружием, это обитель отшельников. Здесь нет споров и опасностей. Отбрось подальше свой лук и стрелы.

— Нет, почтенный, я не могу это сделать, — низко поклонившись, ответил Арджуна.

— О воитель, откажись от оружия: говорю тебе, оно излишне в этой тихой обители, — повторил отшельник.

— Нет, никогда! — воскликнул Арджуна. — Воин не может расстаться с оружием. Я могу отдать жизнь, но не лук и не меч.

И вдруг вид отшельника изменился. Из дряхлого старца он превратился в могучего тысячеокого бога Индру. Голосом, подобным рокоту грома, он сказал Арджуне с улыбкой:

— Я доволен тобою, ты истинный воин. Я разрешаю тебе попросить у меня любой дар. Я исполню любое твое желание.

— Молю тебя, дай мне чудесное оружие богов. Это единственное мое желание.

— О нет, только этого не проси. Хочешь стать бессмертным и остаться навсегда в обители богов? Или обладать вечным счастьем и несметными богатствами?

— Нет, нет. Ни о чем не прошу, ни к чему не стремлюсь, кроме оружия богов.

— Ну, тогда знай, что для этого ты должен узреть самого непобедимого из богов — могущественного Шиву, имеющего три глаза. Помни, что огнем своего третьего глаза он может испепелять людей и богов, поэтому бойся прогневить его. Прощай.

И, проговорив это, бог-воитель исчез. А Арджуна отправился на поиски бога Шивы. Долго он не мог найти путей к нему и бродил по удивительному лесу, где все деревья вместо листьев были покрыты цветами, на озерах росли розовые и голубые лотосы, а по траве ходили павлины, распу-

сившие хвосты, подобные радуге. Пенье птиц и журчанье горных потоков наполняли воздух.

Вдруг Арджуна услышал топот, сотрясавший горы, и прямо на него из чащи выбежал огромный вепрь, устрашающе оскалив клыки. Арджуна обрадовался неожиданной охоте и, вскинув лук, мгновенно поразил вепря стрелой, которая вонзилась в его тело, как молния вонзается в скалы. Но в тот же миг в сердце этого зверя впилась еще чья-то стрела, и из-за деревьев показался охотник, которого сопровождала толпа женщин, сияющих красотой. Лицо этого охотника отливало золотым блеском, и он был так прекрасен, что вся земля расцвела, когда он появился.

— Кто ты, златоликий? — спросил его удивленный Арджуна. — Почему ты бродишь здесь, в глухом лесу, с этими божественными красавицами? Если ты охотник, то должен знать правила охоты, но ты их не знаешь. Зачем ты стрелял в мою добычу?

— Это добыча моя, — возразил охотник. — Мы, горцы, являемся извечными жителями этого дивного леса и знаем, как надо охотиться.

— Тогда я убью и тебя! — воскликнул Арджуна. — Я первый сразил этого вепря и не уступлю его никому.

С этими словами он выпустил тысячу стрел в грудь охотника-горца, но тот стоял недвижно, как гора, ни разу даже не вздрогнув от смертоносного оружия. И с улыбкой смотрел в лицо Арджуне.

«Против этого моего лука, сделанного из радуги, не может устоять ни один смертный. С кем же я сражаюсь и чем можно поразить его?» — подумал герой. Схватив свой лук за конец, он стал бить им горца, как дубиной, но тот без всякого усилия вырвал лук из рук Арджуны и отбросил далеко в сторону. Мечом и кулаками, деревьями и скалами бил горца непобедимый Пандава, но не мог одолеть его. Тогда горец сам вступил в борьбу с ним и мгновенно смял его, как пучок травы.

Придя в чувство, Арджуна увидел, что во лбу горца сверкнул третий глаз, и понял, что должен смириться. Он низко склонился перед своим бесподобным противником:

— Прости меня. Я только теперь понял, что в образе горца мне явился ты, бог, обладающий тремя глазами. Я прибегаю к твоей защите. Будь милостив, о всемогущий Шива.

— Я доволен тобой, — ответил ему Шива. — Ты лучший среди воинов, нет тебе равного. Проси у меня что хочешь.

— Только одно ищю я здесь — оружие. Дай мне твоё оружие, которое устрашает людей и богов, духов и ракшасов. Дай мне то оружие, при помощи которого ты сжигаешь всё живое на земле, когда завершается круг веков. Из него вырываются тысячи молний, и оно сверкает, как сотни раскалённых жезлов. Дай мне его.

— Хорошо, я тебе дам его, могучий герой. Но только никогда не прибегай к нему без крайней нужды! Помни, что люди ничего о нем не знают. Если воспользоваться им неосторожно, оно может сжечь весь мир. Всё, что живет в движении и без движения на этой земле, будет истреблено. Его можно привести в действие не только руками, но даже взором или мыслью. Будь с ним осторожен, Пандава.

С этими словами треокий Шива вручил Арджуне своё страшное оружие и скрылся из его глаз, как солнце на закате. И тогда небо озарилось лучами, и на освещенных вершинах гор перед взором Арджуны появились другие боги, нелицетвенные и могучие, сияющие, как звезды.

Премудрый Яма, бог смерти, обратился к потрясенному Арджуне, сказав:

Ты беспощаден к неправде —
Мне твои битвы угодны.
Право карать злодеев
Тебе я дарю, могучий.
От мести твоей и гнева
Отныне никто не уйдет.

Затем заговорил бог океанов, властитель всех земных и небесных вод, Вáруна:

Я владею сетями.
Это чудесные сети —
Того, чьи мысли нечисты,
Они без труда уловят.
Тебе я дарю эти сети.
Владей ими, храбрый, по праву.

И последним обратился к Арджуне бог Кубэра, хранитель сокровищ земли:

Прими от меня доспехи
Из тайных, чудесных металлов.
Ты будешь незримым в битве —
И недруг тебя не сразит.

Арджуна с сердцем, исполненным восхищения и благодарности, почтил этих бессмертных, принеся им в жертву цветы и плоды. Произнося слова восхваления, он коснулся лбом земли, а когда поднял взор, на вершинах гор уже никого не было.

Но вскоре раздался грохот, который сотряс небо и землю. Сверкание, подобное отблескам зарниц, залило весь небосклон, и перед Арджуной появилась воздушная колесница.

— Я послан к тебе, о герой, тысячеоким Индрой, владыкой неба, — проговорил возникший. — Взойди на эту колесницу, и я умчу тебя в его чертоги.

Так Арджуна очутился перед лицом бога Индры.

— Я был при твоём рождении, — обратился к нему великий Индра. — Ты должен считать меня своим вторым отцом. Я счастлив, что ты пришел ко мне, сын мой. Я счастлив видеть у тебя оружие, которым наградили тебя бессмертные. Но сначала ты должен научиться владеть им. Ради этого ты останешься в моих чертогах на пять лет и вернешься к братьям только после того, как познаешь все тайны.

И Арджуна остался до времени в небесных пределах.

Рассказ о Нале и Дамаянти

Пандавы продолжали смиренно жить в лесу. Годы шли, а Арджуна не возвращался. Глубокая тоска закралась в душу Юдхиштхиры, и он не знал, в чем найти успокоение. Однажды, когда он, погружившись в печальное раздумье, сидел перед хижинкой, к нему подошел старый отшельник и спросил, о чем его печаль.

— Ужасная судьба постигла нас, отец, — ответил Юдхиштхира и рассказал старцу все, что с ними произошло.

Поведав ему об игре в кости, об изгнании и об уходе Арджуны, он воскликнул со слезами на глазах:

— О, скажи, был ли на земле хоть когда-нибудь такой же несчастный царь, как я?! Страдал ли хоть кто-нибудь так, как мы страдаем?

— Если тебе, о великодушный, и твоим братьям будет угодно услышать повесть, которую я хочу рассказать, вы узнаете, что был царь, который перенес более жестокие страдания,

— Будь милостив, отец, Расскажи нам о нем, — попросил Юдхиштхира.

И они услышали от досточтимого мудреца такой рассказ:

— Когда-то на земле жил царь, по имени Наль. Он был одарен молодостью и красотой, силой и геройством. Он был великим воином, и царство его было богато. Но превыше всего восхваляли люди его несравненное умение управлять конями. Когда он всходил на колесницу, кони летели, как тучи, гонимые бурей, и почти не касались земли.

А в соседнем царстве жила царевна, по имени Дамаянти. О ней, красавице с дивными глазами и тонким станом, о ней, которая блеском напоминала молнию, а красотой затмила всех красавиц на земле и на небе, пели и говорили повсюду.

Однажды Наль, этот лучший из царей, поймал лебедя с золотыми перьями. А лебедь вдруг проговорил:

— Отпусти меня, царь, и я расскажу о тебе Дамаянти — я знаю, ты, не видя, полюбил ее; я расскажу о твоей любви, и она, может быть, в ответ полюбит тебя.

Отпущенный Налем лебедь сделал, как обещал. И Дамаянти, услышав о достоинствах Наля, полюбила его так, что перестала есть, пить и спать и только вздыхала, терзаясь тоской.

Тогда отец ее объявил великие смотрины женихов. И отовсюду устремились к его дворцу владыки земли, наполняя все страны света топотом слонов и грохотом колесниц. Среди этих юных героев был и прекрасноликый Наль.

Но не только на земле узнали все об этих смотринах. Услыхали о них и боги.

И вот первые среди них — Индра, владыка неба, Агни, бог огня, Варуна, повелитель вод, и Яма, владыка страны предков, — тоже направили свои небесные колесницы в царство отца Дамаянти.

Спустившись на землю, они увидели Наля, который не-

удержимо мчался вперед, заставляя коней лететь над землею. Бессмертные обратились к нему:

— Ты славен своей верностью и стойкостью. Будь нашим посланцем. Скажи к Дамаянти и возвести о нашем приходе на землю ради ее лучезарной красоты. Мы поможем тебе проникнуть в ее чертоги.

Наль не посмел послушаться всемогущих богов и, скорбя душою, все рассказал Дамаянти.

— Кого же из четырех бессмертных ты выберешь, лото-соокая? — спросил он ее.

— Я изберу тебя. Перед лицом людей и богов я изберу только тебя, бесподобный, — с любовью ответила ему Дамаянти.

Вернувшись к богам, Наль, преданный истине, поведал им о словах царевны. И вот в день, когда перед женихами явилась ясноликая Дамаянти, желая в их толпе скорей увидеть своего избранника, ее взор внезапно упал на пятерых Налей. Все пять были так неразличимы, что горе охватило сердце этой безупречной красавицы. Пять одинаковых Налей взирали на нее с улыбкой, и не было ей никакого знака, кого же выбрать.

Отчаявшись в душе, она прибегла тогда к защите этих богов, пришедших искать ее руки.

— О всемогущие, я отдаюсь под вашу защиту, помогите мне. Есть для меня только одна правда — я избрала в супруги Наля. А вы, хранители мира, приняв его образ, лишете меня моей правды. Мой обет нерушим, помогите мне его исполнить, чтобы я не совершила греха. Молю вас, дайте мне различить среди вас моего любимого.

И тогда, сжалившись над ней, эти бессмертные явили царевне признаки своей божественности, которые отличают их от людей. Она увидела, что из пяти одинаковых Налей четверо были в одеждах без единой пылинки и в гирляндах, где ни один цветок не завял. Все четверо смотрели немилующим взглядом, и на их лицах не было ни одной росинки

пота. Они стояли, не касаясь земли, и не отбрасывали от себя тени.

И Дамаянти, всем сердцем принеся им благодарность, смело избрала в супруги пятого, который был истинным Налем.

Боги же, возвращаясь в свои небесные пределы, встретили демона, по имени Кáли, который возбуждал в людях страсть к игре в кости. Этот низкий, приняв облик прекрасного юноши, тоже хотел участвовать в смотринах женихов. Узнав от небожителей о том, что уже избран Наль, Кали в бешенстве поклялся лишить его счастья и отнять у него царство.

И вот он поселился при дворе Наля и стал ждать, когда этот несравненный правитель совершит хоть какой-нибудь грех, потому что иначе демон не мог вселиться в его тело. Но Наль, обретя Дамаянти, эту жемчужину среди женщин, жил, наслаждаясь счастьем и не нарушая обетов. Чудесных детей подарила Дамаянти своему мужу — мальчика, подобного львенку, и девочку, как бутон лотоса.

Только через двенадцать лет удалось демону овладеть Налем. Вселившись в этого носителя совершенств, он внушил ему такую неодолимую страсть к игре в кости, что Наль играл, не прерывая игры, несколько месяцев и проиграл все, что имел.

Видя, что ее супруг одержим безумием, Дамаянти отошла детей во дворец своего отца и стала молить Наля прекратить эту ужасную игру. Но Кали терзал его изнутри, заставляя делать все новые и новые ставки.

Лишившись всего, даже украшений и одежды, Наль покинул свое проигранное царство и удалился в глухой лес. Дамаянти, преданная мужу всей душой, последовала за ним, стремясь разделить все его невзгоды. Страдая при виде ее страданий, Наль стал отсылать ее от себя, говоря:

— Слушай, безупречная, что я тебе скажу. Я лишен царства, голоден и нищ. Я виновен во всех несчастьях, ко-

которые нас постигли. Вот эта дорога ведет в город твоего отца. Запомни ее — там ты обретишь все, чего я тебя лишил.

— О, зачем мне это слушать и знать?! Я знаю, что жена служит лучшим помощником, когда муж устанет, и лучшим лекарством, когда он болен. Без тебя я не вернусь во дворец моего отца.

Мучимый стыдом и горем, несчастный Налъ решил сам покинуть свою верную супругу, надеясь, что, лишившись его, она вернется в дом отца. И вот во время сна своей несравненной жены он, увлекаемый демоном Кали, убежал, отрезав половину ее покрывала и накрыв себе плечи. Очнувшись, Дамаянти оказалась одна в глухом лесу, одна, без всякой защиты, окруженная опасностями, робкая и скорбящая. Долго она звала мужа, терзаясь страхом и печалью, и потом пошла искать его по лесу.

— Где ты, супруг мой, большеокий, прекрасный мой владыка? Почему не отзываешься, не идешь спасать меня от ракшасов и змей, от вепрей и тигров? Я одна блуждаю в ужасной чащобе, как лань, потерявшая стадо. Я добыча для всех; почему ты не являешься защитить меня? Кого же мне спросить о тебе? Кто укажет, где ты? Без страха спрашиваю я о тебе всех — тигров и слонов, горы и потоки, цветы и деревья. Если ты здесь, отважный, великославный, — пощади меня, явись мне в утешение.

Но ниоткуда не донесся голос Наля, нигде не было видно даже его следов.

После долгого пути встретила эта лучшая среди женщин большой караван и пошла с ним. Увидев ее в растерзанной одежде, с растрепанными волосами и блуждающим взглядом, все поразились безмерно, но не прогнали Дамаянти от себя. Деля с ней пищу и питье, люди участливо расспрашивали ее обо всех злоключениях.

Вскоре караван заночевал на берегу лесного озера. И ночью подошло туда к водопою стадо диких слонов. Увидев домашних слонов, несущих грузы, дикие слоны, охваченные

яростью, растоптали весь караван. Те люди, которые спаслись, решили, что это несчастная Дамаянти навлекла на них такую беду, и вознамерились побить ее камнями. Скрывшись в лесу, она убежала от них, объятая ужасом и горем, боясь даже оглянуться назад. И снова начались ее одинокие скитания в поисках Наля.

Однажды Дамаянти пришла к какому-то городу. Когда она брела мимо дворца, ее, истерзанную долгими страданиями, увидела царица и ощутила в сердце своем глубокую жалость. Она взяла в свой дворец эту безупречную женщину, красота которой не померкла ни от перенесенных лишений, ни от грязи, покрывавшей ее с ног до головы. Дамаянти поведала царице обо всех своих муках.

— Живи у нас, ясноликая, будь подругой моей дочери, — сказала ей царица. — Мы все поможем тебе разыскать супруга.

— Я останусь с вами, — сказала Дамаянти, — но в знак моей скорби лица умывать не буду, волос прибирать не стану и не надену дорогих уборов, пока не встречу мужа.

А отец Дамаянти много лет искал свою дочь, ушедшую за мужем в изгнание. По всем дорогам его царства и по всем чужим дорогам днем и ночью скакали его посланцы, спрашивая всех о Нале и Дамаянти. Но не приносили эти поиски никаких плодов.

Однажды один из его придворных прибыл во дворец, где приютилась Дамаянти. Случайно увидав ее, прикрытую лишь половиной покрывала, в пыли и неприбранную, он подумал: «Без сомнения, это она. Но от горя она стала подобна реке без воды, луне, скрытой тучами». И, подойдя, он сказал:

— О достойная, я прибыл по велению твоего отца. Благоволи вернуться в его дом. И он и дети твои снедаемы печалью. Пожалей их.

Охваченная любовью к детям, Дамаянти в тот же день направилась в свою родную страну.

Ее отец в радости наградил своего посланца, подарив ему тысячу коров и множество разных богатств.

А Дамаянти тотчас разослала по всему миру гонцов, приказав им повторять в деревнях и на дорогах, на базарах и во дворцах только такие слова:

Бросив ее, погруженную в сон,
Тот удалился, кто все проиграл.
Где же теперь он блуждает один,
Часть покрывала с собой унеся?

Та, что покинута, любит и ждет,
Будь милосерден, скорее вернись.
Ведь по закону супругу свою,
Нежную, должен супруг охранять.

— Если кто-нибудь откликнется на этот зов, разузнайте о нем все и возвращайтесь скорее сообщить это мне, — сказала Дамаянти своим посланцам и стала ждать от них вестей.

А Наль, покинув Дамаянти в лесу, тоже блуждал, терзаемый тоскою, и не знал, в чем его спасенье. Внезапно он увидел в лесу пылающее пламя и услышал голос, доносившийся из огня:

— Спаси меня, будь милосерд, герой. В силу проклятья сгораю я здесь уже давно. Я царь змей и буду тебе верным другом. Спаси меня.

Наль сразу же бросился в пламя и вынес оттуда повелителя змей. Тот немедленно ужалил царя, и весь облик Наля изменился.

— Что ты сделал? — воскликнул он в ужасе. — Ведь я тебя спас!

— Не ужасайся, властитель, тебе это принесет великую пользу. Яд мой в твоем теле будет мучить демона, который тобой владеет. А ты будешь жить неузнанным, изучишь игру в кости и вернешь свое царство, супругу и все, чем об-

ладал. А когда захочешь вернуть себе прежний облик, накинь эту одежду, которую я тебе дарю.

Сказав так и оставив Налю волшебное покрывало, царь змеей исчез.

Наль побрел по лесу, с печалью думая о том, что ему предстоит еще долгие годы разлуки с любимой.

Многие дни провел он в блужданиях по дикой чаще и наконец пришел в большой прекрасный город Айбдхью, столицу царства Кошалы. Узнав, что царю нужен опытный вожак колесниц, он нанялся на это место и стал жить в царских конюшнях. Он скрыл свое имя и сказал, что его зовут Вахука. Так, обретя чужой облик и чужое имя, стал он как бы другим человеком. Когда в этот город пришли посланцы Дамаянти и стали повсюду распевать строфы, которые она сложила, Наль услышал эти слова, исполненные любви и прощения. Зарыдав, он стал расспрашивать гонцов о той, которая их послала, но не открылся им.

Вернувшись, они поведали Дамаянти, что в стране Кошале царский колесничий, по имени Вахука, некрасивый и короткорукий, в слезах расспрашивал о ней и сказал при этом: «Пусть же не гневается эта добродетельная царица на своего несчастного мужа, снедаемого горем».

«Это Наль, — решила в своем сердце Дамаянти. — Только он мог сказать такие слова. Не знаю, отчего он стал таким, как говорят эти люди, но это он. Как бы его привлечь сюда? Ведь сам он не явится ко мне после всего, что свершилось».

И вот эта лучшая из женщин снова направила гонцов в тот далекий город, где жил Наль.

— Скажите дни и ночи без отдыха, — попросила она их. — И когда увидите владыку этой страны, сообщите ему, что Дамаянти хочет вступить во второй брак. Но обязательно скажите, что выбор жениха будет происходить на следующее утро. Если этот властитель захочет взять меня в супруги, пусть за одну ночь домчится сюда.

Получив эту весть, царь Кошалы обратился к своему новому колесничему:

— Послушай, Вахука, сможешь ли ты домчать меня за одну ночь в столицу видарбхов, в царство Бхíмы, отца прекрасной Дамаянти, куда надо скакать много дней и ночей? Я хочу поспеть на выбор женихов.

«О, как жестоко карают боги меня, несчастного! — подумал Наль. — Дамаянти ищет нового супруга. Но можно ли верить этой страшной вести? Надо узнать все самому».

— Хорошо, владыка, я согласен, — сказал он. — Не медля, взойди на колесницу.

Отобрав четырех коней, Наль погнал их, применив все свое искусство. Первый раз кони ударили копытами о землю возле дворца, а второй раз — уже пролетев много деревень. Когда колесница проносилась мимо одинокого дерева, покрытого плодами, царь сказал:

— Я успел сосчитать, сколько на этом дереве листьев и сколько плодов.

Наль не мог поверить такому чуду. Остановив колесницу, он пересчитал все плоды и листья и был поражен, убедившись, что царь не ошибся.

— Отчего же ты удивляешься? — спросил царь. — Ведь я лучший на земле игрок в кости. Я должен владеть наукой счета. Научи меня искусству править конями, и я научу тебя искусству игры в кости.

И вот тут же, на дороге, они обменялись знаниями. Как только знание игры в кости вошло в Наля, демон Кали мгновенно покинул его душу и перестал его терзать.

Наль с царем, взойдя на сверкающую колесницу, за одну ночь достигли дворца Дамаянти.

Услышав грохот колесницы, подобный грому в весенних небесах, подобный звону тысяч колоколов, Дамаянти не могла унять волнения сердца. «Это он, — думала она. — Во всем мире он один может так вести колесницу. Только

у него кони летят как птицы». Она выбежала на плоскую крышу дворца, чтобы взглянуть на прибывших, но вместо долгожданного Наля увидела уродливого Вахуку с короткими руками. «Отчего же так замирает моя душа, когда я смотрю на него, безобразного видом?» — думала Дамаянти и не могла наглядеться на этого уродца.

Вспомнив о знаках высших достоинств, которыми обладал Наль, послала она к Вахуке свою служанку, сказав ей:

— Следи за ним, подмечай все и приди Расскажи мне.

Служанка прибежала обратно, пораженная всем увиденным.

— О госпожа! — закричала она. — Этот возникший являл на каждом шагу чудеса, пока я за ним наблюдала. Огонь из травы разгорался по одному его прикосновению, сосуды сами наполнялись водой, увядшие цветы вновь расцветали в его руках.

Тогда послала Дамаянти к Вахуке сына и дочь. Увидав своих дорогих детей, колесничий разрыдался и стал обнимать и ласкать их.

Дамаянти, не медля, призвала его в тронный зал и спросила, не видал ли он Наля, покинувшего безвинную жену свою в страшном лесу.

— Не я тебя покинул! — воскликнул колесничий. — Демон меня увлек, терзая. Но теперь я его изгнал из своей души и могу вновь тебя обнять, любимая.

С этими словами он накинул на плечи покрывало царя змей и обрел свой прежний облик, засияв красотой, как солнце на восходе.

Вернувшись в свой город, Наль явился к тому, кто выиграл его царство, и сказал:

— Вот я вновь перед тобою. Пришла пора опять сыграть в кости. По закону воинов, надо давать отыгаться. Прими мой вызов на игру.

И с первого раза он вернул все, что утратил по велению злобного демона. Вновь воцарившись в стране нишáдов, Наль и Дамаянти долгое время правили ею счастливо...

— Поэтому ты, о Юдхистхира, обладающий знанием закона и мудростью, не должен так сокрушаться, — закончив свой рассказ, сказал мудрец. — Ты тоже вернешь свое царство, и счастье снова будет сопутствовать вам. А чтобы ты не мог ничего больше проиграть в кости, я дарю тебе великое знание этой игры, которым я владею. Прими от меня этот дар и побеждай всех, с кем будешь играть в трех мирах — на земле, под землей и на небе.

С этими словами мудрый отшельник удалился, а Юдхистхира проводил его низким поклоном.

Рассказ о Ханумане

Много рассказов и преданий, подобных повести о Нале и Дамаянти, слышали Пандавы от старцев отшельников. Но мудрые слова этих преданий не могли заглушить в их сердцах тоску и тревогу, порожденную таким долгим отсутствием Арджуны. В конце концов они тоже направились в сторону Гималаев в надежде отыскать его.

Сотни дней провели они в странствиях по лесу, стремясь к вершинам Гималаев, которые скрыты от взоров смертных. Они совершали омовения во всех реках, охраняемых богами, и во всех источниках, возле которых жили лесные духи. Многих ракшасов встретили они по дороге и заставили их подчиниться себе. После долгого пути они достигли подножия гор и вступили в густой и непроходимый лес на их склонах.

Не успели они углубиться в эти дебри, как Драупади, подобная большеглазой и нежной газели, стала являть признаки усталости и вдруг упала, не будучи в силах идти дальше. Тогда Бхимасена, заметив, что и братья его обессилены, приказал побежденным ракшасам явиться без про-

медления и нести всех путников на руках. Послушные его слову, появились усмирённые ракшасы. Одни из них стали ломать деревья, расчищая путь, другие отгоняли диких зверей и убивали змей, а третьи бережно поднимали на руки Драупади и всех Пандавов и понесли их в горы легко и осторожно, словно сосуды с ароматными маслами.

Однажды, когда Пандавы предавались отдыху на берегу прозрачного озера, окруженного цветущими деревьями, порыв ветра принес к ногам Драупади лепесток золотого лотоса. Этот лепесток был так прекрасен и ароматен, что в сердце луноликой царицы родилось желание иметь много таких цветов.

Не успела она проговорить со вздохом:

— Ах, где же растут такие дивные лотосы? — как Бхимасена ринулся в чашу, чтобы отыскать их.

Раздвигая плечами заросли, он двигался по лесу, как молодой слон, стремящийся к реке. Ломая деревья и топча ногами кусты, он сотрясал землю и поднимал такой шум, что не только стада оленей и обезьян, но даже львы и тигры разбегались в разные стороны, боясь оглянуться. Веселясь душой, Бхимасена взял большую раковину, привязанную к его поясу, и стал дуть в нее. Трубные звуки раковины, отразившись от горных пещер, заполнили все пространство.

А в это время в лес за сладкими плодами пришел мудрейший из вождей обезьяньего племени — Хануман. Это была огромная обезьяна с сильными руками и с длинным хвостом. Услышав звук раковины, Хануман понял, что к нему приближается Бхимасена, и разлегся поперек тропы. Он лежал и бил землю хвостом с такой силой, что гром раздавался в горах. Когда эти удары достигли слуха Бхимасены, он устремился в ту сторону, откуда они доносились, чтобы узнать их причину. И вот он увидел Ханумана, хвост которого напоминал древко поднятого знамени, лицо сверкало, как медь, уши и глаза были красные, а зубы острые и белые. Угрожающе вскрикнув, Бхимасена направился

к обезьяне, требуя, чтобы она уступила дорогу. Но Хануман, взглянув на него из-под прикрытых век, проговорил:

— Ты зачем меня будишь? Я болен и лег поспать. Откуда ты здесь взялся и куда стремишься? Если ты хочешь пройти по этой тропе, то я не пущу тебя. Она не для людей, а для богов. Можешь остаться здесь, питаться плодами и вести жизнь отшельника. А меня больше не тревожь, если не хочешь отправиться в царство бога смерти.

— Вставай сейчас же, — возразил ему Бхимасена, — и дай мне пройти. А не то тебе самому придется вспомнить, где это царство.

— Я не могу встать, я болен и стар. Пожалуйста, обойди вокруг моего хвоста, если тебе очень нужно идти по этой дороге.

«Ну, — подумал Бхимасена, — сейчас я возьму тебя за хвост, раскручу над головой и разобью о дерево или скалу». С этой мыслью он схватил левой рукой хвост Ханумана, но увидел, что не может ни на палец даже приподнять его. Тогда он ухватил хвост обеими руками, но ни на волос не смог сдвинуть его. «О, это не простая обезьяна, — решил он. — Лучше я окажу ей почтение». Поклонившись Хануману, Бхимасена, одаренный чрезмерной силой, спросил:

— Кто же ты, величайшая из обезьян? Твоя сила во много раз превосходит мою. Я склоняюсь пред тобою, будь милостив.

И тогда Хануман назвал себя. Он открыл ему, что он сын Ветра и может летать как птица. И что может становиться маленьким, как мышь, и огромным, как гора.

Тогда Бхимасена стал умолять эту волшебную обезьяну показать ему чудесное умение изменять свой вид и форму.

И Хануман стал расти на глазах. Сначала он стал как дерево, потом как горы, а затем достиг голову туч.

— О, подожди, подожди! — закричал Пандава, закинув голову. — Я уже не вижу твоего сияющего лица. Стань опять таким, как был.

И сразу же Хануман принял свой прежний вид: Видя, что этот могучий воин потрясен безмерно, Хануман обнял его и сказал:

— Я знаю все про тебя и твоих братьев. Вы пострадали безвинно, и я не оставляю вас. Я ждал тебя здесь, чтобы предложить свою помощь. Когда начнется бой с Кауравами, я проникну в их армию и буду пугать воинов громоподобным ревом. Это поможет вам победить. Теперь иди своей дорогой. Она ведет в царство бога Куберы, хранителя земных сокровищ. Там ты найдешь лотосы для блистательной Драупади. Прощай.

И полубог-полуобезьяна исчез из глаз Бхимасены. А этот тигр среди мужей бесстрашно двинулся дальше в поисках цветов. И вот вдаль он увидел реку, подобную голубому ожерелью на груди горы, и озеро, в которое вливались ее воды. Это озеро было покрыто золотыми лотосами, и ветер разносил повсюду их неземной аромат. Но когда Бхимасена приблизился к озеру, его окружили ракшасы, которые стерегли эти лотосы.

— Кто ты, явившийся сюда в одежде отшельника, но с оружием? И что тебе надо? — спросили они.

— Мне нужны эти лотосы для несравненной Драупади, — ответил Бхимасена.

— Ты должен попросить их у нас. Ты должен умолять нас, чтобы мы тебе дали хоть один цветок!

— Прочь отсюда! — воскликнул этот неодолимый герой. — Воины не просят, а берут.

С этими словами он нырнул в озеро и вдруг ощутил, что к нему возвращаются силы, утраченные за время пути. Он стал радостно срывать золотые лотосы, свежие и упругие, с нежными тычинками. Ракшасы, придя в ярость, принялись метать в него камни, и стрелы, и копья, и булавы, пытаясь утопить его. Тогда Бхимасена, выйдя на берег, начал избивать их сотнями, а оставшихся разогнал и снова стал плавать в волшебной воде озера.

Гром сражения со злобными ракшасами достиг слуха остальных Пандавов, и они устремились в ту же сторону по широкой дороге, которую Бхимасена оставил, ломая лес. Дойдя до озера, они все совершили омовение в нем и ощутили, что жизненные силы их удесятерились. Драупади украсила себя золотыми лотосами и была подобна небу в сверкающих звездах или реке, в которой отражается солнце.

У этого озера они стали ожидать Арджуну, потому что посланец тысячеокого Индры известил их, что этот герой, неистовый в битве, скоро вернется из небесной обители.

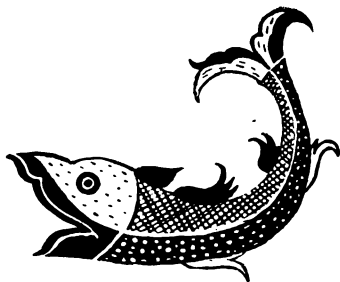
И вот раздался звенящий рокот, который разнесся далеко по горам, и на сияющей колеснице Индры с неба спустился Арджуна. Увидев Драупади в уборе из лотосов, он сказал ей:

— Ты, о прекраснейшая из женщин, не будешь больше украшать себя лесными цветами. Вот возьми, бог неба Индра прислал тебе украшения из лучших камней, которые он отколол от радуги ударами молний.

И с этими словами он подал Драупади ожерелья и серьги, кольца и запястья, браслеты для рук и ног, усыпанные камнями, которые излучали все цвета неба.

Вновь сойдясь все вместе, Пандавы направились в свое прежнее убежище в лесу. Оружие богов, которое добыл Арджуна, этот несравненный герой, вселяло радость в их сердца и заставляло без страха думать о грядущей битве.

Рассказ о потопе

Возвратившись в свое лесное убежище, Пандавы предались отдыху. И вновь к их хижине стали приходить мудрецы отшельники и вести с ними долгие беседы обо всем, что было на земле раньше и что принесут грядущие годы.

Однажды Бхимасена, стремившийся познать все причины вещей, попросил одного из них:

— О мудрейший среди мудрых, много раз я слышал, как люди с почтением произносят имя великого М́ану. Я хочу, чтобы ты рассказал мне и моим братьям, этим вершителям подвигов, о его несравненных делах. Почему, скажи нам, все в этом мире до сих пор помнят его? Поведай нам все, что знаешь о нем.

И вот, когда все Пандавы, отложив оружие в сторону, расселись вокруг старца на шкурах черных оленей, брахман начал свою повесть:

— Когда-то, в очень давние времена, жил на этой земле величайший из людей, по имени М́ану. Всю свою жизнь он стремился к тому, чтобы дела его принесли благие плоды для человеческого рода. Желая добиться милости всемогущих богов и попросить у них какой-нибудь бесценный дар для жителей земли, он отказался ото всех радостей земной

жизни. Десять тысяч лет он простоял на берегу реки на одной ноге с поднятыми к небу руками, не принимая еды и питья. Единственной его мольбой было: «О боги, дайте совершить подвиг, который нужен людям».

И вот к берегу подплыла маленькая рыбка, блестящая, как молодой месяц, и обратилась к Ману:

— Спаси меня, лучший среди смертных. За мной охотится много больших рыб, и я не вижу путей к избавлению от них. Пожалей меня, слабосильную, молю. Я отблагодарю тебя в трудный час.

Ману, с сердцем, исполненным жалости, сразу же извлек эту рыбку из реки и пустил ее в глиняный сосуд с водой. Он кормил ее и заботился о ней, как о ребенке. По прошествии времени рыба выросла и сосуд стал ей тесен.

— О великий, — обратилась она к Ману, — мне здесь тесно и плохо. Найди для меня лучшее жилище.

Тогда Ману извлек ее, отливающую золотым блеском, и перенес в пруд. Но вскоре и пруд стал тесен для этой необыкновенной рыбы, и она попросила Ману перенести ее в воды Ганги. Но и в этой несравненной реке она скоро перестала помещаться и снова воззвала к Ману:

— О ты, не имеющий грехов и свободный от всяких желаний, я не могу больше жить в этой реке. Перенеси меня в океан.

Когда Ману выполнил ее просьбу, она сказала ему:

— Теперь слушай со вниманием мои слова. Ты был терпелив и добр ко мне, и за это я открою тебе тайну будущего. Скоро весь этот мир постигнет ужасное бедствие. Вся вода небес обрушится на горы и долины, переполнит реки, океаны и погребет под собой все живое. Поэтому ты должен заранее построить огромный и прочный корабль и взять на него семена всех растений, всех животных, всех зверей — от слона до букашки, от тигра до мыши, взять по паре, чтобы могла вновь возродиться жизнь на земле. И, когда вода начнет низвергаться на землю, взойди сам на этот корабль и

жди меня. Я приплыву к тебе в назначенный час, приняв образ большой рогатой рыбы. Так ты меня узнаешь.

Проговорив это, рыба скрылась в волнах. А Ману сделал все, как она ему велела. И, когда небо смешалось с землей и в ревущей воде стало гибнуть все живое, он взошел на свой корабль. Тотчас к нему подплыла рыба с рогами на голове. Ману набросил веревку на ее рога, и она повлекла за собой корабль со всеми, кто был на нем, по кипящей пучине.

Много лет она плыла все вперед и вперед, и нигде не было видно ни одного островка земли. Наконец вдали показалась из-под воды вершина горы. Это была высочайшая вершина Гималаев. Ману привязал свой корабль к скале и отпустил рыбу.

— Сойдите все на землю, — сказала рыба, — и положите начало новой жизни. А меня больше не увидите, прощайте.

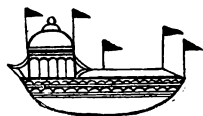
И бездонная пучина поглотила эту чудесную рыбу.

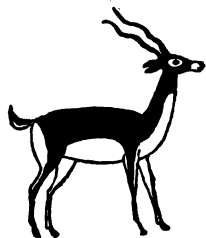
Когда вода спала, от живых существ и от семян, которые сохранил Ману, вновь расцвела жизнь на всей земле...

— Ты нам повествуешь о необыкновенных вещах, которые наполняют душу глубоким знанием, — промолвил Юдхистхира, выслушав этот поразительный рассказ. — Расскажи нам еще что-нибудь в назидание.

— Хорошо, я вам поведаю историю одного царя, который правил землей, не нарушая закона, до тех пор пока не заблудился во время охоты.

— О том, что с ним произошло на охоте и что было после этого, расскажи, почтенный, — попросил Юдхистхира.

Рассказ о царевне-лягушке

Этот царь был молод и очень любил охоту, он мог один блуждать по лесам и горам в погоне за дикими животными. Однажды он углубился далеко в лесные дебри и заблудился. Усталый, он прилег на берегу небольшого озера, в тени деревьев. Когда сон уже почти завладел им, до него донеслось нежное, мелодичное пение. «Как это удивительно! — подумал царь. — Я нигде не видел здесь даже следов человека, кто же это может петь?» Отогнав сон, он встал и пошел вдоль берега на этот голос. Вскоре навстречу ему из зарослей тростника вышла девушка, одаренная безупречной красотой. Залюбовавшись сиянием ее глаз, царь не мог двинуться с места.

— Будь моей женой, прекрасноликая, — воскликнул он. — Если ты не согласна, я умру от горя.

— Я согласна, о сокрушитель врагов, — ответила эта дивная девушка. — Но ты должен дать мне одно обещание.

— Какое? Говори скорее и считай, что я уже дал его тебе, — молвил царь.

— Ты должен обещать мне, что никогда больше я не увижу воды — ни реки, ни озера, ни пруда, ни колодца.

— Ты немногого от меня потребовала. Я сделаю все для того, чтобы было исполнено твое желание.

И вот этот царь привез свою жену в город и зажил с ней

счастливо. Она радовала его своей красотой, которая расцветала день ото дня, подобно волшебному цветку. Любуясь ею, этот правитель совсем забыл про дела царства. Он не хотел видеть ни своих советников, ни военачальников, ни просителей. Постепенно дела в государстве стали приходить в упадок.

Придворные ломали головы, изыскивая способ отвлечь царя от жены, но все их попытки не приносили успеха. Тогда старший среди советников спросил служанок этой царицы о просьбах, с которыми она обращается к царю. И служанки ему рассказали, что она просит только об одном — не показывать ей водоемов. «Как это странно! — подумал советник. — Нет ли в этом опасности для нее? Может быть, именно таким путем можно от нее избавиться».

И он тут же повелел тайно выкопать пруд в лесу и скрыть его воду под сеткой цветущих растений. Его приказ был выполнен без промедления.

И вот, когда царь со своей женой гуляли в лесу, они незаметно пришли на берег этого пруда и сели отдохнуть в прохладе.

— Как бы хорошо сейчас окунуться в холодную воду, — проговорил царь со вздохом, жалея, что нигде вокруг не осталось водоемов.

— Вот вода перед тобою, — сказала ему царица. — Разве ты не слышишь ее божественного аромата?

И с этими словами она отодвинула растения, покрывавшие пруд, и, прыгнув в воду, погрузилась на дно.

Царь в ужасе и отчаянии стал звать ее. Он плавал и нырял, ища ее в воде, но нигде не мог обнаружить. Тогда он повелел спустить воду. На дне пруда царь увидел только лягушку, которая тотчас усакала прочь.

Решив, что это она повинна в гибели царицы, царь повелел перебить всех лягушек в своем государстве. И вот однажды к нему во дворец пришел вождь лягушек и стал умолять его прекратить избиение безвинных тварей.

— Никто из нас не причинил зла твоей супруге, о владыка, — обратился он к властителю страны. — Она сама была лягушкой, принявшей вид девушки. Это моя дочь, и я все про нее расскажу тебе. Она хотела стать твоей женой и жить с тобою счастливо, а поэтому боялась подходить к воде, чтобы вновь не превратиться в лягушку. Если хочешь, я верну ее тебе, но повели больше не истреблять мой народ.

Обрадованный царь согласился, и прекрасная его жена снова озарила дворец сиянием своей красоты. Но одна красота не может принести добрые плоды. Дети, которые рождались у нее, обладали холодными и неблагодарными сердцами. Они не уважали мудрых и смеялись над старыми. Они были дерзкими и заносчивыми.

Поэтому людей, подобных им, везде называют детьми лягушек...

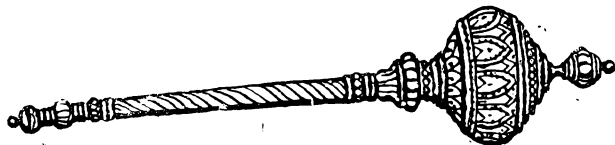
Закончив свой рассказ, мудрый старец покинул обитель Пандавов и снова ушел в чащу леса.

А пять братьев и Драупади, сидя под развесистым деревом, до глубокой ночи вспоминали повести, которые они слышали от этого мудреца. И Юдхиштхира проговорил:

— Поистине кокосовые орехи не вырастут на лиане, а стручки перца не появятся на пальме.

Из семени риса лишь рис вырастает,
Из лотоса — лотос, жасмин — из жасмина,
Осленка ж на свет производит ослица,
И злого змееныша кобра выводит.

Рассказ о приходе Кауравов

Многие странники, которые бродили по дорогам всех царств, приходили и в столицу Кауравов, Хастинапур. Через них до слепого царя Дхритараштры доходили слухи о жизни Пандавов в лесу.

— Увы, увy! — со вздохом обращался старый царь к своим советникам. — Есть и моя вина в том, что жизнь этих славных героев неудержимо увлекаема рекой страданий. Я как бы вижу их перед собой... Вот Юдхиштира, всегда преданный правде, устало спит на голой земле. Бхимасена сжимает руки в бессильной ярости и повторяет про себя свою страшную клятву. Арджуна не может уснуть от негодования, которое сжигает его сердце. А Накула и Сахадева отсчитывают не только дни, но даже минуты до конца своего изгнания. Я вижу, что нам всем не избежать их мести. Кто же может сопротивляться им? Все мои сыновья погибли из-за злых и глупых поступков Дурьодханы. О горе нам, горе!

Шакуни, в чьей душе злоба сплеталась с коварством, услышал эти слова и пришел к Дурьодхане.

— О царь царей, о величайший из владык земли, нет предела твоим богатствам и силе. Ты достиг всего, к чему стремился. Ты среди нас похож на месяц среди звезд. Недавно еще ты смотрел с печалью на богатства Пандавов, неужели теперь тебе не хочется с весельем в душе посмотреть на их убожество?

— О да, да, конечно, — ответил Дурьодхана. — Но как это сделать?

— Ты должен отправиться к ним в лес и ослепить их блеском своей славы, — подхватил Карна. — Появись перед ними со свитой воинов, в сверкающих доспехах — пусть задохнутся от зависти. И твоя жена, эта блистательная царица, пусть наденет самые лучшие наряды и украшения и покажется этой нищей Драупади. Пусть!

— Я сам к этому стремлюсь! — воскликнул Дурьодхана. — Но отец не даст своего согласия на мою встречу с Пандавами. Страх перед ними сжимает его сердце.

— Я знаю, что надо сказать великому царю, твоему отцу, — продолжал Карна. — Ведь там в лесу и возле него на пастбищах пасутся стада, принадлежащие царскому роду. Ты, о повелитель трех миров, должен выразить желание проверить свои богатства. И, сказав так твоему отцу, мы все поедем в этот лес.

Радостно засмеявшись, Дурьодхана направился к царю Дхритараштре, и тот разрешил им ехать посмотреть стада.

— Только не приближайтесь к Пандавам — они вас всех лишат жизни без промедления, — добавил он.

Проверив стада, одарив пастухов и полюбовавшись танцами пастушек, низкодушный Дурьодхана со своими злоумными друзьями поскакал в глубину леса в сопровождении многочисленного войска разыскивать Пандавов.

Но внезапно на их пути встало войско волшебных воителей-гандхарвов. Под предводительством своего вождя, божественного Читрасэны, гандхарвы спустились на землю, чтобы предаться охоте, играм и музыке в лесу, где жгли Пандавы. Увидев их и досадуя на задержку, Дурьодхана послал своих воинов отогнать этих молодых и прекрасных жителей небес.

Когда воины Дурьодханы приблизились к гандхарвам и приказали им уйти с дороги, небесные воители рассмеялись им в лицо. А их вождь Читрасена сказал:

— Ваш царь лишен разума. Кому он хочет приказывать — войску небес? Разве мы его слуги? Вернитесь к нему и скажите, что всех вас ждет бог смерти, если вы сейчас же не покинете этот лес.

Неумный и чванливый Дурьодхана, вместе с горячим и порывистым Карной, во главе своей армии бросился на гандхарвов. И все его воины были сразу же убиты или разогнаны, а он со всеми своими близкими был закован в цепи и приведен к Читрасене. Один только сын Солнца, Карна, чей панцирь ограждал его от стрел гандхарвов, продолжал отважно биться, пока его не удержал сам Дурьодхана.

Побежденные и израненные воины Дурьодханы бежали к хижине Пандавов, оглашая лес жалобными криками. Узнав причину их беды, Бхимасена воскликнул:

— Их постигла справедливая кара. Они явились сюда показать свое великолепие нам, которые лишены царства и всего достоинства. У них были низкие намерения, пусть же страдают по заслугам.

Но Юдхиштира, носитель справедливости и милосердия, остановил его, сказав:

— Твоя грубая речь, о мой могучий брат, унижительна для тебя и для всех нас. Гандхарвы нанесли нам всем оскорбление, заковав в цепи членов нашего рода. Поэтому нам не следует радоваться этому, а следует немедленно пойти и потребовать, чтобы эти небесные воители освободили всех своих пленников. К тому же наши братья пришли к нам как гости, и не годится вникать в их тайные намерения. Я прошу тебя, Арджуна, и тебя, Бхимасена, и вас, младшие братья, добейтесь освобождения Дурьодханы и всех, кто с ним. Если гандхарвы не согласятся с вами, вступите с ними в бой. Идите.

И немедленно эти непобедимые герои направились к месту битвы.

Бой с гандхарвами разгорелся, как пламя в сухой чаще.

Тучи стрел покрыли небо. Арджуна, умевший владеть луком лучше всех на земле, посылал стрелы с такой быстротой, что из них образовалась как бы сеть, которая висела в воздухе. Бхимасена и младшие Пандавы бились булавами и мечами и оттеснили войско гандхарвов за пределы леса. Тогда появился их юный вождь Читрасена и замахнулся на Арджуну палицей, но Арджуна, этот лев среди воинов, раздробил палицу своими стрелами на части.

Видя, что им не одолеть этих героев, блистающих мужеством и силой, гандхарвы взвились в небеса. А Читрасена, сказав Пандавам: «Я ваш друг», повелел освободить всех пленников и отвести их к Юдхиштхире. Увидев перед собой своих опозоренных врагов, этот царь, преданный правде и добру, проговорил, обращаясь к Дурьодхане:

— Никогда больше не совершай таких необдуманных деяний. А теперь можешь возвратиться в свою столицу.

И Дурьодхана, униженный и посрамленный, покинул лес, уводя за собой свое разбитое войско. «Лучше бы мне было погибнуть в этой битве от стрел волшебных воителей, чем сохранить жизнь, которую мне подарили страдающие от меня братья», — думал он, кусая губы.

— О царь, — обратился к нему его друг Карна, видя такое горе. — Не отдавайся во власть мрачных мыслей. Тебе не о чем грустить. Ведь Пандавы только исполнили свой долг, защищая тебя. Они живут в твоей стране, они твои подданные и зависят от твоего милосердия, поэтому они должны везде и всегда выступать в твою защиту. Пусть твое сердце будет спокойно, а я, чтобы подарить тебе радость, возьму с собою сильное войско и завоюю для тебя много новых стран.

Вскоре Карна, горячий в битве, исполнил свое обещание и покорил многих царей земли, заставив их склонить головы перед престолом Дурьодханы. После этого Дурьодхана стал готовиться к принесению Великой Жертвы, для того чтобы снискать себе имя царя царей.

Но не мог он и дня прожить без мысли о том, как бы оскорбить Пандавов. И вот, когда в его столицу стали стекаться правители всех стран, осыпая его дарами и окружая почестями, и когда все улицы города заполнили музыканты, танцовщицы, торговцы и толпы гостей из других городов, он послал вестника к своим двоюродным братьям, чтобы позвать их на день принесения Великой Жертвы.

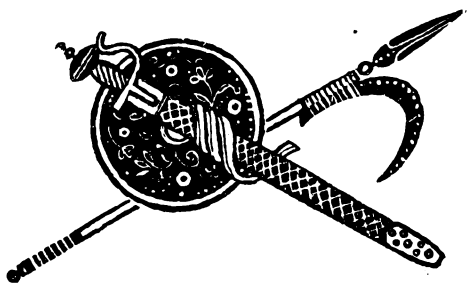
«Когда Юдхиштхира приносил эту жертву, я был в его столице среди блистательных царей, — думал Дурьодхана злорадно. — Пусть же теперь он придет в мою столицу и будет стоять в толпе нищих, когда меня все будут прославлять и одаривать».

Но царь справедливости, с лаской приняв вестника Дурьодханы, повелел передать, что не может нарушить слова чести и покинуть лес до прошествия двенадцати лет изгнания.

А Бхимасена, охваченный негодованием, сказал посланцу:

— А я приду в тот день, когда этот злодушный царь будет сожжен дотла гневом справедливости.

Так Дурьодхана, стремившийся унижить других, был снова унижен сам.

Рассказ о похищении Драупади

Однажды все Пандавы отправились на охоту в разные стороны леса и ушли очень далеко от своей хижины, оставив Драупади одну. А в это время через лес проезжал царь Джаядратха, сильный, жадный и жестокий правитель чужой далекой страны. Он прибыл сюда на тяжелой колеснице, которую влекли могучие кони. Его сопровождали многие друзья на слонах и колесницах, вооруженные луками и мечами и одетые в воинские доспехи.

С шумом и грохотом мчались они через лес, распугивая птиц и оленей. Услышав этот гром, Драупади вышла, чтобы взглянуть, кто же посетил их тихое убежище. И вот Джаядратха увидел эту несравненную красавицу, которая стояла на пороге бедной хижины, убранная сверкающими украшениями бога Индры. Сияние ее красоты озаряло деревья,

кусты и землю, подобно тому как блеск молнии озаряет облака.

Пораженный Джаядратха сразу сдержал стремительный бег коней и не мог отвести широко раскрытых глаз от прекрасного лица царицы. Наконец он проговорил, обращаясь к одному из своих друзей:

— Подойди, не медля, к этой светлой жемчужине и спроси ее, кто она. Откуда в этой дикой чаще могло взяться такое украшение земли? Может быть, она дочь богов или небесная дева? Может быть, здесь обитают гандхарвы, которые ее охраняют? Подойди к ней и все разузнай подробно. Я не уеду отсюда без нее.

Воин соскочил со своей колесницы и направился к Драупади.

— О кто ты, безупречная? — обратился он к ней. — Ты подобна пламени, блеск которого всегда виден издалека. Может быть, ты жена какого-нибудь бога, который, приняв образ человека, странствует в этом лесу? Ты не спрашиваешь нас, кто мы, и не являешь признаков страха. Скажи, кто охраняет тебя? Чья ты дочь и есть ли у тебя муж? И где он?

— Я не должна говорить с посторонним мужчиной, кто бы он ни был, — ответила Драупади. — Но я здесь одна, и поэтому никто больше не сможет ответить на твои вопросы. Я жена величайшего из царей земли, знатока закона и хранителя правды — непобедимого Юдхиштхиры. Я живу здесь с ним и его братьями. Но сейчас они все отправились на охоту и поэтому не могут приветствовать вас как своих гостей. Мой великодушный супруг ушел в сторону солнечного восхода; Бхимасена, неодолимый в бою, ушел далеко на юг; Арджуна, друг побед, — на запад, а оба младших брата направились к северу.

Услышав речь этой достойнейшей женщины, Джаядратха сказал:

— Мое сердце покорено этой красавицей навек. Все жен-

щины земли по сравнению с ней подобны стаду обезьян. Я хочу увезти ее с собой.

И, сойдя с колесницы, он вошел в хижину Пандавов, как волк входит в логово отсутствующего тигра. А чистая сердцем Драупади предложила ему воды для омовения ног и взяла свой волшебный сосуд — подарок Солнца, — чтобы накормить всех, кто был с Джаядратхой. Но этот царь, исполненный злых умыслов, сказал ей:

— Не нужно нам предлагать еду, мы насытились созерцанием твоей красоты. Взойди на мою колесницу. Я увезу тебя в свое царство, и ты разделишь со мною трон. Такая несравненная женщина, подобная драгоценному камню, не должна связывать свою жизнь с нищим. Она должна следовать за мужем, пока он властен и богат. Я дам тебе все, чего ты заслуживаешь. Идем со мной.

Гнев охватил душу Драупади. Нахмутив брови, она строго ответила дерзкому:

— Что ты говоришь? Неужели стыд покинул тебя? Как ты не боишься оскорблять своими подлыми речами этих героев, каждый из которых подобен тысяче слонов! Неужели ты надеешься избежать их кары? Только глупые дети могут будить спящего льва. Только сумасшедшие могут нарочно наступать на хвост кобры. Беги отсюда, беги от собственной гибели.

— Не пугай меня, большеокая. Я тоже царь и тоже воин и владею всеми знаниями, которые предписаны царям. Я знаю, как вести войну и заключать мир, умею бросить войско в бой и остановить его, умею сеять раздоры и находить союзников. Не пугай меня. Лучше подари мне улыбку и войди на колесницу или в паланкин на спине этого могучего слона. Нам пора двигаться в обратный путь.

— Нет, я не пойду с тобой. Если ты не боишься могучих Пандавов, то вспомни, что и всемогущий Кришна вступится за меня. Он сражается, стоя в одной колеснице с Арджуной. От них никто не ушел живым.

— Мне не страшны враги, — со смехом сказал Джаядратха. — Не медли больше, моя божественная красавица. Идем.

С этими словами он схватил Драупади на руки, вскочил в свою колесницу и погнал коней. За ним помчалась вся его свита, и лес огласился топотом слонов и звоном оружия.

А Пандавы, закончив охоту и встретившись в лесу, обеспокоенно заметили, что птицы мечутся в небе и не садятся на свои гнезда.

— Это дурной знак, — сказал Юджиштхира. — Кто-то чужой появился в этих местах. Мое сердце беспокоит. Не случилось ли что-нибудь с Драупади? Поспешим домой.

Когда они достигли своей хижины и увидели, что она пуста, а повсюду вокруг видны следы слонов, людей и колесниц, им сразу стало ясно, что произошло. Через мгновение они уже мчались вдогонку, опережая ветер и держа наготове луки с натянутой тетивой.

Услышав шум погони и оглянувшись, Джаядратха увидел воочию этих укротителей врагов, этих воинов, неотвратимых в битве. Видя, что они стремятся за ним, сметая лес на своем пути, подобно горному потоку, он содрогнулся.

— Эти, там вдали, что бегут за нами, это Пандавы, пероятно? — спросил он у Драупади, запинаясь. А затем закричал: — Эй, вы все, готовьтесь к битве!

— Тебе следует не о битве думать, а спешить, сложив ладони, навстречу этим героям и молить их о пощаде, — сказала Драупади.

Но она не успела и договорить, как Пандавы, словно смерч, обрушились на войско Джаядратхи. Поражаемые стрелами этих лучших среди воинов земли, друзья злонамеренного царя стали падать на землю со слонов и колесниц, как птенцы из гнезд. Кони и слоны, никем не управляемые, носились по всему полю боя, давя и топча воинов. Когда погибли почти все, кто сопровождал его, Джаядратха, оставив Драупади, пустился в бегство.

Арджуна заметил это и сказал Бхимасене, который каждым ударом булавы убивал сразу по сто врагов:

— Остановись, брат. К чему избивать не причастных к делу, когда избег кары сам похититель? Ведь эти его друзья шли за ним, как шакалы идут за тигром.

И тогда Бхимасена обратился к Юдхиштхире, сказав ему:

— О брат, возвращайся в нашу хижину вместе с твоей супругой, которая утомлена. Пусть она успокоится и отдохнет, а я клянусь, что догоню и убью этого мерзкого оскорбителя. Потому что нет прощения тому, кто похищает чужую жену, даже если он молит о пощаде.

С этими словами он вместе с Арджуной бросился за Джаядратхой. Арджуна, не видя врага, который был далеко впереди, послал ему вслед волшебную стрелу и убил его коней. Бхимасена, как разъяренный буйвол, налетел на Джаядратху и уже занес булаву над его головой, как услышал голос Арджуны:

— Не убивай его, брат. Надо проучить его так, чтобы все запомнили, что нельзя совершать такие несправедливые поступки.

И тогда Бхимасена острием стрелы обрил голову Джаядратхи, оставив в разных местах пять пучков волос, и сказал ему:

— Если ты хочешь сохранить свою низкую жизнь, слушай внимательно. Ты должен ходить по всем странам и возглашать на площадях и базарах: «Я — раб Пандавов». Если я узнаю, что ты не следуешь моему велению, я убью тебя.

И они бросили этого своекорыстного царя в колесницу и привезли к своей хижине.

— Я — раб Пандавов, — покорно возгласил он, когда увидел Юдхиштхиру и Драупади.

— Отпусти его, Бхимасена, — сказал добросердный Юдхиштхира. — Я сегодня счастлив и не хочу видеть не-

счастливых и униженных. Пусть идет куда хочет. Он уже достаточно наказан.

— Да, отпусти его, — добавила Драупади. — Ведь до тех пор пока вновь не отрастут его волосы, он каждый день и каждый час будет вспоминать о том, что злые дела влекут на собою кару.

И Пандавы, сказав: «Иди, ты больше не раб», отпустили злодущного Джаядратху. Но он не понял урока, который ему дали благородные герои. Запомнив только то, что у него отняли похищенную им красавицу и что его опозорили, он вернулся в свою страну и стал ждать часа, чтобы отомстить Пандавам. Он знал про их распрю с Кауравами и решил в своем сердце, что станет на сторону Кауравов, если между этими двоюродными братьями когда-нибудь разгорится открытая битва.

Рассказ о Раме

Снова по прошествии времени Юдхиштхира стал предаваться недоумению, не понимая, за что они все должны терпеть такие лишения.

— Почему эта лотосокая Драупади, — спросил он у одного отшельника, — почему эта женщина, лишенная недостатков, подвергается изгнанию и влачит такую жалкую жизнь в лесу? Почему у всех нас, которые никогда не совершали дурных поступков, отнято то, чем мы владели по праву? Почему мы так несчастны, за что? И за что была оскорблена похищением эта лучшая из жен?

И старик, умудренный жизнью, ответил ему:

— Не спрашивай об этом. Значит, такова ваша судьба. Многие из величайших людей земли проводили свои дни

в изгнании. Ты уже слышал повесть о Нале, который проиграл свое царство. Мне же известна еще одна повесть о герое, пострадавшем безвинно, и о его жене, которая тоже подверглась похищению. И что же? На всей земле люди славят их имена и будут славить вечно.

При этих словах все Пандавы подсели поближе к отшельнику, и Юдхиштхира спросил:

— Кто же это, расскажи нам. Что с ними произошло? И какие враги ввергли их в бездну страданий?

— В давнее время на далеком острове Ланка жили три брата-ракшаса. Одного звали Раваном, другого — Кумбхакарной и третьего — Вибхишаном. Раван имел десять голов. Он был самым старшим и самым свирепым из всех братьев. Кумбхакарна отличался невероятной силой. Вибхишан же был совершенно не похож на весь род ракшасов — он был добр, правдив и никогда не творил беззаконий.

И все три брата захотели получить от богов дар исполнения своих желаний. Для этого они предались тяжким подвигам. Десятиголовый Раван тысячу лет простоял на одной ноге между пятью кострами, а затем срезал свои головы и принес их в жертву, бросив в огонь. Кумбхакарна много столетий простоял с опущенной головой, а Вибхишан питался одними сухими листьями.

Боги, довольные ими, вернули Равану его головы и обещали исполнить любые желания этих ракшасов, за исключением просьбы о бессмертии. И тогда Раван захотел, чтобы никто не мог убить его: ни боги, ни богини, ни небесные воители — гандхарвы, ни ракшасы, ни тигры, ни слоны, ни змеи, ни крокодилы. Про людей он даже не упомянул, потому что людоеды-ракшасы никогда не имели страха перед ними. Могучий Кумбхакарна пожелал себе долгого сна. Вибхишан же захотел, чтобы ему хватило силы даже в опасности не покинуть пути добродетели.

Как только их желания были исполнены, Раван сразу же ограбил бога сокровищ, Куберу, и отнял у него воздуш-

ную колесницу. Затем он стал летать на ней на вершины Гималаев и нападать на всех других богов, не давая им наслаждаться покоем. Среди людей он тоже сеял зло, и все на земле начали ненавидеть друг друга.

Все боги собрались и стали думать, как им теперь избавиться от этого врага, которого никто не может убить. И вспомнили, что Раван в своей просьбе не упомянул людей, а значит, только рукою человека могла быть отнята его жизнь. И тогда в них зародилось желание спуститься из заоблачных высот и воплотиться в жителей земли, чтобы победить этого необоримого ракшаса.

Бог Вишну всегда стоял на страже закона и справедливости. Когда люди начинали погружаться в зло и творить беззакония, он спускался на землю, принимая разные облики — то вепря, то льва, то черепахи, и истреблял тех, кто забыл о добродетели. И теперь, видя, что настала пора поддерживать в людях стремление к добру и уничтожить зло, он воплотился в маленького мальчика, по имени Ра́ма, сына царя Дашарáтхи.

Царь Дашаратха имел трех прекрасных жен. Рама был сыном старшей царицы. Он рос во дворце своего отца, радуя взоры людей несравненной красотой и силой. Уже в детстве он познал все науки и стал искусным воином, грозю для врагов. Он был наделен высокими мыслями и чувствами и был правдив в речах. По древним законам, он должен был стать наследником престола. Все подданные произносили его имя с любовью и ждали того счастливого часа, когда он станет правителем.

Достигнув юности, он победил царевичей всех стран на состязании женихов и взял себе в жены Ситу, красота которой озаряла каждый уголок земли, подобно свету тысячи солнц. Счастьем и радостью наполнилась жизнь Рамы и всех, кто окружал его.

Но вскоре река бедствий затопила всю страну, и люди надолго лишились этого светлого царевича.

Это горе навлекла на всех младшая жена царя, гордая красавица Кайкейи. Она узнала от своей горбатой и злой няньки, что великомудрый царь Дашаратха возымел желание еще до окончания своей праведной жизни передать престол Раме, этому непобедимому сыну.

Нянька Кайкейи была подобна шакалу. Она стала вселять страх в душу молодой царицы, говоря, что ее собственному сыну, юному царевичу Бхарате, будет грозить жизнь, полная тяжких мучений, если Рама воцарится в стране.

И вот Кайкейи обратилась к своему царственному супругу и стала молить его обещать ей, что он исполнит любое ее желание.

— Проси о чем хочешь, безупречная, — сказал Дашаратха. — Любимую жену царя не может ждать отказ.

И тогда Кайкейи, у которой от страха за сына помутился разум, проговорила, забыв о справедливости:

— О великодушный царь, пусть твой старший сын, твой наследник, будет изгнан из нашей страны, а младший из твоих сыновей, мой Бхарата, пусть будет возведен на престол.

Дашаратха, пораженный ужасными ее словами, словно огненными стрелами, от горя лишился дара речи.

Но когда Рама, одаренный благородством, узнал о том, что царь обещал исполнить любое желание Кайкейи, он сказал:

— Да не будет ложным слово моего отца. Я удаляюсь в изгнание. Пусть Бхарата счастливо правит страной.

И этот праведный царевич, надев одежду отшельника, покинул свою страну и свой народ. Преданная жена его Сита, сказав: «Ни в том, ни в этом мире я не разлучусь с тобою», последовала за ним. Не покинул Раму и средний его брат, молодой воин Лакшман, который безмерно любил Раму и всегда радостно стремился к подвигам.

И вот эти трое поселились далеко от своей цветущей страны в глухом лесу. Истребляя тысячи ракшасов, охра-

няли они отшельников. Обо всем этом узнал десятиголовый Раван. Взившись в воздух на своей колеснице, он устремился в далекий лес, чтобы погубить несравненных героев, которые убивали его кровожадных подданных.

Опустившись на землю недалеко от убежища Рамы, он повелел одному из ракшасов превратиться в дивного золоторогого оленя, усыпанного драгоценными камнями.

— Бегай вокруг их хижины, то появляясь, то исчезая, пока за тобой не погонятся оба брата. А тогда я сделаю то, что хочу, — сказал он ему.

Когда ракшас, покорный воле своего жестокого повелителя, заманил далеко в лес Раму и Лакшмана, коварный Раван увез Ситу на воздушной колеснице в свое царство.

Сита, охваченная ужасом, в слезах звала Раму. Ее горестный зов услышал коршун Джатау, обладавший могучими крыльями. В сильнейшем гневе он набросился на Равана и бил его крыльями и терзал клювом и когтями до тех пор, пока Раван не изрубил его мечом. Джатау упал на землю, и его, истекающего кровью, нашли Рама и Лакшман, устремившиеся на поиски Ситы. Уже схваченный богом смерти, он успел рассказать им, куда Раван умчал эту безупречную женщину, которая, рыдая, взывала к мужу.

Ярость охватила сердце Рамы, этого льва среди людей. Вместе со своим верным братом бросился он к далекой Ланке, сокрушая все на своем пути, подобно стаду диких слонов. С такой скоростью бежали они, что горы в одно мгновение оставались позади, а деревья, реки и озера мелькали мимо, как облака, гонимые бурей.

И в этом безудержном стремлении вперед они достигли царства Сугривы, повелителя лесного народа обезьян. Царь Сугрива сам пребывал в это время в изгнании. Его брат, жестокий и сильный, отнял у него царство и забрал себе его любимую жену.

Рама, этот первый среди героев, душа которого не выносила несправедливости, убил неправедного брата Сугривы и вернул золотую корону безвинно изгнанному царю.

Обуреваемый радостью Сугрива собрал неисчислимых своих подданных и повелел им обыскать всю землю и узнать, где Раван укрыл луноликую Ситу.

Советником Сугривы был Хануман, эта обезьяна, наделенная божественными свойствами. Он, способный менять свой облик и знающий тайны полета, поднявшись в воздух, перелетел через океан и достиг острова Ланки, плавающего среди бездонной пучины. Он один смог найти Ситу. Увидев ее в саду Равана, исполненную горькой печали, обессиленную, с распушенной косой, Хануман подкрался к ней и утешил ее сердце, проговорив:

— Не скорби, достохвальная царица. Я вестник пресветлого Рамы. С несметной армией он вскоре появится на Ланке и принесет тебе свободу.

Вернувшись к Раме, этот могучий советник Сугривы сказал, что видел Ситу. Он поведал Раме, что его бесподобная супруга ждет своего повелителя, жестоко страдая в окружении ракшасок, косматых, красноглазых, трехглазых, одноногих и разных других, безобразных и злобных.

Тогда Рама, разгневанный и безудержный, попросил Сугриву и Ханумана созвать войско из лесных племен. И когда собрались тысячи миллионов подданных Сугривы, а также тысячи тысяч могучих медведей и других жителей лесов, Рама двинул всю эту огромную армию к океану, в сторону Ланки.

Достигнув берега, омываемого кипучими валами, они все остановились, не зная, как же им переправиться через эту пучину. И Рама, блистающий мудростью, сказал:

— Я выжгу всю эту воду своими огненными стрелами, которые страшны всему живому и неживому на земле. Как только настанет утро, я сделаю это.

Проговорив эти слова, он лег на берегу, положив возле

себя свой лук, разящий без пощады, и предался отдыху. Не успел этот неустрашимый герой погрузиться в сон, как к нему явился сам Океан, украшенный сотнями бесценных камней. Почтительно сложив ладони, Океан промолвил:

— Скажи мне, о воин, преданный правде, что ты хочешь от меня?

— Я прошу тебя пропустить мое войско на Ланку, — ответил ему Рама.

Тогда Океан сказал:

— Хорошо, я помогу тебе. Пусть те, кто пришел сюда с тобою, бросают в мои бурные воды скалы, камни, камыш или деревья. Силою моих волн я буду удерживать все это на месте, и вскоре ты увидишь перед собою мост до самой Ланки.

Очнувшись с первыми лучами солнца, Рама, исполненный нетерпения, повелел войскам немедленно начать возводить этот чудесный мост. И вскоре вся его армия переправилась через океан на далекий остров, в царство Равана.

Город, где царили ракшасы, был окружен неприступной каменной стеной. А эту стену опоясывало семь глубоких рвов, где в темной воде кишели крокодилы и чудовищные рыбы. По верху стены все время ходили стражники, держа наготове для встречи неприятеля горячую смолу и ядовитых змей, мечи и копья, булавы и стрелы.

Но ничего не испугавшись, отважное войско Рамы напало на город Равана. В одном месте Лакшман вместе с царем медведей ввел в бой этих бурых и устрашающе ревущих воинов. В другом — Сугрива и Хануман посылали вперед своих подданных, которые без страха перепрыгивали рвы и мгновенно влезали на неприступную стену. В третьем — целые орды лесных жителей обрушивались на ракшасов и терзали их без пощады. Рама же, неотвратимый в битве, осыпал врагов тысячами огненных стрел, насыщая ими воздух, как струями проливного дождя.

Брат Равана, добродетельный Вибхишан, увидев, что

Рама борется за справедливость, перешел на его сторону и тоже сражался с воинами-ракшасами, не зная страха и усталости.

Когда Раван увидел, что убывает сила его войска, он стал будить беспробудно спавшего другого своего брата, Кумбхакарну. Проснувшись с трудом, этот огромный ракшас двинулся в бой. Как только он появился на поле битвы, на него налетел отважный Сугрива и расщепил о его голову ствол столетнего дерева. Но Кумбхакарна, даже не пошатнувшись, схватил Сугриву и потащил в город, чтобы сожрать его без помех.

Увидев это, Лакшман послал ему вслед стрелу, подобную молнии. Она пробила кровожадное сердце гигантского ракшаса. От падения этого людоеда раскололась земля и поглотила его, а Сугрива, вырвавшись из его мертвых рук, вернулся к своим воинам.

Узнав о гибели брата, Раван послал своего сына, вооруженного заклятыми стрелами. Этими стрелами он сразил Раму и Лакшмана, и они оба без сил упали на землю. И сразу у всех в глазах померк свет, как будто с неба упали солнце и месяц. Но мудрый Вибхишан знал тайные слова против этих стрел и без вреда извлек острия из тел страшных героев.

И тогда десятиголовый Раван, который устрашал самих богов, ринулся в бой, стоя в грохочущей колеснице. Силою волшебных чар он породил сотни тысяч новых ракшасов, и, окруженный ими, косматыми и зубастыми, он двинулся прямо на Раму, сиявшего золотым блеском.

Без страха и колебания встретил могучий Рама этого повелителя зла. Все оружие, что метал в него Раван, он на лету разбивал калеными, далеко летящими стрелами. И наконец самую необоримую стрелу, оперенную огнем, он послал в сердце этого владыки ракшасов, и Раван мгновенно был охвачен всепожирающим пламенем.

Убив Равана, ненавистного для всех живых существ,

Рама повелел благородному его брату, Вибхишану, править Ланкой, согласно с законом, а сам вместе с Ситой, исполненной безмерного счастья, и с Лакшманом, стойким в битве, вернулся в свою родную страну.

Так земля была освобождена от великого зла, и снова на ней воцарилась правда.

Пока стоят нерушимые горы,
И волны рек в океан стремятся,
О подвиге Рамы хвалебная песня
Среди живых на земле не смолкнет.

Рассказ о преданной жене

Когда старый отшельник закончил повесть о Раме, он сказал:

— Поэтому ты, о Юдхиштхира, не должен сокрушаться духом. Ведь великому Раме, когда он остался только вдвоем с Лакшманом, стали помогать даже птицы и звери, а ты имеешь четверых могучих братьев и таких неодолимо сильных друзей, как Кришна. Почему же ты грустишь?

— Меня не так печалит мое горе и даже горе братьев, близких моему сердцу, — ответил Юдхиштхира, — как мне больно видеть страдания моей достойной супруги, этой жен-

щины, исполненной чистоты и благородства. Ведь она сама последовала за мной в изгнание и теперь подвергается великим лишениям. Слышал ли ты, почтенный, о какой-нибудь другой женщине, которая страдала бы только за то, что избрала путь добродетели?

— Да. Я слышал историю о Савитри, которая выдержала тяжелые удары судьбы только по причине своей преданности мужу.

— Расскажи нам о ней, досточтимый, — обратилась к нему Драупади.

И они все услышали такой рассказ:

— В одной стране был царь, который до преклонных лет оставался бездетным. Стремясь к приобретению потомства, он принес сто тысяч жертв богине Савитри, и она сама явилась к нему, выйдя из жертвенного пламени.

— Что ты просишь у меня, являя такую стойкость в обетах? — обратилась она к царю, который смиренно склонился перед нею.

— Я хочу иметь много сыновей — продолжателей моего рода, — ответил он богине.

— Нет, сыновей у тебя не будет, но дочь, прекрасная, как заря, скоро украсит твой род, — сказала богиня.

И действительно, у этого царя скоро появилась дочь. Он дал ей имя Савитри в честь богини, которая подарила ей жизнь.

Эта девочка выросла и стала так дивно красива, что люди не знали, кто она — земная женщина или жительница небес. Стройная и безупречная, она была подобна золотому изваянию.

Пораженные ее сияющей красотой, женихи не решались просить у царя ее руки.

Время шло, а никто не брал ее в жены. Удрученный отец ее не знал, что делать.

— Дочь моя любимая, — обратился он к ней однажды. — Поищи себе сама достойного супруга. Я не могу больше ви-

деть тебя незамужней, ведь это и моя вина, что ты одинока.
Мудрецы говорят:

Тот отец, что для дочери взрослой мужа не ищет,
Тот мужчина, что с женщиной брак заключить не стремится,
И сын, что хранителем матери вдовой не служит, —
Эти три в нашем мире земном порицанья достойны.

Савитри, склонившись к ногам отца, взойшла на колесницу и направилась сначала в обитель мирных отшельников, чтобы обрести покой и душевные силы в беседах с ними.

И вот в глухом лесу встретила она юношу, по имени Сатьяван, и полюбила его всем сердцем.

Отец Сатьявана некогда был могущественным правителем. Но нежданное несчастье поразило его — он лишился зрения. Воспользовавшись этим, враги отняли у него царство и подвергли его тяжким гонениям.

Он укрылся в лесу, в тихой обители, и мирно жил здесь со своей женой и сыном, который служил ему утешением в скорби.

Сатьяван был великодушен, силен и красив. Но одно страшное заклятие лежало на его жизни — через год он должен был умереть.

От одного великого мудреца узнал об этом отец Савитри и сказал ей:

— Нет, этот юноша не может стать твоим супругом. Все его совершенства излишни, так как через год он расстанется с жизнью. Ты должна выбрать себе другого жениха.

Но Савитри возразила отцу:

Лишь раз выпадает жребий счастливый,
Лишь раз выходит девушка замуж,
Лишь раз отец обещает: «Я выдам», —
Эти три вещи лишь раз происходят,

А поэтому я не буду думать о его коротком веке. Мое сердце сделало выбор, и я не знаю колебаний. Только Сатьяван станет моим супругом.

— Да будет так, — ответил ей отец и стал думать о свадьбе.

В скором времени он привез свою дочь в лесную обитель и отдал ее мужу, совершив должный обряд. Став женой отшельника, Савитри сняла все украшения и надела платье, сплетенное из лесных трав. Забыв про свое высокое происхождение и про жизнь во дворце, она всем услуживала и проявляла всегда только смирение, ласку и любовь.

Но время шло, и близился страшный срок. Никому об этом не говорила Савитри, но сердце ее горело в огне непрестанной муки. И когда настал день гибели Сатьявана, она ни на шаг не покидала мужа.

Увидев, что он собирается в лес, чтобы поискать плодов и корней, Савитри устремилась за ним. Подсекая деревья и бродя в поисках пищи, Сатьяван вдруг стал слабеть и сказал своей большею супруге:

— Боль внезапно охватила все мое тело, и мне кажется, будто голова моя пробита копьём.

С этими словами он лег на землю и смежил глаза. И тут Савитри, объятая ужасом, увидела, что над ним стоит кто-то устрашающий, с серым лицом и огненными глазами, одетый в сверкающие одежды.

— О, кто ты? — трепетным голосом обратилась к нему эта женщина, отмеченная несчастьем.

— Узнай во мне Яму, всесильного бога смерти, — ответил он. — Жизнь твоего мужа, исполненного добродетелей, я сейчас унесу в свое царство.

Сказав так, этот величественный бог извлек из тела Сатьявана его душу и направился в южную сторону, где было царство мертвых. Савитри без колебаний последовала за ним, верная обету не разлучаться со своим мужем.

Яма, могучий владыка смерти, стремился вперед огром-

ными шагами, без усилий перешагивая кусты и деревья, взлетая на горы и скользя над водою рек. Савитри спешила за ним, сбивая ноги о камни, цепляясь одеждой за колючие ветви, спотыкаясь и падая, но не отставая. Наконец neodолжимый бог оглянулся и стал отсылать ее от себя, говоря:

— Зачем ты следуешь за мной? Твой долг — жить среди живых.

Но она ответила ему:

— Долг супружества превыше всего. Поэтому не преграждай мне дороги. Я не разлучусь с мужем.

— Слишком далека эта дорога, — сказал Яма. — Ты не пройдешь ее, лучше вернись домой.

Но Савитри возразила:

Ничто не далеко тому, кто долгу предан неизменно,
На целом свете ничего нет выше преданности долгу.

И, сказав так, она продолжала следовать за Ямой.

— Я доволен тобою, — проговорил тогда этот грозный бог. — Проси у меня дар какой пожелаешь, но только не проси вернуть жизнь твоему супругу. Этого я не сделаю.

— Тогда верни зрение слепому отцу моего мужа, — попросила Савитри. — Он стар и несчастен.

— Да будет так, — произнес Яма.

И снова они пошли друг за другом по бесконечному пути смерти.

— Вернись, женщина, — опять попросил ее бог, усташающий своим видом. — Ты устала от этой трудной дороги.

— Не может быть для меня усталости возле мужа. Его путь — это мой путь:

Был добрым мой муж, а общение с добрыми — благо,
Поэтому все на земле должны только к добрым стремиться.

— Я доволен твоими разумными словами, — промолвил Яма. — Проси у меня еще дар, но только не жизнь Сатьявана.

— Тогда, о всесильный, верни отцу моего мужа царство, отнятое врагами, — сказала Савитри.

— Да будет так, — согласился Яма.

Видя, что Савитри продолжает идти за ним, оставляя за собой кровавые следы, он опять остановился.

— Отчего ты снова идешь по моим стопам? Не терзай себя напрасно. Вернись.

— Позволь мне не подчиниться тебе, хотя ты и считаешься всевластным укротителем всех живущих. Я всегда стремлюсь идти путем правды.

— А в чем правда? — спросил он.

— В чем правда? В том, чтоб ни словом, ни делом не нанести вреда тем, кто живет на свете.

Бог смерти проговорил:

— О женщина, твои речи сладостны. Ты снова угодила мне. Я дарю тебе еще одно желание. Но не требуй у меня жизни твоего супруга.

— Тогда подари отцу моему сто сыновей для продления рода. Ведь он имеет только одну дочь, а это значит, что он почти бездетен.

— Да будет так, — сказал Яма в третий раз. — Но теперь ты должна вернуться. Слишком далек наш путь для тех, кого еще не покинула жизнь.

— Нет, — ответила Савитри. — Никакой путь не далек рядом с мужем. Я стремлюсь туда же, куда направляется он. У нас с тобою, о всесильный, один и тот же путь, одна и та же правда. А правда от добра неотделима:

В душах людей доверие лишь доброта рождает,
Лишь добротою можно зло победить земное.

— Я никогда не слышал таких слов, — сказал грозный Яма. — Четвертый раз дарю я тебе право просить о чем хочешь.

— Жизнь Сатьявана прошу я у тебя, о неодолимый бог. Пусть вернется он на землю, и пусть будет у нас сто пре-

красных сыновей. Иного желания у меня быть не может. Нет мне без супруга радости, не нужно мне без него и собственной жизни. Подари ему жизнь во исполнение своего слова.

И тогда отпустил Яма душу Сатьявана, сказав:

— Иди и будь счастлива. Твоя любовь победила мою силу. Вы проживете четыреста лет и будете иметь сто сыновей, и род ваш расцветет на земле.

Получив душу Сатьявана, Савитри бегом устремилась к бездыханному телу мужа. Вложив в него душу, она села возле мужа, положив его голову себе на колени, и стала ждать. И вот он очнулся, открыл глаза и сказал:

— Почему ты меня не будила так долго? Ведь уже вечер, надо спешить в обитель.

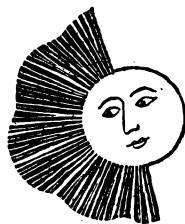
— Да, вставай, уже пора. Надвигается ночь, просыпаются хищные звери, шакалы воют; поспешим обратно, — ответила Савитри, ничего не сказав ему о своем трудном подвиге.

Глубокой ночью достигли они тихой обители отшельников, и сердце Сатьявана исполнилось радости, когда он увидел, что отец его вновь обрел зрение.

А потом Савитри поведала им обо всем, и они узнали, как была спасена жизнь Сатьявана и каким путем страшное горе обернулось радостью.

— С тех пор люди неустанно славят имя Савитри, лучшей из женщин. — Так закончил отшельник свой рассказ. И добавил: — Подобно тому как Савитри избавила всех родных от безысходных мучений, так и Драупади, стойкая сердцем и благонравная, поможет всему вашему роду выйти вновь на дорогу процветания.

Рассказ о конце изгнания

Чем ближе был конец изгнания, тем чаще думали Пандавы о том, как же им вернуть себе царство. Не было надежды на то, что Дурьодхана, всегда помышляющий только о низменных делах, добровольно уступит им половину страны и отдаст войско и все их богатства.

— Битва, только битва сможет спасти нас, — говорил всегда Бхимасена, гневно сверкая глазами.

— Да, это так, — соглашался Юдхиштхира. — Но у нас еще мало союзников, а друзья Кауравов очень сильны.

И он замолкал, вспоминая прежде всего непобедимого Карну, всегда готового к бою и неуязвимо защищенного своим природным панцирем. Он часто думал о том, как им трудно будет одолеть этого героя, который в подвигах равнялся Арджуне и был быстр и дерзок в речах и поступках.

И вот тысячеокий бог Индра, всегда даривший Пандавам свою любовь, услышал мысли, которые мучили Юдхиштиру.

Индра знал о Карне даже то, чего не знал никто из людей. Ему было ведомо, что в прирожденных серьгах Карны хранится его бессмертие и что убить его невозможно, пока он не лишится этих серег.

Этот всемогущий бог видел, что победить Карну силой невозможно, а на хитрость Пандавы не способны. Тогда он вознамерился сам отнять у него и панцирь и серьги, чтобы помочь этим героям, попавшим в беду.

Но как сделать это? И Индра после долгого раздумья решил явиться к Карне в виде брахмана и попросить у него панцирь и серьги как подаяние. Ведь никто из живущих не может отказать брахману в милостыне, потому что нет на свете греха тяжелее этого.

Но об этих помыслах Индры узнал отец Карны — всемогущее Солнце.

Оно явилось своему сыну во сне и проговорило, желая остеречь его:

— Ни богатому, ни нищему, ни воину, ни брахману не отдавай серег и панциря, с которыми ты родился. В них твоя сила, в них твоя жизнь, береги их. Особенно опасайся брахманов. Один из них скоро придет к тебе.

Но Карна возразил:

— О ты, изливающий тысячи лучей на землю, как я могу поступать так? Честь воина состоит в том, чтобы охранять брахманов и отдавать им все, что они попросят. Я могу поступиться всем чем угодно, но только не честью.

И как ни умоляло его Солнце не расставаться с серьгами и панцирем, он стоял на своем:

— Пусть я погибну, но не нарушу древнего обычая и не откажу брахману в подаянии.

Тогда Солнце сказало Карне:

— Если ты так непреклонен и так щедр, то попроси у этого брахмана, который к тебе придет, его копье. Ведь это не брахман будет, а Индра, неодолимый бог грома и битвы. Пусть отдаст тебе свое копье. Оно обладает свойством не падать на землю и не возвращаться в руку, которая его послала, до тех пор пока не поразит тысячу врагов. Попроси его, не забудь.

На этом сон Карны прервался. Утром он с глубоким по-

чением приветствовал первые лучи солнца, упавшие на землю, и стал спокойно ожидать прихода брахмана.

И вот перед ним предстал могучий Индра в облиции брахмана, живущего подаянием.

— Что я должен пожертвовать тебе, почтенный? — обратился к нему Карна.

— В виде милостыни прошу у тебя твои серьги, сверкающие, как солнце, и панцирь, облегающий твоё тело.

— Нет, не проси того, что я не должен отдавать. Хочешь, я дам тебе золотые ожерелья или тысячу коров? Или завоюю для тебя царство, которое ты пожелаешь?

— Я хочу твои серьги и панцирь, — продолжал настаивать Индра. — Больше мне ничего не надо.

— Ну, хорошо. Я отдам тебе то, что ты просишь, — согласился Карна. — Но тогда мне нечем будет защитить мою жизнь. Дай мне взамен твоё копье, чтобы мне не встретить безоружным моих врагов.

— Я согласен, ты получишь мое копье. Но в моих руках оно убивает сотни и тысячи врагов, в твоих же оно убьёт только одного. Раньше чем метнуть его, выбери, кого ты хочешь поразить. И пошли его в этого врага только тогда, когда прочтёшь вслух заклинание. Слушай его и запоминай.

И великий Индра сказал Карне волшебные слова и отдал ему своё волшебное копье, а Карна отрезал от своих ушей серьги, наполненные солнечным светом, и отдрал от тела сверкающий панцирь. Истекая кровью, он отдал их тысячеокому богу. Великий Индра одним взглядом исцелил все его раны и покинул землю, вознесясь на вершины Гималаев.

Теперь он знал, что избавил Пандавов от очень сильного врага.

Это все случилось уже к концу двенадцатого года изгнания.

Пандавы готовились к тому, чтобы покинуть лес, кото-

рый так долго давал им приют. Они обошли все хижины отшельников и простились с ними, принеся им благодарность за участливые слова и мудрые беседы. Драупади в последний раз накормила и приласкала лесных зверей, которые с любовью приходили к ней каждый день, принесла воды из реки и в последний раз полила все цветы вокруг хижины.

Двенадцать лет провели Пандавы без битв и подвигов, без славных дел и побед. Двенадцать лет прошло вдали от их города, от войска, от всех плодов их дел.

Низкие, злодушные враги своими хищными, нечистыми руками похитили двенадцать лет справедливой и разумной жизни этих мужей, преданных правде. Двенадцать долгих лет страдали подданные их страны, с нетерпением ожидая их возвращения.

И вот срок изгнания истек. И теперь им всем предстояло прожить еще один год неузнанными, чтобы до конца выполнить условие игры, на которое согласился правдивый Юдхиштхира.

Покинув свою хижину, великославные Пандавы вместе с верной и стойкой Драупади вновь пошли через лес, с каждым днем удаляясь от своей страны, чтобы найти себе новое прибежище.

Много дней и ночей провели они в этом странствии. Много раз встречали они утреннее солнце и провожали вечернее. Много раз видали они восход луны, ночуя под густыми деревьями. И все шли и шли, не зная отдыха.

В один из дней своего пути они все ощутили сильную жажду, но нигде вокруг не было воды.

— О младший брат мой, — обратился Юдхиштхира к Накуле, — влезь на дерево и посмотри, нет ли где-нибудь источника.

Накула, исполнив это, вскричал:

— Я вижу вдали деревья, которые растут у воды, и слышу крики журавлей.

— Пойди туда, — сказал Юдхиштхира, — и принеси нам воду в колчане.

Накула ушел и не вернулся. После долгого ожидания обратился Юдхиштхира к другому брату, Сахадеве:

— Сахадева, ты младше всех нас, помоги нам. Возьми свой колчан и пойди за водой. И посмотри, где Накула и почему он не возвращается.

Сахадева послушно ушел. И тоже не вернулся.

— Что же произошло с этими юношами, которые всегда с такой радостью стремятся помочь нам? — спросил Юдхиштхира у третьего брата, Арджуны. — Пойди следом за ними, может быть, они сами нуждаются сейчас в помощи.

И Арджуна безотказно пошел за братьями. Прошло много времени, но и он не возвращался.

— Иди ты, истребитель врагов, — сказал Юдхиштхира Бхимасене. — Приведи обратно братьев и принеси воды. Драупади совсем ослабела от жажды.

Бхимасена устремился в гущу леса по следам своих братьев. Солнце стало клониться к закату, но они не возвращались.

Не зная, что и подумать, сам Юдхиштхира, оставив Драупади в тени цветущего дерева, пошел вслед за братьями, обуреваемый тревогой. И что же его ожидало?

На берегу озера с холодной прозрачной водой лежали все его братья как бы в глубоком сне. Он подбежал к Бхимасене и увидел, что этот могучий герой мертв. В ужасе он бросился к Арджуне, но и этот непобедимый воин не являл никаких признаков жизни. И оба младших брата лежали бездыханными на прибрежной траве.

Охваченный неизмеримым горем, остановился над их телами Юдхиштхира. «Кто же мог убить их в этом тихом месте? — думал он. — Нигде не видно следов людей, и на теле этих погибших нет ран и крови. Может быть, вода напоена ядом? Надо мне самому ее попробовать».

Решив так, он спустился к озеру и только склонился к воде, как услышал чей-то голос:

— Это моя вода. Не подходи к ней, пока не ответишь на мои вопросы. Твои братья не хотели сделать это, и я отдал их под власть того, кто уносит жизнь. Сначала дай мне ответы без ошибок, а потом пей сколько пожелаешь.

— Но кто ты? — спросил Юдхистхира, не видя никого вокруг.

— Я журавль, — последовал ответ.

— Нет, не птицей убиты эти герои. Кто ты?

— Я лесной дух в образе журавля. Но перестань меня спрашивать. Здесь я задаю вопросы. Отвечай, если хочешь сохранить жизнь.

Юдхистхира пошел на этот голос и вдруг увидел в густой листве деревьев духа леса. Он был ростом с пальму, тело его блестело, как огонь, а глаза были круглыми и смотрели не мигая. Голосом, который напоминал грохот водопада, он спросил:

— Ты будешь отвечать? Или тоже хочешь здесь остаться навсегда?

— Спрашивай, — сказал Юдхистхира.

И не успевал дух леса задать вопрос, как слышал уже готовый ответ.

— Как приобрести разум?

— В беседах с мудрецами.

— Что ценнее всего для воина?

— Оружие.

— Что важнее всего для пахаря?

— Дождь.

— А для сеятеля?

— Семена.

— Что выше неба?

— Отец.

— Что быстрее ветра?

— Мысль.

- Кто спит, не закрывая глаз?
- Рыба.
- Кто не двигается после рождения?
- Яйцо.
- Кто лечит от холода?
- Огонь.
- Кто является душой отца?
- Сын.
- Кто самый близкий друг?
- Жена.
- Что является лучшим богатством?
- Знания.
- Чем окутан мир?
- Мраком.
- Что является истинным покоем?
- Сердечный покой.
- Какая болезнь неизлечима?
- Жадность.

— О самый разумный среди смертных, ты дал правильные ответы на все мои вопросы. Поэтому я говорю тебе: иди и пей воду из моего озера и набери ее в колчан и не бойся ничего. А братьям твоим я возвращаю жизнь.

С этими словами лесной дух исчез, а все Пандавы тотчас воскресли. Напившись прозрачной воды, они отнесли Драупади полные колчаны воды и спокойно предались ночному отдыху.

Рассказ о превращении Пандавов

Долгий путь Пандавов окончился на краю леса. И здесь Юдхиштхира обратился к братьям: — Вот перед нами лежит страна, которой правит могущественный царь Вирата. Здесь никто нас не знает, и мы должны прожить здесь целый год, скрывая, кто мы. Покинем же этот лес и направимся в столицу Вираты.

— А куда же мы должны девать свое оружие, скажи, мой мудрый брат? — спросил его Бхимасена. — Ведь лук Арджуны известен всему миру. Так же, как моя булава и мечи наших младших братьев.

— Видите, там вдали растет огромное старое дерево, — сказал Арджуна. — В его ветвях мы спрячем оружие на целый год. Никто его здесь не найдет.

Ловкий и гибкий Накула влез на это дерево и привязал к толстой ветке все луки и колчаны, мечи и копья. После этого они вошли в город и, смешавшись с толпой, дошли до дворца.

Юдхиштхира, умелый в поступках, прошел прямо в тронный зал царя Вираты.

Приблизившись к этому славному правителю, Юдхистхира сказал:

— О великий царь, узнай во мне брахмана, который хочет жить под твоим покровительством. Я владею искусством игры в кости и буду верно служить тебе.

— Я готов отдать тебе все, что ты пожелаешь, почтенный, — ответил царь, довольный словами Юдхистхиры. — Ты будешь моим другом и советником, мы будем ездить в одной колеснице... А вы все, — обратился Вирата к своим придворным, — оказывайте ему такие же знаки уважения, как мне.

Так Юдхистхира поселился во дворце.

Спустя некоторое время перед лицом царя появился Бхимасена. Держа в могучих руках сосуд для приготовления пищи и ложку, он сказал:

— О пресветлый царь, вот я, повар, стою перед тобой. Позволь мне жить у тебя на кухне.

— Ты не похож на повара. У тебя плечи буйвола и руки, как хобот слона, — с сомнением сказал Вирата.

— Да, я не только повар, но и борец. Для того чтобы развлечь тебя, я, безоружный, буду бороться с львами и слонами. Возьми меня к себе на службу.

— Тогда будь главным над моими поварами и моим любимым слугой, — обрадованно проговорил царь.

И Бхимасена быстро прошел на царскую кухню и остался там.

Драупади же, скрыв под черным покрывалом свои прославленные косы, стала ходить взад и вперед по улицам мимо окон дворца. Когда люди спрашивали ее, кто она, Драупади отвечала: «Я служанка. Возьмите меня в свой дом...» Но никто, видя ее, озаренную красотой и нежностью, не мог поверить этому и не брал ее в услужение.

Но однажды эту женщину, бродящую под террасами дворца, увидела царица, любимая жена Вираты, и, призвав к себе, спросила:

— Кто ты, безупречная? Это черное покрывало не может скрыть твою красоту.

— Я служанка, — ответила Драупади со смирением. — Я умею делать красивые прически, готовить ароматные притиранья и сплести гирлянды из разных цветов — из лотов и жасмина и из голубых лилий. Возьми меня к себе, царица, ты будешь довольна мною.

— О совершенная, я сделаю все, чтобы ты счастливо жила в женских покоях дворца, — воскликнула царица. — Будь старшей над всеми моими служанками и рабынями. Я дарю тебе мое покровительство.

Так Драупади стала жить под той же кровлей, под которой поселился ее достославный супруг.

Следующим во дворце появился Сахадева. Надев одежду пастуха, он сказал, что когда-то раньше пас стада Пандавов.

— А теперь, — добавил он, — эти герои скрылись из людских глаз, и я хочу найти новую работу.

— Как странно! — сказал царь. — Ты больше похож на воина, знатока оружия и вожака колесниц, чем на пастуха.

— Нет, нет, досточтимый владыка, я простой пастух и знаток всех родов стад. Я умею также, как никто, исцелять коров от разных болезней. Возьми меня к себе на службу.

— Ну хорошо, — согласился Вирата. — Я сделаю тебя главным среди всех охранителей моих бесчисленных стад.

Так, никем не признанный, Сахадева стал служить у этого царя, владевшего несметными богатствами.

Вскоре в тронный зал дворца вошел Арджуна. Он был одет как странствующий артист, чье искусство состоит в том, чтобы веселить женщин городов и деревень песнями и танцами. Чтобы никто не догадался о силе его рук, он надел на них множество сверкающих браслетов. Следы от тетивы на пальцах он скрыл под перстнями. Из-под вьющихся волос, которые закрывали шею, были видны большие серьги, а широкую грудь воина скрывали блестящие ожерелья. Его

могучее тело было одето в женский наряд, как предписывал обычай странствующим актерам, которые должны были развлекать женщин.

— Кто это? — спросил удивленный царь. — Я впервые вижу здесь этого человека. Он красив, как житель небес, и взгляд его блещет отвагой. Ему больше пошли бы доспехи воина, чем это платье. Кто он?

Услыхав эти слова, Арджуна почтительно приблизился, сложив ладони, и сказал:

— О несравненный владыка, я умею петь, танцевать и играть на сладкозвучных инструментах. Не спрашивай меня, кто я, чтобы не причинять мне страданий. Я брожу по стране, не зная, где мой дом и не имея ни отца, ни матери. Если хочешь, великий царь, я буду учить твою дочь и ее подруг музыке и танцам.

— О да, да. Музыка украшает жизнь, я очень хочу, чтобы моя дочь изучила искусство танца и научилась петь. Я рад, что ты пришел ко мне. Оставайся с нами.

Таким образом и Арджуна поселился в этом же дворце.

Через несколько дней последний из Пандавов, Накула, вошел во двор, где стояли царские лошади, и стал взглядом знатока оглядывать их.

— Кто это там осматривает моих коней? — спросил Вирата. — Откуда он пришел? Приведите его ко мне.

Когда Накула вошел во дворец, царь сказал:

— О ты, одаренный красотой молодого бога и силой воина, что ты делал возле моих коней? Что тебе в них?

— Да сопутствуют тебе победы, славный царь, — ответил Накула. — Я конюший и умею обучать боевых коней. Поэтому обо мне знают правители многих стран и всегда радостно встречают меня. Если ты хочешь, о могучий, я буду твоим конюшим.

— Останься, мне нужен знаток лошадей, — согласился Вирата. — Я подарю тебе золотую колесницу. Будь старшим среди моих колесничих.

Накула согласился и стал жить там же, где его братья. Каждый из них был искусен в деле, за которое взялся, и все они жили в довольстве.

Так прошло несколько месяцев. И вот наступил большой праздник. В столицу Вираты прибыли отовсюду стрелки из лука и метатели копий, вожаки колесниц и борцы, чтобы показать свою силу и ловкость.

На большой арене состязались они друг с другом, радуя взоры зрителей.

Борцы, подобные утесам, вызывали померяться силами всех жителей страны. Особенно огромен и могуч был один, внушавший страх своим видом. Никто не решался не только вступить с ним в единоборство, но даже подойти к нему близко. Он ходил по арене и вызывающе оглядывал всех и смеялся, гордый от того, что нет ему равного в этой стране.

И тогда царь Вирата повелел Бхимасене принять вызов этого необоримого силача.

Бхимасена, безмерно обрадованный, согласился, и на арене перед взорами тысяч людей сошлись два непобедимо-могучих героя, подобных двум горам, двум темным тучам, двум яростным слонам.

Они начали борьбу, толкая друг друга плечами и боками, сжимая друг друга руками и бросая на землю. Когда их тела сталкивались с непомерной силой, дрожала земля и валились деревья, а когда они ударяли друг друга ладонями, раздавался грохот, подобный грому. Они кружили по арене, как два буйвола в весенней битве, и никто не мог бы сказать, за кем останется победа. Наконец могучерукий Бхимасена захватил своего противника, поднял над землей и стал крутить его над головой, как палицу. Сто раз повернул он его тело в воздухе, а затем бросил на землю и наступил на него коленом.

Все, кто смотрел на этот поединок, были очень довольны видом такой мощи, и Вирата щедро одарил Бхимасену, ра-

дуясь, что приобрел слугу, наделенного такой несравненной силой.

Так жили Пандавы, не узнавшие никем, и с нетерпением ожидали окончания этого года, а с ним и окончания своих невзгод и унижений.

Рассказ об убийстве Кичаки

Когда миновало одиннадцать месяцев жизни в столице славного царя Вираты, судьба чуть было не перестала благоприятствовать Пандавам.

Однажды, когда Драупади была в покоях царицы, ее увидел брат царицы, по имени Кичака. Он был дерзким и могучим воином, не знавшим преград на пути своих желаний. Его ослепила красота Драупади. Приблизившись к ней, он проговорил:

— О ты, чьи волосы вьются так красиво, лицо сияет, как луна, руки подобны почкам лотоса, а поступь как по-

ступь лебеда, будь моей женой. Зачем тебе быть служанкой царицы, когда ты сама можешь стать царицей? Соглашайся, и пойдем в мой дворец, где я подарю тебе золотые ожерелья и серьги, драгоценные камни и шелковые одежды всех цветов.

— Я служанка и хочу остаться служанкой, — скромно ответила Драупади, не поднимая на него глаз. — Я всем довольна и не стремлюсь к иной жизни.

— Ты болтаешь глупости. Твое положение не соответствует твоей красоте. Каждая женщина должна иметь мужа, который будет о ней заботиться и защищать ее. Не медли больше, пойдем со мною.

Что могла сделать Драупади, чьи уста были скованы обетом не выдавать себя? Она не могла воззвать к покровительству супруга, не могла обратиться и к его братьям. Никто во всем мире не мог бы сейчас открыто вступить за нее.

— Оставьте меня, милостивый царь, — сказала она. — Я никогда не стану вашей женой.

Но Кичака, опьяненный ее красотой, схватил ее за руку и потащил за собою.

— Отчего ты упрямишься? — говорил он. — Служанка должна быть счастлива таким даром судьбы. Идем, я объявлю всем, чтобы готовили свадьбу.

Обезумев от страха, чистая сердцем Драупади вырвалась из рук этого злодея и побежала к царю Вирате. Кичака, не терпевший протестов и не знающий милосердия, бросился за ней и схватил за одежду. Она толкнула этого дерзкого так сильно, что он упал. Тогда он, исполнившись бешенства, швырнул на землю эту незащищенную женщину и ударил ее ногой.

— Да зачем я тебя прошу, словно царицу?! — вскричал он. — Сегодня ночью я приду похитить тебя, знай это.

Зарыдав, Драупади пошла к Бхимасене и рассказала ему о словах и угрозах Кичаки.

Пламя гнева зажгло кровь этого сильнейшего из Пандавов, этого слона среди людей.

— Я убью его, клянусь тебе! — воскликнул он. — Я не стерплю ни одного оскорбления, которое тебе кто-нибудь нанесет, будь то воин или брахман, царь или сам бог. Я убью его.

— Только не дай никому себя узнать, будь осторожен, — стала умолять его Драупади. — Ведь нам остался один месяц изгнания. Не погуби нас всех.

Бхимасена успокоил ее, обещав, что не забудет об этом.

— Но никто из нас не найдет счастья и покоя до тех пор, пока земля будет слышать шаги Кичака, — сказал он. — Я уже решил, что мне делать. И ты должна мне помочь.

— Но как? Чем может помочь тебе женщина, которая даже не имеет сил защитить себя?

— Сегодня ночью ты должна спать не на своем ложе, а на моем. А я, не замеченный никем, лягу вместо тебя и подожду, пока Кичака явится меня похищать. О том, что будет дальше, ты, прекрасная, не должна думать.

И вот с наступлением ночи Бхимасена встретил Драупади в дворцовом саду. Под прикрытием темноты она провела его в свою комнату и уложила на своем ложе, накинув на него шелковое покрывало. А сама проскользнула в его жилье при царской кухне и притаилась там.

Кичака, который не знал колебаний в достижении своих целей, глубокой ночью направился прямо в женские покои.

Прокравшись в комнату Драупади, подобно волку, который жаждет добычи, он стал прислушиваться, боясь, что после его угроз красавица покинула свое ложе. Но услышав в тишине сонное дыхание и с трудом найдя во мраке, откуда оно доносилось, он бросился к ложу с желанием подхватить на руки спящую Драупади и бежать с ней к себе.

И вдруг его руки вместо тела тонкой и нежной красавицы ощутили железное тело Бхимасены.

Разбуженный Бхимасена, подобный взбешенному вепрю, одним движением смял Кичаку, как пучок тростника, и голыми руками переломал ему все кости. Затем он отнес в сад то, что осталось от злодея, и бросил там эти жалкие останки.

Когда утром было найдено тело Кичаки, никто не мог понять, кем же был убит этот сильный воин и каким страшным оружием все его кости были раздроблены на мелкие кусочки.

Все жители дворца говорили об этом, спрашивая один у другого:

— Уж не гандхарвы ли погубили храброго Кичаку?

— Кто же из смертных мог сделать это?

— Кто обладает такой нечеловеческой силой?

Царь Вирата обратил этот вопрос даже к своему придворному поэту, и тот ответил ему такими строфами:

Из жителей неба лишь Индра великий
Да светлых гандхарвов небесное войско
Могли с такой силой Кичаку сразить.
Но здесь на земле, среди смертных созданий,
По силе безмерной, могучей и грозной
Лишь средний из Пандавов равен богам.

— Да, только средний брат великого Юджиштхиры мог бы так проявить свой гнев! — стали восклицать все. — Но ведь Пандавы скрылись неизвестно куда и их следы давно затерялись. Кто же убил Кичаку?

Так выражали свое удивление не только придворные, но и горожане, рассказывая друг другу о страшном событии в дворцовом саду.

Эти речи слышали многочисленные слуги Дурьодханы, которых он разослал во все страны, чтобы узнать, куда скрылись Пандавы на тринадцатый год изгнания.

Вернувшись в столицу Кауравов, они предстали перед Дурьодханой и рассказали ему обо всем, что произошло в

столице царя Вираты. Но боги затмили их разум, и они ничего не сказали о том, что все там говорят о Бхимасене.

— Так мы и не смогли нигде обнаружить Пандавов, — закончили они свой рассказ. — Покорные твоему велению, о царь царей, мы искали их следы в лесах и полях, на склонах гор и на вершинах. Мы спрашивали о них в городах и деревнях, у воинов и нищих, у отшельников и придворных. Нет нигде на земле этих твоих врагов, о величайший среди великих. Мы узнали только о том, что гандхарвы убили Кичаку, военачальника царя Вираты, и что войско его теперь ослабело. Других новостей нет в чужих странах.

Выслушав эти речи, Дурьодхана, чьи мысли всегда были направлены на низкие дела, решил вместе со своим другом Карной и всеми своими братьями напасть на страну Вираты и разграбить ее. Но и ему в голову не пришло, что Кичаку поразил гнев Бхимасены.

Кауравы собрали сильное войско и повели его с великим и устрашающим шумом прямо к столице Вираты.

Там они разделили войско на две части, и одна из них должна была вызвать на бой армию Вираты, а другая в это время направилась на пастбища, чтобы окружить и угнать стада, составлявшие богатство царя.

Вирата, этот справедливый правитель и владыка мужей, узнав о приближении врага, сказал Юдхиштхире:

— Что же мне делать? Мой военачальник убит гандхарнами, и некому вести мое войско в бой. Это удручает мое сердце.

Услышавший эти слова Бхимасена обратился к нему:

— Если ты дашь свое согласие, о защитник народа, я помогу твоему войску сражаться. Ты уже знаешь, что я умею побеждать в борьбе.

И когда разгорелась битва, Бхимасена, неистовый в бою и исполненный силы и мужества, смял ряды вражеской

армии, разбил сотни колесниц и сокрушил тысячи воинов. Армия, которую возглавил сам благородный Вирата, мчалась за ним и сокрушала врагов, подобно лавине.

Когда победа была уже близка, в столицу Вираты прибежали обезумевшие от страха пастухи и стали призывать на помощь, крича, что враги угоняют стада. Но кто мог отразить удар этих жадных пришельцев? Только юный сын царя Вираты, но и у него не было даже колесничего, чтобы везти его в бой.

— О кто, кто поведет мою колесницу в битву? — восклицал царевич. — Горе мне! Я, сын царя, не могу защитить свой народ и свои богатства. Кто остался в столице, способный править боевыми конями?

Но никто не отзывался на этот призыв, потому что всех воинов увел Вирата на бой.

Когда слух об этом дошел до женских покоев дворца, Арджуна, лучший среди вожаков колесниц, устремился к царевичу, не успев даже снять украшения и женское платье, и сказал:

— Я целый год живу во дворце твоего отца, благосклонного подателя даров, великого Вираты. Дни мои протекали в мирных занятиях танцами и музыкой. Но сейчас настал час, когда я должен помочь вам всем. В моих руках хватит силы сдержать твоих коней. Идем, покажи мне, где твоя боевая колесница.

И они, взойдя на колесницу, вдвоем поскакали прямо на поля, где раньше мирно паслись стада, а сейчас бесчинствовали враги. Эти поля простирались вокруг старого дерева, в ветках которого было спрятано оружие Пандавов. Арджуна безмерно обрадовался, взяв в руки свой лук.

Обильные стада, которыми владел царь Вирата, были отогнаны далеко от пастбищ и окружены войском Кауравов. Сам Дурьодхана вместе с Карной был во главе этого войска.

Подобный кровожадному тигру, он кружил вокруг чу-

жого скота, радуясь своей добыче. Сотни и сотни колесниц и воины на конях и слонах стояли там, сверкая оружием, как стена, увенчанная остриями.

Сердце юного сына Вираты; не испушенного в боях, дрогнуло. Увидев, что их всего двое против такого могучего войска, царевич, охваченный страхом, выскочил из колесницы и побежал обратно, не помня себя.

— Стой! — вскричал Арджуна. — Какой же воин бежит с поля боя? Лучше смерть, чем позорное бегство. Вернись!

С этими словами он тоже прыгнул с колесницы и бросился догонять убежавшего царевича. Его, покинувшего укрытие колесницы и стремительно бегущего по полю, увидели тогда все враги.

— Кто это? Кто? — стали восклицать военачальники Кауравов. — Он бежит в развевающейся женской одежде, но прискакал на боевой колеснице. На нем много сверкающих украшений, но его широкие плечи и могучая шея напоминают Арджуну. Уж не он ли это перед нами?

— Кто же, кроме непобедимого Арджуны, может один выступить против тысяч врагов? — сказал Дурьодхана. — Если только это он, неустрашимый в битве, тогда я нашел здесь мое счастье. Мне думается, что до конца последнего года изгнания Пандавов осталось еще несколько дней. И теперь они, узнанные нами, снова должны будут уйти на двенадцать лет в леса.

— Нет, — сказал Карна, — ты ошибся, повелитель. Срок их изгнания кончился. И теперь вам придется решать ваши споры только в открытом бою.

В это время Арджуна догнал сына Вираты и стал стыдить его, говоря:

— О сокрушитель врагов, о тигр среди людей, если ты не можешь биться, возьми вожжи и веди колесницу, а я буду вести бой. Направляй бег коней прямо в гущу врагов. — С этими словами Арджуна поднял над головой свой могучий лук.

Когда юный царевич взгляделся в этот лук, равного которому нет в трех мирах, он поразился и спросил:

— Чье это оружие, подобное оружию богов? Он похож на лук несравненного героя Арджуны, рассказы о подвигах которого я слышал с колыбели.

— Это оружие Арджуны, сына царя Панду.

— Но где же этот светлый герой? Ведь говорят, что все сыновья Панду исчезли с лица земли.

— Узнай во мне Арджуну и не бойся ничего. Я и все мои братья жили целый год неузнанными в вашем дворце. Мы защитим ваше царство от этих злобных врагов. Сегодня я могу открыть себя. Сегодня кончился тринадцатый год изгнания.

Услыхав эти слова, сын царя Вираты возрадовался сердцем и ощутил, что его покинул страх. Он склонился перед Арджуной и сказал:

— Я боялся иметь своим другом в бою того, кто учит девушек петь и танцевать. Но нет счастья выше, чем счастье биться плечом к плечу с Арджуной, слава которого гремит по всей земле. Говори, что надо делать, — я покорен тебе.

Тогда Арджуна сбросил со своих рук золотые браслеты и кольца, и они со звоном раскатились по земле. Он надел на руки чехлы, сделанные из кожи ящерицы, чтобы тугая тетива не сорвала мяса с пальцев. Затем он рванул тетиву своего божественного лука, и ее звук, подобный реву урагана в горах, облетел всю землю и заставил замереть души врагов и возликовать сердца друзей. Долго никто не слышал этого звука, а теперь все узнали, что Арджуна, это украшение битвы, снова встал в ряды воинов.

— Сдержи коней, — сказал он царевичу, — чтобы они не понесли, я буду трубить в раковину.

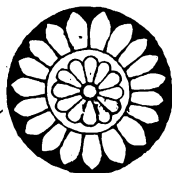
И вот могучий звук боевой раковины этого величайшего из героев заполнил все пространство, и сотряс землю, и расколол горы, и поднял волны в океане.

Сердца всех воинов Дурьодханы сжались от страха.

А угнанный ими скот, испугавшись этого звука, ринулся бежать, топча пеших воинов и мешая построению войска.

И вот снова запела тетива, натянутая рукой Арджуны, и тысячи тысяч его стрел закрыли небо. Военачальники Дурьодханы падали на землю, пронзенные десятками стрел. Мертвые воины покрыли все поле, как колосья сжатого риса.

Карна, пораженный, бежал, боясь оглянуться. А Дурьодхана, пытавшийся вступить в поединок с этим лучшим среди знатоков оружия, был мгновенно изранен, не успев даже поднять свой лук. Он повернул вспять всех воинов, оставшихся в живых, и вскачь помчался к границам царства Вираты, чтобы скорее покинуть эту страну.

Рассказ о конце изгнания

По прошествии тринадцати лет своего изгнания все Пандавы совершили торжественное омовение, умастили свои тела сандалом, надели белые одежды и золотые головные уборы и, придя в тронный зал царя Вираты, сели на сиденья из слоновой кости, украшенные драгоценными камнями.

Увидев их, сидевших на царских тронах и сиявших красотой и величием, Вирата был поражен:

— Эти троны предназначены для сыновей царей. Отчего же ты, мой придворный игрок в кости, и ты, мой повар, и вы, все остальные, сидите здесь в царских нарядах?

— Не гневайся, о достохвальный царь, — ответил Юджиштхира. — Сегодня эти места принадлежат нам по праву. Исчезнувшие из глаз людей год тому назад Пандавы — это мы. Узнай в нас сыновей царя Панду, которые почтительно приветствуют тебя. Ты дал нам приют на этот год, и мы всегда будем твоими друзьями.

Исполнившись радости, благородный Вирата предложил Пандавам все свое царство и все свои богатства, но блистательный Юджиштхира избрал только один из его городов, чтобы созвать туда всех царей, связанных с ним узами дружбы.

И вот в этот город собрались владыки всех народов, правители всех стран земли. И это блестящее собрание царей было подобно звездному небу или вершинам Гималаев.

И все они узнали от Пандавов повесть их страданий и всего, что произошло с ними за эти тринадцать лет. И все восклицали:

— Только войной вы вернете утраченное. Только силой оружия вы сможете заставить Дурьодхану склонить свою надменную голову. Объединитесь с нами, и мы разобьем армию Кауравов, раскидаем ее, как муравейник, по лицу земли.

Согласившись с этими мудрыми советами, Юджиштхира послал Арджуну в город Двараку, столицу пресветлого Кришны.

— Скачи на колеснице, стремись вперед, не сдерживая коней, и заключи союз с этим лучшим из мужей земли, — повелел он своему брату. — Нам пора готовиться к битве с нашими притеснителями.

И Арджуна помчался к Кришне, к этому защитнику народа. Но, прискакав в Двараку и войдя в покои дворца, он узнал, что незадолго до него сюда же прибыл Дурьодхана. И вот оба они предстали перед Кришной, который озарял весь мир своим блеском, подобно тому как солнце

озаряет облака. И оба стали просить этого героя, одаренного истинной силой, помочь им в предстоящей битве.

— Ты должен оказать помощь мне первому, — сказал Дурьодхана, — потому что я достиг твоего дворца раньше этого сына Панду. Люди справедливые и знающие обычаи всегда исполняют раньше просьбу того, кто пришел первым.

— Хорошо, — ответил великославный Кришна. — Прости о чем хочешь, тебе не будет отказа.

— Я прошу, чтобы ты мне помог одолеть Пандавов. Больше мне ничего не нужно, — сказал Дурьодхана.

— Но я еще не слышал, чего хочет сын Панду, прискакавший сюда на золотой колеснице, — проговорил Кришна.

— Я прошу, чтобы ты нам помог одолеть Кауравов. Больше нам ничего не нужно, — ответил Арджуна.

— Как я могу исполнить столь разные просьбы? — спросил Кришна. — Для этого я должен разделить на две части все пригодное к битве, что я имею. А это — мое войско, истребленное в сражениях, и я сам. Какую же часть выберет каждый из вас?

— Я, я должен выбирать первым! — вскричал Дурьодхана. — О великий, не нарушай обычая. Позволь мне произвести выбор.

— Выбирай, — благосклонно согласился Кришна.

— Я выбираю твое могучее войско, не знающее поражения. Пусть все твои воины явятся в мою страну.

— А ты, сын Панду, что выбираешь ты? Будешь ли ты спорить с Дурьодханой из-за моего войска?

— Нет, сокрушитель врагов, не буду, — ответил Арджуна. — Я избираю тебя, стойкого в подвигах, тебя, украшение земли.

— Выбор сделан! — сказал Кришна. — Да будет так.

Обрадованный Дурьодхана, полагая, что его выбор наилучший, отправился в свою столицу, чтобы поделиться этой счастливой вестью со своими друзьями,

А Кришна, оставшись наедине с Арджунной, спросил его:

— Почему, о лучший из рода Бхараты, ты остановил свой выбор на мне и пренебрег моим войском, которое так искусно в бою?

— Я отвечу тебе, о владыка мужей, словами, которыми воспевают тебя в этом мире:

Из всего, что обильно рождает земля, —
Из творений живых и из мертвых вещей —
Все живое является высшим.
Из великого множества тварей живых,
Что летают, мелькают, кружат по земле,
Человек почитается высшим.
Из всего необъятного рода людей —
Из царей, полководцев, рабов, мудрецов —
Ты, о Кришна, являешься высшим.

А поэтому я хочу, чтобы ты не отказал мне в милости стать моим колесничим и руководить мною на трудных дорогах битвы.

— Я согласен, о непобедимый, — сказал Кришна.

Затем они оба, взойдя на колесницу, направились к Юдхиштхире и другим Пандавам.

Дурьодхана же, стремясь в свою страну, встретил по дороге огромную армию. Сотрясая землю, шли воины, мчались колесницы, вышагивали слоны. Оружие всех видов и форм сверкало на солнце, пестрели разноцветные флажки над колесницами, блестели доспехи. Во главе этого неисчислимого войска был великий царь Шáлья, родной дядя Пандавов, который спешил повидать их и порадоваться их освобождению.

Тогда Дурьодхана, мысль которого всегда успешно текла по пути коварства, не замеченный никем, свернул с дороги. Он повелел всем жителям страны готовить лучшие яства и питье, воздвигнуть обширные навесы для тени и принять эту армию с почетом и любовью. Все так и было сделано, как он сказал,

И вот достославный царь Шалья, видя, как наслаждаются его воины таким гостеприимством, пожелал узнать, кто же их принял с таким радушием. Тогда перед ним предстал Дурьодхана. Шалья, исполненный благодарности, обнял его и сказал:

— Ты, о щедрый, поддержал моих воинов во время далекого и долгого пути. Проси у меня что пожелаешь, тебе не будет отказа.

И ошастливленный этим обещанием Дурьодхана проговорил:

— О могучий царь, о лучший среди лучших, я прошу только об одном — стань во главе одного из моих войск. Нет на свете военачальника, подобного тебе. Я хочу, чтобы ты сражался на моей стороне.

— Но с кем же ты хочешь биться, о герой? — спросил Шалья. — Ведь никто тебе не угрожает.

— Судьба изменчива, — сказал Дурьодхана. — Никто не знает, что нас ждет впереди. Ты дал мне слово, теперь исполни его.

— Хорошо, я согласен. И мое войско тоже сольется с твоим. Я не изменю данному слову, — проговорил Шалья и направился дальше по своему пути.

Встретившись с Юдхиштхирой, он рассказал ему обо всем, что произошло, и был очень опечален, узнав у этого лучшего из царей земли о том, что Пандавы готовятся к битве с Кауравами.

— Я, твой родной дядя, я, который является твоим вторым отцом, так опрометчиво дал слово поддерживать твоего врага, — с горечью говорил он. — И это в то время, когда вы все сами так нуждаетесь в помощи. О горе мне, горе! Что же теперь делать?

— Нет сомнения в том, что ты должен сдержать слово, данное Дурьодхане, — сказал ему справедливый Юдхиштхира. — Но и мне ты можешь помочь. Из всех, кто будет биться на стороне Кауравов, опаснее всего Карна, сын

Солнца. Искусный в подвигах и дерзкий, он будет нападать на Арджуну. Надо обезопасить моего брата от его стрел. Ты, о дядя, должен стать колесничим Карны и править его колесницей так, чтобы он не мог поразить Арджуну. Большой помощи нам не надо, поэтому не печалься из-за содеянного тобой.

— Пусть будет так, — согласился Шалья. — Я рад, что хоть чем-нибудь смогу поддержать вас в битве.

Вскоре привел свое могучее войско брат Драупади, бесстрашный герой Дриштадьюмна, и со всех концов земли стали стекаться армии разных государств. Эти армии, исполненные мощи, были подобны грозovým облакам, плывущим по небу. Воины в сверкающих доспехах были как золотые изваяния, а боевые слоны походили на несокрушимые горы. Колесницы летели так быстро, что казалось, кони не касались копытами земли.

И каждая из армий, вливаясь в неисчислимое войско Юджиштхиры, тонула в нем, как тонкий ручеек тонет в океане. Но все новые и новые друзья этого царя справедливости оставляли свои страны и приводили войска под его стяги.

И, когда собрались тысячи тысяч воинов, Кришна, приблизившись к Юджиштхире, сказал:

— Пока не натянут лук Арджуны, пока булава Бхимасены не засверкала в его могучих руках, пока спят в ножнах мечи твоих младших братьев, о украшение рода Бхараты, следует сделать все, чтобы избежать битвы. Я направляюсь к Дурьодхане и попробую примирить вас.

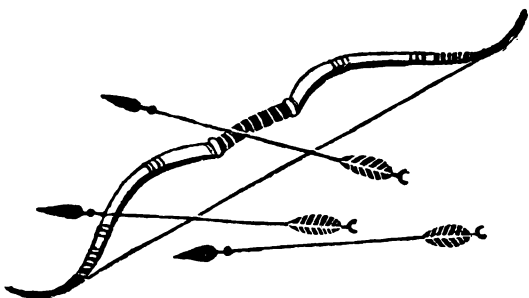
Сказав так, он взошел на колесницу и вскоре прибыл ко двору слепого царя Дхритараштры. Обращаясь к нему и к его советникам и к царям, которые собрались там, и к самому Дурьодхане, он старался лучшими словами убедить их вернуть Пандавам их царство и все их достоинство.

Но хотя великомудрый пращур Бхишма, и советник Видура, исполненный честности, и старый Дхритараштра

просили Дурьодхану стать наконец на путь правды и закона, этот злоумный не хотел и слышать о возвращении захваченного.

И Кришна, не преуспев в задуманном, вернулся к Пандавам.

— Теперь, — сказал он, — когда мы выполнили долг благородства, нам не остается ничего, кроме битвы.

Рассказ о сближении армий

После того как Кришна, этот светоч земли и небес, покинул двор слепого Дхритараштры, Дурьодхана обратился к своим друзьям и приближенным, сказав: — Теперь, когда Кришна увидел, что мы неколебимы, битва начнется скоро. Мы знаем, что Пандавы готовятся к ней, пора и нам подумать о том, чтобы наше войско было готово к бою.

— Мои воины уже проверили свои колесницы и вычистили коней, — проговорил один из военачальников.

— Мои воины накормили и выкупали слонов и укрепили паланкины на их спинах, — сказал другой.

— Мои воины приготовили все оружие и ждут начала боя, — промолвил третий.

И так, один за другим, все начальники войска сообщили о том, что все готово к битве. И тогда Дурьодхана оглядел всю свою армию и увидел ее, огромную и сверкающую, подобную океану при восходе луны. Он повелел разделить всех воинов на лучших, хороших и средних, а после этого построить войско так, чтобы лучшие были впереди, хорошие — посредине и по краям, а средние — позади. И на много других частей делилась эта армия. Во главе одной из них Дурьодхана поставил своего брата Душшасану, который так оскорблял Драупади, когда она была проиграна в кости; во главе другой стал Шакуни, коварный игрок, обыгравший Юджиштхиру. Третью возглавил наставник Дрона, который обещал свою помощь Кауравам за то, что много лет жил в их дворце, не зная забот. Еще одну часть повел за собой дядя Пандавов, Шалья, который не переставал печалиться о том, что так неосторожно обещал Дурьодхане стать его военачальником. И во главе неисчислимого своего войска, которое тоже слилось с армией Дурьодханы, стал дерзкий Джаядратха, похититель Драупади. Пандавы стрелой обрили ему голову в лесу, и теперь его сжигала жажда мести. И другие части этого великого войска возглавили братья Дурьодханы и его друзья.

«Но кого же сделать самым главным военачальником? — подумал Дурьодхана. — Кто славен больше других своей мудростью и отвагой, знанием оружия и опытом жизни?»

После раздумий он избрал прадеда Бхишму, который до старости сохранил зоркость глаза, меткость руки и умение воевать и добиваться побед.

Дурьодхана пришел к этому величайшему из воинов земли и обратился к нему, почтительно сложив ладони:

— О могущественный, армия без главного военачальника подобна куче муравьев, которые снуют по земле взад и вперед. Ты среди нас подобен месяцу среди созвездий и Индре среди богов. Иди впереди нас, как сильный бык впереди стада.

— О воин, пусть будет так, как ты хочешь, — ответил благородный Бхишма. — Но ты ведь знаешь, что я люблю Пандавов и не стану убивать их. Я обещал твоему отцу свою помощь, и я буду сражаться за вас, но их я убивать не стану. Поэтому я буду уничтожать каждый день по десять тысяч других воинов их армии. По прошествии месяца я истреблю все их войско.

Тогда Дурьодхана спросил наставника Дрону:

— О сильнейший, сколько дней и ночей пройдет, пока ты уничтожишь армию врагов?

— Я тоже уже стар, и сила моих рук упала. Не меньше месяца пройдет, раньше чем я смогу сделать это.

И все другие военачальники ответили, что такое же время, и даже больше, пройдет до того, как они победят врага. Один Карна воскликнул с жаром:

— А я, о повелитель земли, истреблю всю армию Пандавов за пять дней. Я поведу твое войско, если захочешь.

Услышав это, старый Бхишма улыбнулся и сказал:

— Так можно говорить до тех пор, пока не увидишь войска Пандавов воочию.

И Дурьодхана, согласившись с этими словами, обратился к Бхишме:

— Веди нашу армию за собой, подобный опытному вожаку слонов. Мы все будем покорны тебе в этом бою.

И тогда Карна, вскочив со своего места, в гнев закричал:

— О, если Бхишма возглавит твое войско, пресветлый царь, тогда я не буду сражаться. Он всегда был против меня. И против тебя. Он всегда был за Пандавов. Зачем ты даешь ему право вести твое войско? Я не буду сражаться до тех пор, пока его не убьют. Знай это. Или повели мне вести твое войско.

Но Дурьодхана не мог решиться доверить армию своему пылкому другу, заносчивому и самонадеянному. Поэтому он решил, что Бхишма возглавит поход, и известил об этом

всех. И воины в знак приветствия и радости стали трубить в раковины и бить в барабаны и с великим шумом двинулись вперед, стремясь поскорее встретиться с врагом.

И вот эта огромная армия пришла к полю боя и остановилась на Курукшэтре¹ на ночной отдых, закрыв собою всю землю, подобно тому как черная туча перед грозой покрывает небо, как саранча покрывает поле.

А в армии Пандавов тоже собрались все военачальники, эти могучие среди могучих, эти воины, одаренные величием и силой. И Юдхиштхира спросил Арджуну, лучшего из носителей оружия:

— Скажи, о тигр из рода Бхараты, сколько времени потребно тебе для того, чтобы смести армию Кауравов с лица земли?

— Во мгновение ока их всех поглотит тайное оружие всемогущего бога Шивы, которое я получил от него на вершинах Гималаев. Но мы победим их и без этого страшно разящего оружия. Взгляни, какие воины тебя окружают, какие львы среди людей, какие несокрушимые горы силы и мужества.

— Да, — согласился Юдхиштхира. — Верховным вождем всего войска, всех армий я прошу стать брата несравненной Драупади — многоопытного воина Дхриштадьюмну. Не будем думать о длительности битвы, будем думать о самой битве. Тебя, Бхимасена, не знающий поражений, я прошу стать во главе главного отряда. Ты, подобный грозе, как бы родившийся в бою, будешь сражаться впереди всех, сокрушая врагов. А эти младшие наши братья, Накула и Сахадева, будут охранять тебя с двух сторон от вражеских стрел и копий. А я буду в центре армии, чтобы хорошо видеть все, что происходит. И Арджуна, стоя в колеснице, которую поведет Кришна, будет недалеко от меня.

¹ Курукшэтра («поле Куру») — равнина километрах в ста к северо-западу от современного города Дели — столицы Индии.

И вот эта армия двинулась вперед, подобная Гангу, который стремится в океан. В середине ее шли слоны, каждый из которых нес на себе семь воинов. По сторонам и впереди летели колесницы, обшитые шкурами тигров и леопардов. К колесницам были прикреплены колчаны, полные стрел. В них лежали также острые дротики, палицы и разное другое оружие. Кони, которые влекли колесницы, были украшены жемчугом и колокольцами, а воины в колесницах были искусны во владении оружием и в управлении конями.

Шли пешие воины, вооруженные луками, и копьями, и мечами. А другие пешие воины несли за спиной кувшины, полные ядовитых змей. А третьи имели длинные трубки, чтобы пускать во врага струи горячей патоки и горящую смолу. И за ними быки влекли большие чаны, где кипела патока и разогревалась смола. Эта устрашающая армия пришла на поле боя и остановилась там против вражеского войска. И были эти обе армии, как два бурлящих океана, разделенных узкой полосой земли, на которой еще царили мир и покой.

Спустилась ночь, и оба войска затихли, чтобы предаться отдыху. И для многих воинов это была последняя ночь, которую они должны были провести в числе живых.

Когда вершины Гималаев окрасились первыми лучами утреннего солнца, Арджуна обратился к Кришне, сказав этому несравненному:

— Скоро начнется великая битва. Взойдем на колесницу и окинем взглядом армии, стоящие здесь.

И Кришна погнал коней и остановил колесницу между двумя ратями, чтобы Арджуна смог увидеть всех, кто был готов к бою. И вот взор этого славного воина упал на оба неисчислимо огромных войска, исполненных жажды битвы. И среди вражеских воинов Арджуна увидел прадеда Бхишму, который когда-то впервые показал ему, как надо держать лук в руках. И наставника Дрону, который с такой лю-

бовью учил всех Пандавов владеть оружием и так гордился их успехами. И всех своих двоюродных братьев, вместе с которыми он рос во дворце слепого Дхритараштры. Увидел он также своего дядю, царя Шалью, который стал военачальником у Кауравов, и много, много других родных.

И когда Арджуна охватил взором всех этих членов своего рода, готовых к тому, чтобы убивать или быть убитыми на поле брани, в великой скорби сжалось его сердце.

— О скажи, несравненный,— обратился он к Кришне,— разве нет другого пути, кроме кровопролитной битвы, чтобы вернуть нам незаконно отнятое царство? Неужели никаким другим путем нельзя спасти наш народ от притеснений Дурьодханы? Неужели нельзя прекратить распри в нашей стране, не убивая всех, кто близок мне по крови?

— Словами мудрых отвечу я тебе, о лучший из потомков Бхараты, — сказал Кришна. —

Ведь тот, кто родился на свет,
Обрел себе смертную долю.
Путь свой пройдя по земле,
Канет он в смерть неизбежно.
Что же за польза скорбеть
О том, что нельзя отворотить?

— Нет, не в силах я убивать своих родных. Не желаю я победы, купленной ценою их крови. Не нужны мне царство и все блага, не нужна радость битвы и упоение победой — ничего этого я не желаю, если земля пропитается кровью моих близких. Это злодейство погубит наш род, прославленный в трех мирах. Руки мои слабеют, я не в силах поднять лук. Я не буду сражаться. Пусть меня убьют, я даже защищаться не стану. — И, проговорив эти слова, Арджуна, охваченный тоской, опустился на дно колесницы и выронил из рук свой дивный лук и остро отточенные стрелы.

Видя эту скорбь своего друга и зная, что битва неизбежна, Кришна, одаренный высшей мудростью, сказал:

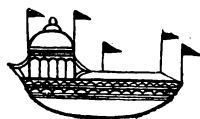
— О лучший из Пандавов, заблуждается твой ум и не находит верного пути. Во имя правды ты должен сражаться. Великим злодейством Дурьодхана подверг вас неисчислимым мучениям. Все это знают, и, если не будет ему кары, многие станут поступать так же, насаждая беззаконие. Твой достохвальный брат, Юдхиштира, который дарил счастье народу, отрешен от дел царства, и страну терзают враги, подобные хищным птицам. Погруженные в страдания люди ждут, когда же они снова обретут мир и покой; слабые народы и страны хотят объединиться вокруг справедливого и мудрого вождя, каким считают они Юдхиштиру.

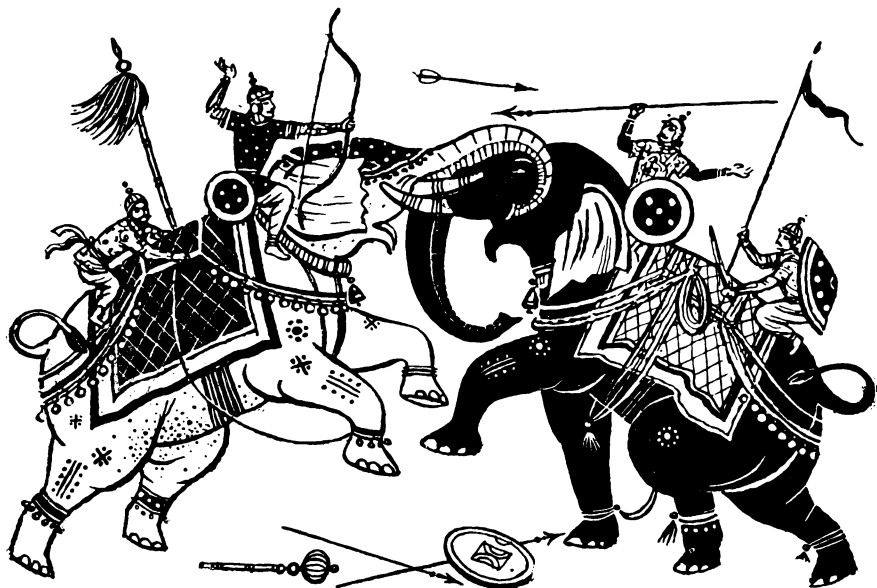
— Скажи мне, что делать, ты, одаренный совершенным знанием. Мой ум мутится от горя, и я не знаю своего долга, — ответил ему Арджуна.

— Ты воин, ты родился воином и воином умрешь. И не может быть для тебя на свете ничего выше битвы за справедливость, — сказал ему Кришна. — Мысль нерешительного человека подобна дереву со многими ветвями, мысль решительного пряма, как дротик. Отгони все сомнения и будь готов к бою. Всегда помни, что:

Воин живет, чтобы следовать долгу
И в битве за честь не падать своей жизни.

С этими словами Кришна вложил лук в руки Арджуны, помог ему подняться на ноги и погнал коней обратно, чтобы этот непобедимый воин занял свое место в рядах войска, которое он поведет за собой.

Рассказ о начале битвы

Слова мудрого Кришны проникли в сердце Арджуны, и он укрепился духом и снова стал стойким и не-
оборимым, как прежде.

Когда взошло солнце и над миром расцвело утро, раздался звук боевых раковин и загрели барабаны. Заржали кони, затрубили слоны. С грохотом двинулись вперед колесницы, весь мир огласился звоном оружия.

И дрогнула земля и застонали горы, когда сшиблись грудью бойцы двух огромных армий, стремившихся к победе.

Тучи стрел заволокли небо, и за ними не стало видно солнца. Мечи с оглушительным громом ударялись о щиты и доспехи, дротики проносились над головами, как струи ко-
сого дождя.

Слоны сталкивались друг с другом, подобно скалам в горном обвале. Они топтали ногами воинов и испарывали бивнями бока коней. Сверкали на солнце шлемы воинов, булавы и мечи оставляли в воздухе блестящие следы, словно вспышки молний.

Каждая часть обеих армий, ведомая опытным военачальником, билась в предназначенном месте и с предназначенным врагом. Каждый воин забыл о своей жизни и безопасности и, исполнившись ярости боя, думал только о том, чтобы сразить того, кто наносил ему удары.

Впереди войска Пандавов сражались два несравненных властелина битв — неистощимый в подвигах Арджуна и Бхимасена, неистовый в бою. Звон тетивы дивного лука Арджуны наполнял души врагов страхом и смятением. Радуга вспыхивала в небе, когда этот герой поднимал его, поражая неотвратимыми стрелами военачальников, воинов, коней и слонов.

Сверкающая колесница Арджуны, подобная метеору, пролетала по полю битвы с такой быстротой, что казалось, она видна повсюду в одно и то же время. Кришна направлял ее в самую гущу боя и всегда успевал увести от опасности. Своей грудью он прикрывал Арджуну и принял на себя много стрел и ударов, направленных в этого славного героя. И Арджуна охранял его, создавая вокруг колесницы неодолимую преграду из стрел. Он посылал стрелы так часто, что между ними не было просвета.

Когда смыкались вокруг неисчислимые толпы врагов, Арджуна накидывал на себя чудесные доспехи, которые ему подарил на вершинах Гималаев бог сокровищ Кубера. В этих доспехах он становился невидимым для глаз. Тогда, потеряв его в битве, расступались вражеские воины, и Кришна умело выводил колесницу, чтобы устремить ее туда, где сражались военачальники.

А Бхимасена, наделенный устрашающей силой, опустошал ряды войска Дурьодханы, подобно самому богу смер-

ти. Он крушил колесницы и вбивал в землю оружие врагов. Словно пыль из-под копыт буйволов, разлетались во все стороны поверженные враги.

Стремясь направить свои удары против военачальников Дурьодханы, Бхимасена ловил взглядом золотой блеск их колесниц. Увидев перед собою колесницу старого Бхишмы, он метнул в нее булаву и раздробил колесницу на мелкие куски. Но Бхишма успел соскочить на землю и, оставшись невредимым, продолжал возглавлять войско Кауравов. Толпы воинов, бросившись к Бхимасене, отделили его от Бхишмы стеной живых тел.

Видя, что Бхишма умело руководит армией Дурьодханы и что каждый успех войска Пандавов сразу же тонет в новом нападении этой армии, Кришна, в свою очередь, направил бег коней Арджуны прямо на колесницу Бхишмы.

— Не забывай о своем долге, — напомнил он ему, — армия без главного военачальника будет подобна телу без головы.

И вот колесницы этих двух величайших героев сблизились и стали кружить одна возле другой, словно два орла под солнцем. Арджуна поднял свой чудесный лук, и мгновенно сотни стрел осыпали коней Бхишмы, вонзились в его колесницу и поразили колесничего, но ни одна не коснулась самого Бхишмы.

Много раз Арджуна целился в сердце своего прадеда и каждый раз отводил лук в сторону, не находя в себе силы поразить его.

Видя это, сам Кришна соскочил на землю и замахнулся своим острым, неотвратимым диском, который принес смерть стольким врагам. Но Арджуна, бросившись ему вслед, удержал его руку, сказав:

— Нет, не сейчас. Я молю тебя пощадить его. Пусть хоть несколько раз еще встретит он восход солнца.

И Кришна опустил сверкающий диск, и оба носителя славы, взойдя на колесницу, понеслись в бой.

Так целых пять дней продолжалась битва. Тысячи воинов были поражены стрелами и копьями, десятки тысяч были изрублены мечами и истоптаны слонами. Земля пропиталась кровью, и вода рек покраснела, и солнце вставало в кровавых тучах. Но не было перевеса ни на одной стороне, и никто не мог бы сказать, чем кончится это сражение.

На шестой день Дурьодхана спросил у старого Бхишмы:

— Скажи, почтеннейший среди воинов, почему наше войско, ведомое в бой такими великими и прославленными военачальниками, как ты и Дрона, Шалья и мои братья, не может одержать победу?

— Не раз я говорил тебе, что нас ждет поражение, — сказал Бхишма. — Много раз я повторял, что нет и не может быть победы там, где царит зло. Победит тот, кто сражается за правое дело. Но ты не слушал меня. Еще не поздно опомниться. Еще живы почти все члены нашего рода. Прекрати бой и не нарушай больше законов правды.

Страх закрался в сердце Дурьодханы, но он ничего не ответил и покинул великомудрого Бхишму, так и не отказавшись от своих злых дел и мыслей.

И на следующий день битва вспыхнула с новой силой. Каждый из военачальников, не думая о спасении, вел свое войско в бой и старался следить за врагом, чтобы уберечь своих близких от гибели. Снова и снова вступали в поединки герои обеих армий, и сражение прекращалось только с наступлением темноты, чтобы с утра вновь разгореться на целый день.

В один из дней Бхимасена, увидев многих Кауравов вместе, покинул укрытие колесницы и пеший ринулся на них с булавой в руках. Когда Арджуна увидел, что колесница Бхимасены пуста, он в тревоге спросил у ее жока:

— Где мой брат, который мне дороже жизни?

— Этот сильнейший среди живущих повелел мне ждать его здесь и встал в ряды врагов, — ответил колесничий.

Арджуна со страхом бросился за Бхимасеной и увидел его, отражающего нападение сотни врагов, подобно льву, который сражается со слонами. Тогда Арджуна оградил брата тучей стрел и вывез его на своей колеснице, чтобы упоение битвой не привело его к гибели.

Всходило и садилось солнце, много раз проплывала по небу луна и скрывалась за вершинами гор, но не было видно конца битве. Уже погибли многие цари, союзники Пандавов и Кауравов, была разбита колесница Накулы, и он, еле избежав смерти, сражался вместе с Сахадевой. Стоны раненых и победные крики разносились по всей земле. Реки приносили в океан столько крови, что его волны стали багровыми. Сотни тысяч воинов отдали свои жизни, но победа была по-прежнему далека от обеих армий.

И вот на десятый день великой битвы пал Бхишма, пронзенный сотнями стрел. Упав с колесницы, он не мог даже коснуться телом земли и лежал на этих стрелах, как на ложе.

И вот Пандавы и все Кауравы, прекратив на время бой, собрались вокруг умирающего прадеда и в великой скорби стояли там, низко опустив головы.

И вот старый Бхишма проговорил:

— Тело мое опирается на острия сотен стрел, но голова моя не имеет опоры.

Все стоявшие вокруг сразу же бросились, чтобы принести большие удобные подушки, расшитые золотом и шелком. Но Бхишма, исполненный величия даже в свой смертный час, сказал, взглянув на Арджуну, самого любимого из правнуков:

— О непобедимый, о светоч рода Бхараты, сделай мне изголовье, подобающее воину, который прощается с жизнью.

И Арджуна, сдерживая рыдания, выпустил из своего лука три стрелы, и, скрестившись, они стали подушкой для

седой головы Бхишмы. Через некоторое время, когда солнце поднялось высоко, Бхишма, чтимый во всех мирах, проговорил со стоном:

- О Арджуна, всегда дорогой моему сердцу, подойди, напои меня водой, у меня горит все тело, и мне трудно дышать.

Тогда Арджуна натянул свой звенящий лук и пробил стрелой землю у самой головы Бхишмы. И из глубины земли забил прозрачный холодный ключ и оросил лицо умирающего воина и его потрескавшиеся губы.

И вот, когда солнце прошло половину своего небесного пути, старый Бхишма отдал свою душу в руки необоримого бога смерти, проговорив с последним вздохом:

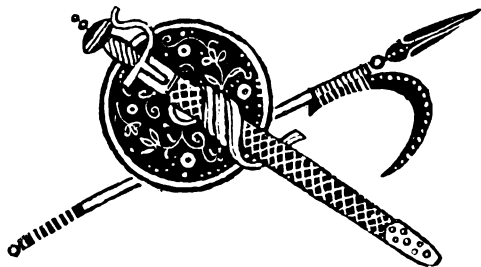
— Пусть эта война окончится вместе с моею жизнью.

Так простился с землей этот величайший из людей, который никогда не совершал несправедливых деяний и не произносил неправедных слов.

Но никто из Кауравов не хотел прекратить войну.

И тогда Карна, сын Солнца, верный своему обету не сражаться до тех пор, пока жив Бхишма, взошел на колесницу и устремился на войско Пандавов. И все воины бросились за ним, и снова запылала битва, пожирающая жизни людей, как пламя пожирает сухую траву.

Рассказ о завершении битвы

Карна не захотел стать во главе всего войска Кауравов. И он и Дурьодхана обратились к наставнику Дроне с мольбою вести в бой армию. И Дрона, одаренный знанием всех видов оружия, дал свое согласие.

Это был одиннадцатый день великой битвы, и Дурьодхана исполнился надежды, что теперь его армия, вдохновляемая Дроной, приблизится к победе.

И каждый день, от первых до последних лучей, бой не прекращался ни на один миг. Оба великомощных военачальника — и Дрона и Юджиштхира — располагали свои войска то в форме кольца или креста, то в виде лотоса или орла с раскинутыми крыльями.

Ярость битвы не ослабевала, но никто не знал, на чьей стороне будет победа.

Много раз рука Арджуны тянулась к страшному, всеистребляющему оружию, которое дал ему бог Шива, но Кришна всегда останавливал его, говоря:

— Подожди, о герой. Еще не время. Подожди до последнего мига. Если мы увидим, что враги побеждают и нет надежды на спасение, ты прибегнешь к этому ужасному оружию. Помни, что говорил тебе всемогущий Шива, — оно может и разрушить весь мир.

И Арджуна, удержанный мудрым другом, снова брался за лук и сражал стрелами тысячи врагов.

И вот Кришна сказал ему:

— Избегая оружия Шивы, не забывай о том, что другой владыка мира, тысячеокий бог Индра, научил тебя владеть стрелами молний.

Тогда Арджуна прочитал заклинание, которое придало ему силу подчинить себе мощь небесного огня, и в гневе поднял руку, повелевая грозным копьям богов обрушиться на вражеское войско. И мгновенно все небо озарилось нестерпимым блеском, оглушительный грохот сотряс вселенную, и на армию Кауравов стали падать копья и стрелы, оперенные огнем.

Это оружие, вселяющее ужас в души врагов, пробивало железные и золотые доспехи, дробило щиты и шлемы. И в это время все войско Кауравов оглушил страшный рев Ханумана, который пробрался в их ряды, чтобы сдержатъ слово, данное Бхимасене. В страхе заметались ослепленные и израненные воины Дурьодханы, прячась под слонов и забиваясь под колесницы. С ревом кидались во все стороны испуганные слоны, носились по полю боя кони, лишенные всадников.

И, когда кончился этот день битвы, от армии осталась лишь небольшая часть. Скорбное предчувствие сжало сердце Дурьодханы, но он снова отогнал мрачные мысли и решил на рассвете продолжить бой. Видя, что силы войска падают, а конца сражению не видно, он замыслил хитрый план. И утром следующего дня он повелел всем своим воинам не посылать стрел в Юджиштхиру, но взять его живым.

Наставник Дрона, одаренный честностью и прямоотой, обрадовался, полагая, что Дурьодхана избрал этот путь, чтобы скорей окончить битву и примириться с Пандавами. Но не этого добивался старший среди Кауравов. Он думал, что, пленив Юджиштхиру, он обезглавит армию врагов и она рассеется, как стадо антилоп, которое лишилось вожака. Если

же убьют этого царя справедливости, любимого всеми людьми, армия Пандавов исполнится такой ярости, что победить ее будет невозможно. Поэтому Дурьодхана объявил всему войску, что жаждет видеть Юдхиштхиру своим пленником.

И вот все воины Дурьодханы устремились, чтобы захватить Юдхиштхиру в плен, но этого лучшего из смертных охраняли его непобедимые братья. И Арджуна и Бхимасена не подпускали к нему врагов даже на расстояние полета стрелы.

Тогда против Арджуны двинулось войско, каждый воин которого поклялся перед священным огнем, что не отступит перед стрелами этого тигра среди мужей. И все они оросили землю своей кровью, и ни один из них не остался в числе живых.

Вслед за ними на Арджуну стало наступать войско Джаядратхи, того дерзкого, который в лесу изгнания пытался похитить Драупади. Арджуна сам поскакал ему навстречу, повелев младшим братьям охранять Юдхиштхиру, не сводя глаз с врага.

Кришна направил колесницу прямо в глубь вражеской армии, и вот Арджуна и Джаядратха очутились лицом к лицу, как два разъяренных тигра. Джаядратха был силен и искусен в сражении, и бой длился до самого заката солнца. И когда уже сгущался ночной мрак и Кауравы стали издавать крики радости, думая, что Арджуна не успеет поразить своего врага, Кришна сказал ему:

— Теперь пора. Рази его.

И Арджуна послал в Джаядратху стрелу такой силы, что голова этого несправедливого была срезана с плеч и отлетела высоко в небо, залив кровью облака.

Так погиб этот осквернитель покоя Пандавов в тяжкие годы их изгнания.

Вместе с Пандавами сражались и ракшасы, подвластные Бхимасене.

Когда спустилась ночь и густой мрак окутал землю,

один из них, свирепый и необоримый, как гора, двинулся на Карну. В лунном свете он казался особенно громадным и страшным. Он приближался, сверкая огромными зубами и щипая глазами, и вид его был так ужасен, что даже бесстрашный Карна содрогнулся. Земля сотрясалась при каждом шаге ракшаса, со спин слонов падали на землю паланкины, и ни люди, ни кони не могли устоять на ногах.

Издав громоподобный рев, ракшас швырнул в Карну обломок скалы и раздавил всю упряжку его коней, словно жуков. Карна послал в него дождь стрел, но все они только царапали кожу ракшаса, не принося ему вреда. В ночной темноте было трудно поражать врага из лука, и тогда Карна вспомнил о чудесном копье, которое дал ему тысячеокий бог Индра в обмен на его серьги и панцирь.

«Но ведь я хотел сразить этим копьем Арджуну, — подумал он в смятении. — Ведь я могу только один раз прибегнуть к этому оружию. Что же мне делать?»

Но тут ракшас стал метать в Карну каменные глыбы, и они ливнем обрушивались на колесницу этого отважного воина. Тогда он перестал колебаться и, прошептав заклинание, послал копье Индры в своего ужасного врага. Чудесное копье, со звоном промелькнув во мраке, само нашло сердце ракшаса и пронзило его так стремительно, что этот чудовищный людоед был отброшен на другой край земли.

А на следующий день Карна встретился в схватке с могучим Бхимасеной. Их колесницы сталкивались с великим громом, а белые кони Карны и черные — Бхимасены кружили по полю, словно тучи дня и ночи, гонимые смерчем.

Карна, этот отважный воин, уверенный в победе, нападал на Бхимасену, улыбаясь и повторяя все время:

— О, не трусь, не вздумай повернуть спину. Если даже ты захочешь убежать, мое копье догонит тебя.

Эти слова жалили сердце Бхимасены, как пчелы, и он рычал от ярости и швырял во врага одну булаву за другой с такой силой, что мог бы сокрушить горы. Уже пять, семь,

восемь раз должен был Карна оставлять разбитую вдребезги колесницу и всходить на новую; уже почти все его оружие было поломано; уже улыбка сошла с его лица, но схватка этих героев не слабела. Бхимасена был изранен так, что подходил на дерево ашока, покрытое красными цветами, но и его ярость не становилась меньше.

Видя это, Дурьодхана стал посылать своих братьев, чтобы поддержать Карну в битве. Но все они, один за другим, были убиты и изранены Бхимасеной и корчились на земле, как раздавленные змеи.

Увидав гибель столь многих Кауравов, Душшасана, следующий по старшинству брат Дурьодханы, решил сам идти на помощь Карне. Но как только он приблизился и его увидел Бхимасена, вся кровь бросилась в голову этому несокрушимому воину. Вот наконец перед ним этот ничтожный, который осмелился за волосы притащить Драупади в зал для игры в кости!

Бхимасена сразу вспомнил слова своей клятвы: «Да не достигнет душа моя посмертного блаженства, если я не разорву грудь этого злодея...» Охваченный неизмеримой яростью, он спрыгнул с колесницы, как тигр, и, отбросив в сторону оружие, ринулся на Душшасану.

Никто из воинов не успел и вскрикнуть, как этот могучий одной рукой опрокинул колесницу врага, а другой швырнул его на землю, словно жалкого шакала. Наступив на Душшасану, Бхимасена мгновенно разорвал его пополам.

В это время Кришна привел к месту кровавой схватки колесницу Арджуны. Ему навстречу устремился Карна, горя желанием победить, наконец, того, кто был его соперником во всех подвигах. И тогда закипел такой бой, что взгляд человека не в силах был уследить за мельканием стрел и копий, за движениями обоих воинов и поворотами их колесниц.

Шалья, дядя Пандавов, стал колесничим Карны, сдержав слово, данное Юдхиштхире. Стремясь помочь Арджуне

и оградить его от ударов врага, Шалья направлял колесницу так, чтобы Карне нелегко было сразить своего противника.

Тогда Карна послал в Арджуну стрелу, которая обладала силой тысячи змей. Острые ее было подобно змеиной голове, и она излучала блеск, похожий на блеск чешуи змеи. С шипением взвилась эта стрела в воздух и стремительно понеслась прямо к горлу Арджуны.

Кришна, одаренный высочайшим умом, сразу повернул колесницу так, что она погрузилась в песок до половины колес. Поэтому ужасная стрела вонзилась в золотой шлем Арджуны, не принеся гибели этому украшению рода Бхарты.

И в этот миг Арджуна, натянув свой лук, сверкающий, как радуга, неотвратимой стрелой лишил Карну жизни.

Так исполнилась клятва еще одного Пандава, произнесенная тринадцать лет назад в зале для игры в кости.

Проносясь по полю битвы, Сахадева, лучший из владеющих мечом, увидел перед собою злодея среди злодеев — хитроумного Шакуни, этого тигра с душой шакала. Они стали сражаться на луках и копьях, на кривых мечах и булавах, разя друг друга без пощады. Но вероломный Шакуни не мог одержать победу в открытом воинском поединке и трусливо обратился в бегство.

Сахадева, этот лев среди воинов, устремился за ним на своей колеснице, украшенной золотом. Поразив стрелами всех коней Шакуни, он положил на лук тяжелую железную стрелу с широким, остро отточенным наконечником и, послав ее во врага, сбил с плеч его голову, как палкой сбивают с ветки тяжелый плод. И эта голова, порождавшая столько хитрых мыслей и коварных планов, покатилась по пыльной земле под ноги победителя.

Смерть главных военачальников, которые были надеждой войска и украшением битвы, поселила горе в душах Ксауравов. Был убит и наставник Дрона, учивший их вла-

деть оружием. Сраженный братом Драупади, он упал на землю, подобный могучему дереву, обрушенному ураганом.

Вскоре под стрелами союзников Пандавов упал и Шалья, словно пораженное молнией древко знамени.

И тогда Дурьодхана понял, что это сражение не принесло ему победы. Погибли все, кого он вовлек в эту кровопролитную битву. Погибли Бхишма и Дрона. Погиб Шакуни, чьи измышления и поступки породили столько зла. Погибли все сыновья слепого царя Дхритараштры. И только он один, упорный в своей ненависти, остался в живых, чтобы созерцать это море крови, залившее всю страну. Думая об этом, Дурьодхана поник головой и опустил оружие.

И тогда перед ним появились все пять Пандавов. Они были покрыты ранами и истерзаны битвой, но живы и готовы до конца стоять за правду.

— Выбирай любого из нас и бейся, — сказал ему Юдхиштира.

— Зачем? — спросил Дурьодхана. — Я не хочу больше править царством, я уступаю его тебе.

— Не за царство сейчас будет бой, а за справедливость, — ответил ему этот носитель правды. — Слишком много зла ты совершил, чтобы не понести кары. Выбирай любого и бейся.

Дурьодхана, душа которого уже устремилась к смерти, выбрал Бхимасену и начал с ним бой на палицах. Страшные удары высекали огонь, озарявший небо и землю. Вихри вздымались, когда эти могучие воины сталкивались друг с другом и били палицами о щиты. Но вот последним страшным ударом Бхимасена сразил своего врага, и этот неразумный царь, шедший всегда по пути заблуждений, выронил из рук оружие и, пошатнувшись, опустился на землю.

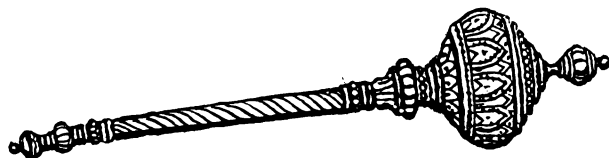
Вокруг него, погрузившись в молчание, собрались те, кого он вверг в океан неизмеримых бед и страданий. Обведя их гаснущими глазами и увидев Кришну, стоявшего рядом с Арджуной, Дурьодхана обратил к нему слова гнева;

— Ты виновен в моем поражении. Ты хитростями спасал Арджуну от гибели. Ты учил Пандавов, как надо поступать, чтобы победить мое войско. Из-за тебя я погибаю теперь, заливая своей кровью эту пыльную горячую землю. Ты один виновен в гибели всего моего рода.

— О воин, — сказал ему великославный Кришна, — не умножай ненужным гневом своих смертных мук. Ты следовал путем греха и беззаконий, и эта кара заслужена тобой. Среди этих благородных Пандавов нет виноватых перед тобой. Не о гневе думай, а о том, что перед тобой открыто небо воинов.

— Да, — подхватил эти слова Юдхиштхира, желая добрым словом облегчить своему врагу последний путь, — ты бился честно и бесстрашно. Небо воинов готово принять тебя. Прощай.

С этими словами он удалился, и за ним последовали его братья. А над умирающим Дурьодханой спустилась ночь, и тысячи тысяч звезд пролили свой прохладный свет на его пылающее жаром тело.

Рассказ о смерти Дурьодханы

В глубоком мраке к Дурьодхане прокрался один из юных воинов его армии, сын наставника Дроны, по имени Ашваттхāман. Увидев этого царя, который недавно еще был так могуч и властен, а теперь бессильно лежал на окровавленной земле, он разрыдался и приник головой к ногам своего поверженного владыки.

— О величайший из великих, — воскликнул Ашваттхаман, — неужели на земле нет ничего неизменного? Ты, который был властелином полумира, погибаешь здесь один, окруженный гиенами и шакалами. Где твоё войско? Где непобедимые военачальники? Где братья и соратники? Все, все ушли по пути бога смерти. Никого нет возле тебя. Некому оказать тебе подобающие почести, некому отомстить за тебя.

Рыдания Ашваттхамана вызвали душу Дурьодханы из предсмертного забытья. Обратившись к этому юноше, который так горестно оплакивал его поражение, Дурьодхана сказал:

— Я не скорблю о жизни. Рано или поздно смерть приходит ко всем живущим на земле. Я счастлив, что принимаю смерть, достойную воина. Я счастлив, что вижу тебя невредимым. Ты всегда был храбрым и стойким. Не горюй и теперь. Мне горько думать только о том, что моя армия разбита, а в армии врагов сохранилось так много невредимых.

— О повелитель, — вскричал Ашваттхаман, — пусть не печалят тебя эти мысли! Я клянусь тебе всем, что имею, клянусь своей душой и своей правдой, что скоро вражеского войска не станет. Жди меня. Я сам принесу тебе весть об этом.

Проговорив так, Ашваттхаман, одаренный горячностью и отвагой, устремился в стан Пандавов, жаждая боя.

Это была первая ночь после завершения великой битвы. Измученные воины спали тяжелым крепким сном. Нигде не было видно зажженного огня, нигде не было слышно ни слова.

Подкравшись к лагерю врага, Ашваттхаман притаился под большим развесистым баньяном и стал думать о том, как же он сможет одолеть всех этих воинов. Он пришел сюда, гонимый неизмеримой скорбью и неутолимой жаждой мести, но ведь он был один. Что, кроме смерти, могло ждать его в этом бою?

Погруженный в эти безрадостные мысли, сидел он под деревом, не зная, на что решиться. Вдруг что-то упало во мраке к его ногам, как будто плод, сбитый порывом ветра. Потом еще и еще. И все чаще и чаще стали слышны удары о землю вокруг него. Он протянул руку и нащупал возле себя птицу, которая билась в предсмертных судорогах и вскоре затихла. Возле нее лежала другая, дальше еще одна и много, много других птиц. Одни из них были с оторванными головами, другие с разбитой грудью, третьи без перьев.

Ашваттхаман стал всматриваться в густые листья баньяна, не понимая, что же могло убить этих птиц в ночной тишине. И вдруг огромная сова пролетела над самой его головой, скрыв от его глаз звезды своими распластанными крыльями. И тогда его внезапно осенила мысль, что не в открытом бою должен он сразить этих врагов, а сейчас, ночью, не медля ни минуты. Только пока они охвачены сном, подобно этим птицам, сможет он один одолеть их всех. Когда загорится рассвет, будет уже поздно.

Он вскочил, исполненный решимости, и стал красться во мраке, пригибаясь к земле, подобно леопарду. И вот его взору открылись, словно тени на земле, воины Пандавов, устало раскинувшиеся в глубоком сне.

«А могу ли я убивать спящих? — вдруг подумал он. — Не нарушу ли я древних законов воинской чести?» И, охваченный колебаниями, он остановился, не решаясь поднять руку на врага.

Но потом отогнал сомнения, вспомнив слова, которые он часто слышал от военачальников своей армии:

Враг должен быть убит без колебаний,
Не глядя на его усталость или раны,
На то, что спит он, или убегает,
Иль утоляет жажду, или ест,
Или разбит, или охвачен страхом.
Все это не причины для сомнений —
Враг должен быть убит без колебаний.

Разбив щит своей чести на тысячи кусков, он выхватил кинжал и бесшумно бросился на спящих воинов, как кобра, наносящая смертоносный удар. Разя их без пощады и сожаления, он истреблял всех, кто остался в живых после битвы. А те воины, которые проснулись от стонов умирающих, в страхе убивали друг друга, не видя врага и не понимая, откуда пришла опасность.

Спаслись от страшной гибели только сами Пандавы, которых в эту ночь не было в лагере.

Завершив избиение вражеского войска, Ашваттхаман поджег навесы и шатры в чужом стане и скользнул во мрак так же бесшумно, как появился. Он поспешил к умирающему Дурьодхане и, склонившись над ним, спросил в тревоге:

— О тигр среди мужей, слышишь ли ты меня? Если душа еще не покинула твоего тела, прислушайся к моим словам, которые принесут тебе радость. Вся армия врагов уничтожена моей рукой. Среди живущих остались только братья Пандавы и Кришна, а из нашего числа только я и еще двое благородных воинов. Когда на небе ты увидишь моего отца и всех, кто погиб в этой битве, скажи им, что я отомстил за них. И знай, что я отомстил и за тебя, о величайший из царей земли.

Дурьодхана, собрав последние силы, проговорил:

— Ты совершил то, чего не могли сделать все воины моей армии. Благо тебе. Теперь я умираю с легкой душой.

И жизнь покинула этого царя, который до конца своих дней так и не смог стать на путь добра и правды.

Когда Юдхиштхира узнал о гибели всего своего войска, он, одаренный мудростью, сказал:

— Как часто побежденные оказываются победителями, а те, кто побеждает, бывают побеждены. Это по нашей вине ночью были убиты все воины. Наша беспечность привела их к смерти. Мы не должны были покидать лагерь. Поистине мы подобны кораблю, который, переплыв океан, утонул в реке. Но нет пользы в том, чтобы скорбеть о свершив-

шемся. Мы должны теперь думать о спасении страны и о благе своего народа.

И, сказав так, этот царь справедливости направился в сопровождении своих братьев в город слепого царя Дхритараштры.

Рассказ о примирении

Души всех жителей столицы Кауравов были погружены в глубокую печаль. Слезами горя были омыты лица жен и матерей погибших воинов. Старый Дхритараштра, лишившийся всех сыновей, был подобен дереву с обрубленными ветвями, птице без крыльев.

— Зачем, зачем я не последовал мудрым советам Бхишмы и Видуры?! — горестно восклицал он. — Для чего мне теперь жизнь? Я потерял весь свой род. Мера моего горя превышает мои силы. Как мне выдержать такие страдания? Как мне жить теперь, одинокому, слепому, утратившему всех, кто был дорог моему сердцу?

Советник Видура, который никогда не покидал старого царя, обратился к нему со словами утешения и поддержки:

— Встань, о величайший из царей, не поддавайся горю. Слезы живых жгут души умерших, как искры огня. Твои сыновья не единственные, кого избрал бог смерти. Битва является законом жизни воинов, смерть в битве почетна для них. Да и как могут живые избежать смерти? Ведь сказано:

Нет для смерти желанных и нет нежеланных,
Жизнь кончается смертью, как встреча разлукой.
И герои, и трусы, и святые, и плуты —
Все уносятся смертью, как вихрем пылинки.
Ниоткуда приходят на землю живые,
Неизвестно куда исчезая со смертью.
Все окончится — юность, и жизнь, и богатство,
И родство, что людей сочетает друг с другом.
Только время бескрайне, только время всеильно,
Только время бессонно, бесстрастно, бессмертно.

А поэтому не предавайся скорби и помни, что лучшим путем на небо является для воина битва. Отдаваясь волнам горя, ты погрузишься на дно, а сопротивляясь им, ты переплывешь море мучений. Поэтому встань, о царь, и погаси водой мудрости огонь своих страданий. Тебя ждет народ, чтобы воздать последние почести погибшим воинам.

Поддержанный разумной речью, слепой царь поднялся на ноги и, опираясь о плечо Видуры, проговорил:

— Мой верный советник, ты напомнил мне о моем долге. Пусть облачат меня в траурные одежды, я проследую на берег Ганги.

И вот, взойдя вместе с Видурой на колесницу, старый Дхритараштра направился к священной реке.

Когда гонцы известили об этом Юдхиштхиру, он вместе с братьями и Кришной устремился навстречу своему дяде, чтобы вымолить у него прощение за все горе, которое он вынужден был причинить ему. Приблизившись к старому

царю, Юдхиштхира упал к его ногам. Каждый из Пандавов назвал себя по имени, чтобы слепой брат их отца мог узнать их всех, смиренно склонившихся перед ним.

«Как и за что мне гневаться на них? — подумал Дхритараштра. — Ведь я знаю, что мой неразумный сын был всему виною. А эти дети моего брата по закону наших предков считаются также и моими детьми. Хорошо, что хоть они остались в живых и не прервется великий род Бхараты».

Смирив этой мыслью свое сердце, слепой царь обнял Юдхиштхиру, затем простер руки и к другим Пандавам. Но, когда он услышал шаги Бхимасены, от которых загудела земля, неизмеримый гнев охватил его душу. Ведь к нему сейчас подходил тот, кто своей рукой убил столько его сыновей, тот, кто лишил жизни и Дурьодхану. От этой мысли все тело Дхритараштры налилось страшной силой, и он стал подобен скале. Руки его, как два гигантских удава, протянулись навстречу Бхимасене.

Увидев эту перемену в старом царе и понимая, что сейчас он способен сокрушить сильнейшего из живущих на земле, Кришна мгновенно отстранил Бхимасену. Благодаря своим божественным свойствам Кришна заранее знал, что Дхритараштра, встретив Бхимасену, не сможет совладать с порывом ярости, а поэтому взял с собой железную фигуру человека. Теперь он быстро толкнул ее в объятия разгневанного царя.

Дхритараштра сжал эту фигуру руками с такой непомерной мощью, что она сплюснулась, как мягкая глина. И тут же гнев его погас, и он раскаялся в содеянном и стал со слезами взывать к богам, моля их вернуть жизнь Бхимасене, этому сильнейшему из потомков Бхараты.

Тогда Кришна, поняв, что яростная сила покинула старого царя, сказал:

— Не горюй, царь царей. Второй сын твоего брата жив и ждет твоего благословения. Ты разбил не его тело, а железную статую,

И обрадованный Дхритараштра обнял Бхимасену, одаренного мощью тысячи слонов, и прижал его к своей груди.

— Мое счастье и счастье народа зависит теперь от вас, о могучие герои, — сказал он. — Теперь вы должны править страной и охранять подданных. Я благословляю вас.

С этими словами царь оставил Пандавов и направился к воде, чтобы совершить обряды омовения.

Берега Ганги были покрыты толпами вдов, пришедших сюда, чтобы оплакивать погибших. Распустив волосы и сняв все драгоценные украшения и золотые пояса, эти женщины, вошедшие в воду, были подобны стае белых журавлей, которые лишились птенцов. Их горестные вопли наполняли воздух и долетали до сияющего неба. От их слез переполнились воды Ганги и стали солеными, как волны океана.

Раскачиваясь от горя из стороны в сторону, эти прекрасные женщины напоминали тычинки лотоса, колеблемые ветром. И больше всех горевала супруга слепого Дхритараштры, луноликая Гандхари, подарившая ему сто сыновей. Все сто погибли в битве, и не было меры душевной муке этой матери, которая лишилась всех детей.

— О мой первенец, о Дурьодхана! — рыдала она. — Каждый раз, когда ты просил меня благословить тебя на победу, я отвечала: «Победа там, где правда». И вот ты повержен во прах, и все твои братья погибли, и я обездолена. О, какой страшной ценой ты заплатил за познание правды! О, как страшно мне, одинокой, доживать свои дни!

Слезные крики Гандхари звучали словно вопли израненной птицы.

И тогда к ней подошел Юджиштхира, этот носитель справедливости, претерпевший так много от Дурьодханы и его братьев. Склонившись к ногам рыдающей Гандхари, он сказал смиренно:

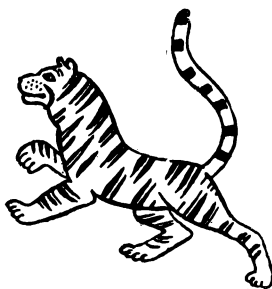
— О мать, вот я перед тобою, убийца твоих сыновей. Можешь проклясть меня. Я сам больше не радуюсь жизни, которая оплачена ценою гибели стольких героев,

Но Гандхари, взглянув на него, измученного битвой и покрытого шрамами многих ран, поняла, что нет его вины в том, что произошло.

Ведь она сама говорила, что победа там, где правда, — так за что же ей теперь было винить этого царя, который сражался за правду? Ведь поистине не его вина была в том, что столь многие славные воины и цари лежали на земле. Не его вина была в том, что все поле боя, подобно россыпи драгоценных камней, сверкало обломками золотых шлемов и доспехов. И не его вина в том, что, как слоны, убитые львами, уснули навек все сто братьев Кауравов.

И Гандхари тоже обняла и благословила Пандавов, этих носителей доблести и правды, этих львов среди людей.

И только после этого они приблизились к своей матери, царице Кунти.

Рассказ о воцарении Юдхиштхиры

По прошествии месяца Юдхиштхира вступил в столицу. Его должны были короновать на царство, но он не мог найти радость ни в своей безграничной власти, ни в преклонении народа, ни во владении неисчислимыми богатствами. Печальный и задумчивый, сидел он на сверкающем троне под белым царским зонтом, и в его глазах отражалась глубокая скорбь. Перед его взором не-

отступно стояли кровавые видения битвы, он не мог забыть погибших воинов и всех членов славного рода Бхараты, навсегда простившихся с жизнью.

И вот он призвал к себе всех братьев, этих тигров среди мужей, и Кришну, который украшал собою мир, и сказал им:

— Все враги покорены мною при помощи вашей доблести и силы. Нет на земле властителя, подобного мне по мощи и богатству. Но душа моя окутана мраком, и мысль моя блуждает в поисках правды. Нет для меня счастья в том, что я стану правителем мира ценою таких безмерных утрат. Радость моей победы утонула в море пролившейся крови. Я не хочу царствовать. Я решил стать отшельником, жить в лесу среди зверей и питаться плодами и кореньями. Большого мне не надо... Что вы скажете об этом, о достойные герои?

После долгого молчания первым заговорил Бхимасена:

— Мой досточтимый брат, ты сейчас подобен слепому, который среди ровного поля потерял дорогу. Перед тобою расстилается весь мир, где так нужна твоя праведная власть, а ты хочешь избрать путь бездеятельности. Зачем тогда погибло столько славных воинов? Разве человек, который роет колодец, должен стремиться не к воде, а только к тому, чтобы выпачкаться землей? Или тот, кто прошел долгий путь, должен повернуть обратно у самой цели? Или голодный, который наконец добыл пищу, должен отказаться вкусить ее? Что же будет с родной землей? Только тот может уйти в леса, кто не в силах поддерживать других. Помни, что

Для царя путь царей уготован,
Путь смирения назначен монахам,
Жизнь лесная указана ланям,
Путь сражений для воинов создан.

Поэтому я говорю, что каждый должен следовать своим путем.

Тогда Юдхистхира перевел свой взор на Арджуну, этого лучшего из знатоков оружия. И Арджуна проговорил:

— Да. Я могу только повторить слова брата. Ты воин и царь, и на поле твоей жизни должны взрасти успехи правды и добра. Ты должен безропотно нести тяжкую ношу управления государством, защищая его границы, и направлять жизнь своих подданных по руслу правды. Ведь сказано:

Кто долгу предан безмерно,
Кто речью славен правдивой,
Кто верен слову и делу,
Того почитают люди.

А поэтому ты, одаренный величием и благородством, ты, владыка мужей и знаток закона, должен править миром, в котором нет теперь твоих врагов.

После Арджуны заговорил Накула, герой с грудью льва и горячностью молодого коня:

— Знай, о царь, что не только люди, но даже боги не властны в своих делах. Обязанности каждого человека сильнее его самого. Если на одну чашу весов положить обязанности, а на другую все соблазны и порывы жизни, то первая чаша перетянет. Мудрецы говорят:

Правитель, который оставил царство
И предал народ на страданья и гибель,
Будет людьми и богами проклят
И будет навеки предан забвенью.

Поэтому знай, что царь без народа подобен облачку, которое оторвалось от тучи и будет развеяно ветром. Пусть горе оставит тебя — ты должен думать о своем долге.

И последний из Пандавов, искусный в бою Сахадева, промолвил:

— Неправильна жизнь того правителя, который, владея всей землей, забывает о законах, предписанных предками.

Только тот, кто отдает себя целиком заботе о живых существах, населяющих подвластный ему мир, будет всегда жить в душах людей. Ведь сказано:

Никто не отделен глухой стеной от прочих тварей —
Все, кто живет вокруг тебя, с тобою слиты неразрывно.
Творя добро для них, себе ты обретишь добра частицу,
И, защищая их от зла, свою ты душу защищаешь.

После этого великий Кришна поднял на Юдхиштхиру взор, подобный солнечному лучу. Он взял руку этого опечаленного царя и мягко заговорил с ним, успокаивая души людей своим голосом, который напоминал плеск прозрачных волн.

— О царь, о тигр среди мужей, — сказал он, — к чему поддаваться горю? Ведь этим не вернешь тех, кого нет в живых. Все павшие воины были украшением битвы и добыли себе великую славу. Их постигла смерть, завидная для каждого героя. Воины рождаются для такой смерти, и скорбеть о них не следует, как не следует печалиться о том, что брахманы приносят жертвы, а пастухи пасут скот. Так жили и умирали цари и воины до нас, так они будут жить и умирать после нас. Думай о живых, которые ждут от тебя помощи и готовы следовать за тобой, как дети за отцом. Думай о них — в этом твой долг.

При этих словах Юдхиштхира ощутил, что горе оставило его сердце. Он выпрямился на своем золотом троне и со светлым лицом обратился к своим близким, к советникам и к придворным, приглашая их занять места в зале совета. После этого он призвал своих подданных, и во дворец устремились толпы людей. Каждый хотел взглянуть на прекрасное лицо царя справедливости, каждый хотел принести ему дары.

А затем был воздвигнут алтарь и зажжен священный огонь. И брахман стал лить в этот огонь растопленное масло и читать гимны, призывая на Юдхиштхиру благословение

богов. Потом он возлил на голову царя воду из белоснежной океанской раковины.

Юдхиштхира принял дары от своих подданных и со светлой улыбкой выслушал все слова привета и восхваления. Щедро одарив всех жителей столицы, он сказал:

— Я прошу вас всех помнить о том, что царь Дхритараштра, брат моего отца, является для меня вторым отцом. И вы все должны неизменно оказывать ему знаки высочайшего внимания и почтения, подобно тому как я сам буду преданно служить ему до конца дней. А его верный и мудрый советник Видура станет теперь старшим среди моих советников.

Затем Юдхиштхира обратился к Кришне, почтительно сложив ладони:

— Только благодаря тебе, о величайший из великих, выиграна эта битва. Только с твоей помощью, о сокрушитель неправды, я вновь обрел престол и объединил землю своих предков. Слава тебе, непобедимый, озаряющий мир своим блеском, слава тебе!

И тогда Кришна, чьи желания исполнились и чьи взоры насытились видом величия Пандавов, взошел на свою золотую колесницу, украшенную драгоценными камнями, и покинул столицу своих друзей.

Рассказ о последнем пути

Вскоре после воцарения Юдхиштхиры, этого владыки правды и добра, Пандавы решили, что пришла пора совершить Великое Жертвоприношение Коня. Только тот царь, равного которому не было на земле, мог решиться на принесение такой жертвы, потому что после нее все властители мира должны были склониться к подножию его трона.

И вот был избран конь сверкающей белизны. По красоте и силе он превосходил всех других коней царства, как месяц превосходит звезды, как солнце превосходит все планеты. В присутствии придворных, и всех дружественных царей, и всех горожан этот конь был украшен золотом и бесценными камнями и отпущен на волю.

Помедлив у ворот города, он устремился вскачь туда, куда вело его собственное желание. За ним последовало

войско, состоявшее из лучших стрелков из лука, лучших колесничих и лучших меченосцев. Золотые тучи пыли затмили небеса, и это войско с великим звоном и громом промчалось по полям и скрылось вдали.

Куда бы ни направлял царственный конь свой свободный бег, повсюду следовали за ним воины. Они ревностно следили за тем, чтобы правители всех стран, в пределы которых вступал этот конь, изъявляли знаки покорности великому царю Юдхистхира. Горе было тому из властителей, который дерзал остановить коня и возмутиться вторжением войска. В решительной и жаркой битве его армия встречала поражение, а сам он, лишившись всего, что имел, признавал себя покоренным.

Так проносился по земле этот великолепный всепобеждающий конь, и все владыки склоняли свои венцы к ногам Юдхистхиры, одаренного несравненным величием.

Став правителем мира, этот сильнейший из царей много лет спокойно правил землей. Справедливость процветала, и подданные не знали меры счастью.

По прошествии времени старый Дхритараштра изъявил желание удалиться в лес и, став отшельником, отдохнуть от всех тягот жизни. Как ни молил его Юдхистхира не покидать их, слепой царь был непреклонен. С ним вместе в лесную обитель ушла и его супруга Гандхари, которая пережила так много горя. Мать доблестных Пандавов, царица Кунти, не желая оставлять старейших членов семьи в одиночестве лесного уединения, тоже последовала за ними, и все они стали мирно проводить свои последние дни среди медоносных цветов и тенистых деревьев.

Прошло много лет. Старость простерла свои мирные крылья над жизнью великих Пандавов. И вот Юдхистхира решил, что настало время и для них покинуть этот мир. Короновав на царство внука Арджуны — Парикшита, он вместе с Драупади и всеми братьями направил стопы свои к Гималаям, обители богов.

Сняв царские одежды и украшения, все они облачились в платье отшельников и покинули свою столицу.

Мирным и ровным был их неторопливый путь.

Ведя тихие беседы, собирая лесные плоды и отдыхая на берегу рек, они день за днем неуклонно приближались к своей последней, высшей цели. Они свершили все, что было им назначено в жизни, и души их были спокойны, как течение великой Ганги. Ничто не связывало их больше с делами земли. Каждый из них был готов устремиться на небо тысячеокого Индры.

Когда они достигли подножья Гималаев, престола бессмертных, и стали подниматься на их склоны, Драупади, нежная, как тычинка лотоса, опустилась на землю и, издав последний вздох, простилась с жизнью.

Вскоре и Сахадева бессильно склонился к подножию дерева и больше не встал. За ним последовал и Накула, который никогда не расставался с ним.

Все выше и выше поднимались трое оставшихся в живых, и, не отставая, шла за ними собака — последний преданный друг. Увидев невдалеке сияние неба, светлый красавец Арджуна опустился на колени и приник к земле, отпустив свою душу на волю.

Могучий Бхимасена продолжал еще следовать за старшим братом, который все ускорял свои шаги, стремясь к вершинам, но вскоре и ему изменили последние силы. Протянув руки к солнцу, он рухнул на склон горы, в последний раз заставив вздрогнуть землю.

И только один Юдхиштхира, которого влекла к небу сила его правды, неуклонно поднимался вверх.

И вот перед ним появилась сверкающая колесница сильнейшего из богов — Индры, владыки грома.

— Твоя нежная и чистая супруга и твои братья, достойные восхищения, раньше тебя достигли неба, — сказал он царю. — Тебя же задержала тяжкая ноша твоей телесной оболочки. Но так велики твои заслуги перед людьми и бога-

ми, что я живым возьму тебя с собою. Поистине ты был и остаешься царем справедливости, — сказал тысячеокий бог. — Взойди на колесницу.

Юдхиштхира взошел на колесницу Индры и очутился на небе воинов, где в блаженстве пребывали все его братья, и чистая его супруга, и все члены прославленного рода Бхараты, и все воины, погибшие в великой битве.

И пока будет стоять мир, эти величайшие из героев земли будут наслаждаться плодами своих дел и взирать из глубин веков на жизнь потомков, которые свято хранят в своих сердцах память об их несравненных подвигах.

В назидание живущим создана «Махабхарата» премудрым Вьясой. Несравненный Вьяса создал ее, чтобы все на земле узнали о добродетелях потомков Бхараты. Вьяса, обладавший справедливой душою, создал «Махабхарату», чтобы все, кто читает или слушает ее, поучались добру и правде, величию и красоте.

Воины из рода Бхараты слушали слова мудрейшего Вьясы, и сердца их наполнялись мужеством и благородством. Так пусть же мужеством и благородством наполнятся сердца всех, кто узнал эти древние предания, славу которых не смогли затмить тысячелетия.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Великий древнеиндийский эпос</i>	3
Н а ч а л о	7
Рассказ о Бхарате	8
Рассказ о Бхишме	14
Рассказ о сыновней любви	17
Рассказ о начале раздоров	21
Рассказ о дружбе Дурьодханы и Карны	27
Рассказ о смоляном дворце	32
Рассказ об убийстве злого ракшаса	36
Рассказ о состязании женихов	40
Рассказ о Кришне	47
Рассказ о возвращении Пандавов	52
Рассказ о женитьбе Арджуны	56
Рассказ о принесении Великой Жертвы	60
Рассказ о новом заговоре	67
Рассказ об игре в кости	72
Рассказ об унижении Драупади	79
Рассказ об уходе в изгнание	85
Рассказ о начале жизни в лесу	90
Рассказ о приобретении чудесного оружия	95
Рассказ о Нале и Дамаанти	101

Рассказ о Ханумане	112
Рассказ о потопе	117
Рассказ о царевне-лягушке	120
Рассказ о приходе Кауравов	123
Рассказ о похищении Драупади	128
Рассказ о Раме	134
Рассказ о преданной жене	142
Рассказ о конце изгнания	149
Рассказ о превращении Пандавов	156
Рассказ об убийстве Кичаки	161
Рассказ о конце изгнания	169
Рассказ о сближении армий	175
Рассказ о начале битвы	182
Рассказ о завершении битвы	188
Рассказ о смерти Дурьодханы	195
Рассказ о примирении	199
Рассказ о воцарении Юдхиштхиры	203
Рассказ о последнем пути	208

.

